БИБЛИОТЕКА ЛАВКРАФТА

Джон Бакен

Клуб «Непокорные»

МИСТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
В ЭКЗОТИЧЕСКИХ МЕСТАХ ПЛАНЕТЫ

Клуб «Непокорные»
Джон Бакен

Аннотация
Джон Бакен. КЛУБ «НЕПОКОРНЫЕ»
Слово переводчика, или Тринадцатый — на выход!
КЛУБ «НЕПОКОРНЫЕ»
ПРЕДИСЛОВИЕ
I. ЗЕЛЕНАЯ АНТИЛОПА ГНУ. История сэра Ричарда Ханнея
II. ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМ. История герцога Бурминстерского
III. ДОКТОР ЛАРТИУС. История Джона Паллисера-Йейтса
IV. ВЕТЕР В ГАЛЕРЕЕ. История Генри Найтингейла
V. «DIVUS» ДЖОНСТОН. История лорда Ламанча
VI. НЕУМОЛИМО ПРОТИВОСТОЯЩИЙ. История майора Оливера Пью
VII. СПОЙ ПЕСНЮ ЗА ШЕСТЬ ПЕНСОВ. История сэра Эдварда Лейтена
VIII. КОРАБЛЬ В ФАРСИС. История Ральфа Коллатта
IX. СКУЛЕ СКЕРРИ. История Энтони Харрелла

X. «TENDEBANT MANUS». История Артура Уорклиффа
XI. ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД. История Фрэнсиса Мартендейла
XII. ПОЛНЫЙ КРУГ. История Мартина Пекуэдера

Аннотация

Впервые на русском языке — важнейший сборник рассказов выдающегося шотландского политика, историка и писателя, «отца шпионского триллера» Джона Бакена (1875–1940). Этот автор известен прежде всего романом «Тридцать девять ступеней» и его шикарной экранизацией, сотворенной Хичкоком. Однако в истории литературы Бакен считается еще и непревзойденным мастером новеллы о путешественниках и охотниках за приключениями — приключениями, порой чреватыми сущим кошмаром…

Джон Бакен

Клуб «Непокорные»

Джон Бакен
КЛУБ «НЕПОКОРНЫЕ»

Слово переводчика, или Тринадцатый — на выход!

Дорогие читатели!

На мою долю выпало перевести книгу Джона Бакена «Клуб „Непокорные“».

Что за книга?

Что я перевел?

В книге собраны двенадцать историй. Каждый из двенадцати рассказчиков является членом клуба и главным героем одной из многочисленных книг Джона Бакена (1875–1940), которые вышли в свет до 1928 года, когда была опубликована «моя».

Также — тринадцатый член клуба, автором не предусмотренный, но присутствующий в каждой строке: переводчик.

Сейчас, набирая название — «Клуб „Непокорные“» — с удивлением обнаруживаю, что безбрежный интернет не выдает *ни-че-го*. Это чрезвычайно лестно: это подтверждает, что до меня книгу не переводил *ни-кто*.

Что у меня, переводчика, вызвало особый интерес?

Сказать по правде, не что, а кто, и не у переводчика, а просто у человека.

Сам автор, его личность, его труды и дни: как мало прожил — всего 64 года! — и так много успел.

По образованию и какое-то время по профессии — адвокат, окончил Университет Глазго. Писатель, журналист, работал в крупном издательстве. Во время Второй англо-бурской войны (1899–1902) — секретарь выдающегося колониального администратора лорда Милнера, во время Первой мировой войны (1914–1918) — корреспондент газеты «Таймс». После войны — помощник директора британского информационного агентства «Рейтер», в 1927–1935 гг. — член парламента от шотландских университетов.

Автор многочисленных статей, повестей и романов, среди которых наиболее известен «Тридцать девять ступеней» (1915), экранизированный в 1935, 1959 и 2008 гг. С 1935 г. Джон Бакен, 1-й барон Твидсмур — 15-й генерал-губернатор Канады. На этой должности и ушел из жизни в 1940 г. Человек невероятно образованный и начитанный, знаток Библии, знаток поэзии Древней Греции и Древнего Рима, знаток английской классической поэзии.

Что более всего поразило в биографии Джона Бакена? В частности то, что он оказался еще и замечательным поэтом, писавшим стихи на английском и шотландском языках. Был мастером так называемой шотландской строфы, которой наш Пушкин написал два известных стихотворения — «Эхо» и «Обвал». Сборник его стихов выдержал четыре издания и посвящен памяти брата Джона Бакена, Аластора, погибшего на фронте в пасхальный понедельник 1917 г., 9 апреля, в ходе неудачно организованного наступления.

Переводить Бакена было чрезвычайно интересно, но очень сложно. Если бы не интернет, работать пришлось бы приблизительно, поверхностно, что в отношении такого автора *аб-со-лют-но* недопустимо. Ни о каких «въедливых» комментариях и сносках речи быть не могло (а я так люблю комментировать!).

Попутно замечу, что у нас в Омске, в моем родном городе, где я родился, живу и тружусь, есть роскошнейшая библиотека, именуемая Омской государственной областной научной библиотекой имени А. С. Пушкина (в просторечии — Пушкинка); так вот, в моей родной Пушкинке, насколько помню, знаменитая Британская

энциклопедия появилась лишь в 1995 году. Я просиживал над ней целыми днями, не замечая времени… Сегодня волшебная благодать, именуемая интернетом, дает возможность тщательно и серьезно работать даже на Северном полюсе, было бы желание.

А что же книга?

Большой интерес вызвала История V «„Divus“ Джонстон», рассказанная лордом Ламанча, где он, лорд, а стало быть, сам автор с огромной симпатией отзывается о Ленине. Привожу отрывок в своем переводе:

«Понимал ли я тогда, сколь он велик? Нет, конечно. Для меня он был заурядным марксистом, который хотел воскресить Россию при помощи гидравлики и электрификации. Мне казалось, что он забавно сочетал в себе мечтателя и вполне земного ученого-практика. И все же я понимал, что он может увлечь за собой своих соотечественников. Я бывал с ним на встречах с русскими — я, знаете ли, говорю по-русски, — и меня поразило то, что он мог настроить свою аудиторию так, что она смотрела на него, словно голодная овца. Мне он казался человеком, преисполненным твердого мужества и полной откровенности, а также, я бы сказал, какой-то демонической простоты…»

«Демоническая простота» — как хорошо!

Больших трудов стоило перевести заглавие Истории VI. Дело в том, что ей предшествует эпиграф, цитата из шекспировского «Короля Лира» (акт II, сцена 1). В этой цитате в оригинале есть выражение «the loathly opposite», которое стало названием рассказа и которое автор использует в конце повествования в отношении одного из бывших германских военнослужащих, противостоявших британцам на полях Первой мировой войны. Я просмотрел данное место у четырех переводчиков: Александра Васильевича Дружинина (1824–1864), Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936), Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник (1874–1952) и Бориса Леонидовича Пастернака (1890–1960). Заявляю с полной ответственностью: никто из них это выражение не перевел! Двое суток ушло на то, чтобы найти два драгоценных слова. И нашел: «Неумолимо противостоящий».

При переводе Истории X «Tendebant Manus» вновь возникла проблема с эпиграфом: четверостишие из Альфреда Эдварда Хаусмена (1859–1936) невозможно было перевести без контекста. Но выяснилось, что стихотворение «Запад», откуда взяты строки, я перевел давным-давно, 31

октября 2005 г., и нынче могу порадовать читателя и самого себя тем, что есть повод показать перевод полностью (см. Приложение к Истории X), что и было сделано по согласованию с редакцией издательства.

Книга «Клуб „Непокорные“» написана в жанре хоррор. На моем счету это уже второй хоррор. Первый, «Ужас Амитивилля» Джея Энсона, с 2018 г. выдержал в моем переводе семь изданий (шесть бумажных, одно электронное).

Хочу пожелать своему новому детищу того же «ужаса».

Я — выдержу!

Тринадцатый — на выход!

Ваш Евгении Фельдман

КЛУБ «НЕПОКОРНЫЕ»

Посвящается леди Солсбери

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лондонский обеденный клуб — любопытный организм: он сочетает в себе великую жизненную стойкость с хамелеонской склонностью к перемене цвета. Один клуб, который начинает как прибежище гуляк, может закончить как беспорочное академичное содружество. Другой, взяв начало как место встреч разумной, интеллигентной публики, с течением времени превращается в избранный круг спортсменов. Так было с обществом, хроникером которого я являюсь. Общество изменило название, теперь это «Клуб „Четверг“», и число членов, допущенных в его ряды, выросло. Его обеды превосходны, разговор за столом возвышен и серьезен лишь самую чуточку; клуб расширяет сферу интересов и ныне не отказался бы пополнить свой список самим лордом-канцлером или епископом.

Но вначале все было по-другому. Основанный сразу после окончания мировой войны несколькими персонами, что вели странный образ жизни и захотели держаться вместе, он стал сборищем молодых людей, которые встречались только для воспоминаний и отдыха. Согласно уставу в нем

не должно было быть более пятнадцати членов — именно пятнадцати, потому что дюжина, двенадцать, звучало скучно, тринадцать — число несчастливое, а четырнадцать имело неприятный привкус в связи с президентом Вильсоном и его пунктами[1]. Сперва, пока Бурминстер не взял дело в свои руки, пища и вино были отвратительны. Отсюда возникло название «Клуб „Непокорные“», данное ему Ламанчем, который заимствовал его из 68-го псалма: «...а непокорные остаются в знойной пустыне»[2].

Но все недостатки, связанные с пищей, возмещала беседа, которую вели в стиле викария из стихотворения Прейда:

Был как ручей викарий сей,
Где сто речей журчали в сутки:
За Магометом — Моисей,

---

[1] Примечания: 1

Томас Вудро *Вильсон* (1856–1924) — 28-й президент США. Четырнадцать пунктов Вильсона — мирный договор, его проект, которым завершилась Первая мировая война 1914–1918 гг. — *Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику.*

[2] Примечания: 2

В английском оригинале автор ссылается на псалом 68, стих 6 Псалмов Давидовых, причем стих приводится на старинном английском языке, а не на современном. На русском языке это место соответствует псалму 67, стиху 7. Полностью стих звучит так: «Бог одиноких вводит в дом, освобождает узников от оков, а непокорные остаются в знойной пустыне».

А за молитвой — прибаутки![3]

Заранее невозможно сказать, какая тема может увлечь целую компанию, так что ни одна тема не осталась без выдумок и прикрас, и потому не могу себе представить, чтобы в те времена существовала какая-то иная компания, опыт и знания которой были бы столь же разнообразны. Всякий участник был экспертом на свой лад, но их знания носили столь специальный характер, что было видно: жизнь каждого из них была разнообразной до нелепости. Война сгладила привычные колеи и заставила каждого бросить вызов судьбе. Адвокат и финансист пошли в солдаты; филолог, специалист в области греческого языка, стал предводителем племени бедуинов; путешественник, пусть по-любительски, стал агентом спецслужб; журналист — командиром батальона; историк, уйдя в бродяги, увидел жизнь с новой стороны; орнитолог увидел нечто куда более опасное, чем птицы; политик проявил человеческую природу грубее, чем английский электорат. Некоторые члены клуба, такие как лорд Ламанча, сэр Эдвард Литен и сэр Артур Уорклифф, были известны пуб-

[3] Примечания: 3

Имеются в виду английский политик и поэт Уинтроп Макворт *Прейд* (1802–1839) и его сатирическое стихотворение «Викарий».

лике, других же знали только в узких кругах. Но в «Клубе „Непокорные“» они были одной семьей и молились одному тотему, как давние школьные товарищи.

Добрую беседу не воспроизведешь холодной печатью. Но о тех обедах, что пришлись на время, когда клуб только зарождался, остались воспоминания, которые вполне можно уберечь от забвения, потому что все члены клуба при случае были рассказчиками. В самом деле, так сложилось, что раз в месяц кто-то из членов клуба развлекал компанию более или менее законченным повествованием. Из этих повествований я составил выборку, что ныне предлагаю вниманию моих читателей.

I
ЗЕЛЕНАЯ АНТИЛОПА ГНУ
История сэра Ричарда Ханнея

Мы несем с собой чудеса, которые ищем без нас; вся Африка и ее чудеса — в нас.

Сэр Томас Браун. «Вероисповедание врачевателей» [4]

Мы беседовали о постоянстве качеств, присущих всякому народу, о том, что за счет свежих прививок можно скрыть и схоронить изначальную, коренную породу на целые поколения, но наступает день, и наша исконная кровь все равно дает о себе знать. Очевидным примером тому был еврей, и Пью также мог кое-что рассказать о сюрпризах, что приносит примесь крови того, кто родился на холмах, когда он оказывается в Бехари. Пекветер, историк, был склонен к сомнению. Старые запасы, коими он обладал, могли исчезнуть совершенно, словно в результате химических изменений, и конец был бы столь

---

[4] Примечания: 4

Сэр Томас Браун (1605–1682) — выдающийся английский философ. В 1645 г. его книга «Вероисповедание врачевателей» (1643) попала в Индекс запрещенных книг.

же далек от начала, сколь, по его собственному выражению, вызревшая горгонзола от ведра свежего молока.

— Не верится мне, чтобы вы когда-либо были осмотрительны, — сказал Сэнди Арбетнот.

— Вы имеете в виду, что выдающийся банкир может проснуться однажды утром с огромным желанием полоснуть себя бритвой во имя Ваала?

— Может быть. Но традиция такова, что развивается скорее в худшую сторону. Есть вещи, которые без особой на то причины человеку не нравятся, есть вещи, которые особенно тревожат его. Возьмем хотя бы мой случай. Я совершенно не суеверен, но терпеть не могу переправляться через реку ночью. Предполагаю, что множество моих предков мерзавцев устраивали ночные нападения где-нибудь у речных потоков. Думаю, все мы переполнены атавистическими страхами, и невозможно сказать заранее, когда и как сломается человек, пока не узнаешь, где его такого воспитали.

— Полагаю, это похоже на правду, — сказал Ханней и после разговора побродил некоторое время, а потом рассказал нам свою историю.

* * *

— Сразу после бурской войны, — начал он, — я занялся геологоразведочной работой на северо-западе Трансвааля. Я был горным инженером и специализировался на добыче меди. Я всегда знал, что медь в больших количествах можно добыть у подножия горы Зутпансберг. Конечно, западная часть представляла собой настоящую Мессину, но все мои мысли были устремлены скорее на северо-восток, где гора расщепляется у изгиба Лимпопо. В ту пору я был молодым человеком, который только что прошел двухлетнюю службу в рядах имперской легкой кавалерии, и желал найти работу получше, чем пытаться справиться с неуловимыми бурами, укрываясь за колючей проволокой на блокпостах. И когда я отправился со своими мулами из Питерсбурга по пыльной дороге, что вела к холмам, думаю, я был счастлив, как никогда в жизни.

У меня был только один белый товарищ, парень двадцати двух лет по имени Эндрю Дю Преез. Именно Эндрю, а не Андрис, потому что так звали преподобного Эндрю Мюррея, который для набожных африкандеров был великим папой. Он был из богатого фермерского рода, проживавшего

в Свободном государстве[5], но члены его семьи уже два поколения селились в районе Ваккерстроом вдоль верхнего течения реки Понголы. Отец был великолепным стариком с головой, как у Моисея. Отец и все его братья прошли службу в диверсионно-десантных частях, и большинство из них побывали на Бермудах или на Цейлоне. Мальчик очень отличался от своей родни. Он был не по годам развит и окончил приличную школу в Кейптауне, а затем технический колледж в Йоханнесбурге. Он был настолько же современен, насколько остальные отсталыми, чуждым семейной религии и семейных политических пристрастий, зато глубоко погруженным в науку, настроенным на то, чтобы пробить себе дорогу в Ранд[6], который был Меккой всех предприимчивых африкандеров, и не слишком огорченным из-за того, что война должна была застать его в месте, откуда было явно невозможно встать под семейное знамя. В октябре 1899 года он по-

---

[5] Примечания: 5

Свободное государство — провинция Южно-Африканской Республики, расположена к северу от реки Оранжевая; столица Блумфонтейн.

[6] Примечания: 6

Ранд, или Витватерсранд (дословно — «хребет Белых вод») — скалистая местность в южной части провинции Трансвааль на северо-востоке Южно-Африканской Республики. Содержит богатые месторождения золота, угля и марганца.

лучил свою первую работу в горнодобывающем бассейне в Родезии, и поскольку здоровье у него было не богатырское, у парня хватило ума задержаться здесь вплоть до наступления мира.

Мы были знакомы с ним до этого, и когда я случайно встретил его в Ранде и предложил отправиться со мной, он с радостью ухватился за предложение. Он только что вернулся с фермы в Ваккерстрооме, куда переселили остальных членов его клана, и ему совсем не улыбалась перспектива жить в лачуге с жестяной крышей с отцом, который большую часть дня проводил за чтением Библии, пытаясь понять, почему именно на его голову выпали такие несчастья. Эндрю был жестким молодым скептиком, в котором семейное благочестие вызывало острое раздражение… Он был миловиден, всегда довольно прилично одет, и на первый взгляд его можно было принять за молодого американца из-за его тяжелого бритого подбородка, пасмурного вида и по тому, как он уснащал свою обычную речь техническими и деловыми словечками. В лице его было что-то монгольское: оно было широким, с высокими скулами, глаза чуть раскосые, нос короткий и толстый, губы довольно полные. Я вспомнил, что замечал то же у молодых буров и прежде, и понял

причину. Род Дю Преез из поколения в поколение жил близко от границы с кафрами, и со временем его кровь обрела долю негритянской примеси.

В нашем распоряжении были легкий фургон и запряжка в восемь мулов, а также южноафриканская тележка, которую тащили еще четыре мула. С нами были пятеро мальчишек, двое из племени шангаан и трое басуто из поселения Малитси, что находится к северу от Питерсбурга. Наша дорога лежала через Вуд-Буш, а затем уходила на северо-восток вдоль того места, где сливаются две Летабы — Грут Летаба и Клейн Летаба, и далее дорога шла к реке Пуфури. Округа была на редкость пустынной. Боевики Бейера устраивали стычки на холмах, но война никогда не переходила на равнину. В то же время это положило конец всякой охоте и геологоразведочным работам и рассеяло большинство местных племен. В результате место стало святилищем, и, увидев, что дичь здесь намного разнообразнее, чем в районах южнее Замбези, я пожалел, что отправился в деловую, а не охотничью поездку. Львы здесь водились во множестве, и каждую ночь мы вынуждены были возводить *шерм* для наших мулов и жечь большие костры, потому что вокруг нас не смолкали их жуткие серенады.

В начале декабря погода в Вуд-Буш соответствовала английской погоде в июне. Даже у подножий гор среди горькой полыни и диких бананов было довольно приятно, но когда мы вышли на равнину, жарко стало, как в Тофете[7]. Вокруг, насколько хватало глаз, кустарник бушвельда[8] покрывал землю так, что картина напоминала грубый лиственный орнамент, нацарапанный ребенком на грифельной доске, меж тем как там и сям баобаб неуверенно проплывал в ярчайшем свете дня. Долгое время мы продвигались вдалеке от воды и перестали видеть большую игру — вокруг нас кружили только мухи да клещи, и время от времени мимо пробегал дикий страус. Затем, на шестой день пути, после того как мы покинули Питерсбург, на горизонте показалась синяя линия гор, тянувшихся с северной стороны, которые, я это знал, были восточным продолжением Зоутпансберга[9]. Прежде я никогда не

[7] Примечания: 7

Тофет — геенна, ад.

[8] Примечания: 8

Бушвельд — южная часть Замбезийского региона. На языке африкаанс *bos* означает «кустарник».

[9] Примечания: 9

Зоутпансберг — Республика Зоутпансберг, бурское государство, которое располагалось на севере современной провинции Лимпопо. Просуществовало с 1849 по 1858 г.

бывал в этой части страны и не встречал того, кто бывал, поэтому мы шли, сверяясь с компасом и старыми неточными картами правительства Трансвааля. В ту ночь мы пересекли Пуфури, и на следующий день пейзаж начал меняться. Мы вышли на возвышенность, и далеко на востоке нам открылись холмы Лебомбо и начали появляться кусты мопани[10], что ясно указывало на то, что эта часть страны носила более здоровый характер.

В тот день мы были всего лишь в одной-двух милях от холмов. Они были того обычного типа, что можно встретить везде от Наталя до Замбези: отвесные обрывы с нарастанием во многих местах, но сильно расщепленные лощинами и трещинами, Что меня озадачило, так это отсутствие рек и ручьев. Земля была затвердевшая, как на равнине, вся покрытая алоэ, кактусом и колючками, но нигде никаких признаков воды. Однако для того, что я задумал, место выглядело многообещающе. Повсюду, куда ни глянь, была неприятная металлическая зелень, которая обнаруживается в местности, богатой медью, так что все было словно бы пропитано минеральной

[10] Примечания: 10

Мопани — бальзамовое дерево; растет в северных регионах Южной Африки.

краской, даже пара голубей, что я подстрелил на обед.

Мы свернули на восток и пошли по подножиям скал, и вскоре я увидел нечто любопытное. От горы отходил выступ, соединенный узким перешейком с основным массивом. Полагаю, площадь поверхности вершины составляла одну квадратную милю или около того; маленький полуостров был глубоко изрезан оврагами, а в оврагах рос высокий лес. Затем мы вышли на заросшие травой склоны, усеянные кустами мимозы и сирени. Это означало, что мы наконец-то вышли туда, где должна была быть вода, потому что мне никогда не встречались сурепица и растения с резким запахом, растущие далеко от ручья. Здесь мы решили остаться на ночлег, и когда вскоре мы свернули за угол и заглянули в место, похожее на зеленую чашу, я подумал, что редко видел более обитаемое место. Вид свежей зелени всегда опьянял меня после пыли, жары, после уродливых серых и бурых кустарников бушвельда. Внизу, на самом дне чаши, был большой крааль, а на склонах паслось множество коз и длинноногих кафрских овец. Дети гнали коров на дойку, дымились кухонные костры, и в воздухе стоял веселый вечерний гул. Вглядываясь в

то, что открылось моему взору, я пытался найти ручей, но не обнаружил ни единого его признака: чаша казалась такой же сухой, как впадина Сассекс-Даунс. Кроме того, хотя там были грядки с маисом и кафрской кукурузой, я не заметил ни единого клочка орошаемой земли. Но вода там точно должна была быть, и после того, как мы определились с местом для нашего ночлега рядом с оливковой рощей, я взял Эндрю и одного из наших мальчиков и пошел узнать у тамошних людей, куда же мы попали.

Судя по всему, многие жители этого крааля прежде никогда не видели белого человека, потому что наше прибытие вызвало некоторую сенсацию. Я заметил, что здесь было очень мало молодых мужчин и необычно много старых женщин. Едва увидев нас, они тут же разлетелись, как ржанки, и целых полчаса нам пришлось ждать, терпеливо куря при вечернем солнце, прежде чем мы смогли заговорить с ними. Однако лед недоверия был взломан, и далее дела пошли вполне нормально. Это были честные миролюбивые люди, очень застенчивые, напуганные и колеблющиеся, но совершенно лишенные лукавства. Мы подарили им мотки латунной и медной проволоки, а также несколько банок мясных

консервов, и это произвело на них огромное впечатление. Мы купили у них овцу по смехотворно низкой цене, и они добавили корзину с зеленым маисом. Но когда мы спросили их о воде, мы тут же попали в затруднительное положение.

Вода есть, сказали они, хорошая вода, но не в овраге и не в ручье. Они получают ее утром и вечером вон оттуда — и они указали на лесную опушку под скалами, где, как мне показалось, я увидел крышу большого рондавеля[11]. Они берут ее у Отца. Они были из племени шангаанов, и это слово использовали не в качестве обычного, каким обозначают вождя, а в отношении главного жреца или доктора.

Однако я проголодался, хотелось есть, и от дальнейших расспросов я воздержался. Я достал что-то еще из своего кафрского хлама и попросил их преподнести все это вместе с моими приветами и поздравлениями их Отцу и попросить воды для двух белых незнакомцев и пяти человек их расы, а также для двенадцати мулов. Предложение явно пришлось им по душе, потому что они сразу двинулись в гору вереницей, взяв с собой большие бутылочные тыквы.

---

[11] Примечания: 11

Рондавель — дом народов банту, имеет традиционную круглую форму. Распространен на юге Африки.

На обратном пути я сказал Эндрю какую-то глупость насчет того, что ударил кафра Мозеса, который додумался черпать воду из углубления в скале.

Парень тут же пришел в дурное настроение.

— Нам бы лучше вздуть негодяя и вымогателя, что соорудил водоотвод, и теперь мучает этих бедняг. Он один из тех мошенников, с которым мне бы очень хотелось поговорить, вооружившись шамбоком[12]!

Через час у нас было столько воды, сколько нужно. Ею был заполнен целый ряд бутылочных тыкв, и рядом лежали подарки, что мы решили передать нашему, так сказать, поставщику. Жители деревни сдали все это добро на хранение, а затем удалились, а наши парни, которые помогли им нести его, вели себя на удивление тихо и торжественно. Мне сообщили, что Отец прислал воду в дар чужеземцам безвозмездно. Я попытался подвергнуть перекрестному допросу одного из наших шангаанцев, но он не сказал мне ничего, кроме того, что вода пришла из священного места, куда не мог проникнуть ни один человек. Также он что-то пробормотал об антилопе гну, но

---

[12] Примечания: 12

Шамбок — южноафриканский короткий кнут для самообороны и понукания скота.

до меня так и не дошло, что он имел в виду. Ныне кафр — самое суеверное из Божьих созданий. На всем пути следования от Питерсбурга нам досаждали яркие фантазии, что вызывала у кафров наша одежда. То они не хотели спать в таком-то месте из-за того, что именно в это место часто наведывалась женщина без головы, то они не осмеливались пройти и ярда по той или иной дороге после наступления темноты из-за призрака, который путешествовал по той же дороге в виде катящегося огненного шара. Обычно их память была так же коротка, сколь мимолетны их фантазии, и через пять минут после препирательств они хохотали, как бабуины. Но в ту ночь, похоже, что-то в самом деле поразило их не на шутку. За ужином они не болтали и не пели, а вполголоса сплетничали и легли спать, придвинувшись как можно ближе к Эндрю и ко мне.

На следующее утро такой же ряд тыкв, наполненных водой, стоял перед нашим лагерем, и у меня было достаточно воды, чтобы вымыться в складной ванне. При этом вода была ужасно холодная — ни с чем более холодным в жизни не соприкасался я своей бренной плотью!

Я решил устроить себе день отдыха и пойти пострелять. Эндрю остался в лагере, чтобы почи-

нить колесо фургона: мулы изрядно потаскали фургон по дорогам, поросшим кустарником, и колесо сильно пострадало. Также Эндрю объявил, что после этого он намерен прогуляться и переговорить с купчиной, который торгует водой.

— Только, ради Бога, веди себя осторожнее! — попросил я. — Он, скорее всего, своего рода священник, и если ты будешь с ним невежлив, нам придется покинуть это страну. Будем считать, что это мой «пунктик» — уважение к языческим богам.

— Все вы англичане такие! — язвительно заметил Эндрю. — Вот почему вы чертовски запутались в ваших отношениях с кафрами… Но этот парень — человек деловой, и он прекрасно знает всякие штучки-дрючки, что можно проделать с коммунальными сооружениями. Одним словом, я хочу с ним познакомиться.

День, что я провел в этой местности, дикой и ароматной, был прекрасен. Вначале я побродил по низине, но не обнаружил там ничего, кроме старого следа куду и паува, которого я подстрелил. Затем я побродил по краям горы к востоку от деревни, и обнаружил, что овраги, по которым, как казалось снизу, можно было лазать, имеют странные выступы, и это меня озадачило. Я не ви-

дел способа добраться до вершины плато, поэтому после полудня занялся изучением обрушившегося ската. Следов меди там не было, потому что скала представляла собой красноватый гранит, но это было место, весело поросшее цветами, с зелеными лощинами между утесов и птицами, разнообразие которых было удивительно. Я порадовался тому, что прихватил с собой флягу с водой, потому что воды там не обнаружил. Там все было нормально, но вода явно проходила где-то под землей. Я попытался подкрасться к самцу бушбока, пестрой лесной антилопы, но спугнул и упустил его, однако подстрелил маленького оленя, похожего на серну, которого голландцы называют клипппшпрингером. С ним и с паува, повешенным на шею, я неторопливо двинул назад; самое время было поужинать.

Едва деревня показалась в виду, я сразу заметил, что там что-то не так. Был слышен громкий гул голосов, все жители собрались вместе, держась как можно дальше от нашего лагеря. А в самом лагере, похоже, царила полная тишина. Я увидел наших стреноженных мулов, но не увидел ничего из нашего снаряжения. В такой обстановке я счел за лучшее прибыть в деревню незаметно, поэтому свернул налево, пересек ло-

щину ниже, где она густо заросла кустарником, и вышел к нашему лагерю с южной стороны. В лагере было тихо, очень тихо. Костры для приготовления ужина погасли без присмотра, хотя парни сейчас должны были вовсю заниматься нашей вечерней трапезой, и в самом лагере я не заметил ни одного черного лица. Встревоженный не на шутку, я пошел в палатку, служившую общей спальной, и обнаружил там Эндрю, который курил, лежа на кровати.

— Что тут стряслось? — спросил я. — Где Кус, где Клембой и…

— Ушли, — коротко ответил он. — Все ушли.

Он был угрюм, устал и довольно бледен, и, похоже, дело было не в его дурном настроении, а в нем самом. Он отложил трубку и прижал руку ко лбу, как бывает, когда у человека сильная головная боль. На меня он даже не взглянул. Я заговорил с ним — быть может, несколько резко, потому что к тому времени жутко проголодался, — и несколько раз мне показалось, что он вот-вот заплачет. Худо-бедно мне все же удалось разговорить его, и вот что я услышал.

Чинить колесо повозки он закончил утром и после завтрака отправился на прогулку в лес, что рос над деревней у подножия скал. Он хотел

проследить, откуда вытекает вода, и поговорить с тем, кто держал источник под своим контролем. Эндрю, как я уже говорил, был жестким молодым реалистом и, судя по реакции его семьи, ярым противником суеверий, и ему были не по душе упоминания о жреце и его тарабарщине. Долго ли, коротко ли, но, похоже, Эндрю дошел до места, где обитал священник, то был большой рондавель, что мы видели снизу; по обеим сторонам тянулось что-то вроде частокола, место было тщательно и густо огорожено, так что единственный вход вел только через рондавель. Эндрю застал жреца дома и, заверил Эндрю, вежливо переговорил с ним, попытавшись решить проблему с водой. Но старику нечего было сказать, и он решительно отказался пропустить Эндрю за ограду. Слово за слово, и Эндрю, выйдя из себя, решил прорваться силой. Жрец воспротивился, произошла потасовка, Эндрю, осмелюсь предположить, пустил в ход свой шамбок, потому что истинный голландец не станет марать руки о кафра.

Вся эта история мне не понравилась, но я не стал ни в чем упрекать Эндрю: не было смысла препираться с парнем, который и без того был похож на больного пса.

— А что было за оградой? Ты нашел воду? —

спросил я.

— У меня не было времени. Там густой лес, полный всякого зверья. Говорю вам, я испугался до потери сознания и должен был бежать, чтобы спасти свою жизнь.

— Леопарды? — спросил я: я слышал, что местные вожди держат у себя прирученных леопардов.

— Да будь они прокляты, ваши леопарды! Добро, если бы то были леопарды! Я видел антилопу гну, здоровенную тварь величиной с жилой дом, рыло серое, а все остальное — зеленое-презеленое! Нет, правду говорю… Я выстрелил в антилопу и побежал… Когда я выскочил, весь проклятый крааль выл дурным голосом. Похоже, старый черт поднял всех на ноги! А я побежал домой… Нет, они не бросились за мной, но в течение получаса наша команда дала отсюда тягу. Ребята даже не стали тратить время на то, чтобы прихватить свои шмотки. О, господи, я больше не могу говорить… Пожалуйста, оставьте меня одного!..

Я невольно рассмеялся. Антилопа гну, мягко говоря, животное не слишком симпатичное, но если оно к тому же зеленое, оно действительно может вызвать ужас. Между тем причин для смеха не было никаких. Эндрю оскорбил деревню

и ее жреца, расстроил хрупкие нервы наших чернокожих парней и в целом сделал место слишком жарким для того, чтобы мы смогли здесь удержаться. Эндрю столкнулся с какой-то древней магией, и, несмотря на весь его скептицизм, страх пронял его до мозга костей. Лучшее, что я мог сделать, это хоть как-то наладить мирные отношения с тем, кто торговал водой. Поэтому я разжег костер, поставил чайник на огонь, утолил голод горстью печенья и отправился к рондавелю. Но сперва я проверил, заряжен ли револьвер: я подумал, что у меня еще будут проблемы. Был тихий светлый вечер, но из лощины, где был построен крааль, доносилось жужжание, похожее на то, что издают разъяренные осы.

На пути от нашего лагеря я не встретил никого. Дойдя до дверей рондавеля, я обнаружил, что нахожусь в большом пустом помещении, примыкающем с обеих сторон к частоколу, и напротив была другая дверь, за которой виднелась тусклая зеленая тень. То был самый крепкий шерм[13] из всех, что встречались мне до сих пор. Также я увидел частокол из высоких заостренных шестов и между ними толстую стену из терновника, что

---

[13] Примечания: 13

Шерм (с *нидерл.* scherm) — ограждение, щит, ширма, занавес.

переплелся с ползучим растением, украшенным алыми цветами.

Старик сидел на корточках на земляном полу, который был потерт и побит так, что стал похож на темный полированный камень. Судя по тому, насколько седа была его борода, ему было за семьдесят, но по его длинным мускулистым рукам, что покоились на его коленях, было видно, что он по-прежнему обладал немалой телесной силой. Лицо у него было не маленькое и толстое, как у обычного кафра, а правильное, как у некоторых породистых зулусов. Ныне, когда я пишу эти строки, мне приходит мысль о том, что в его жилах, по всей вероятности, текла арабская кровь. При звуке моих шагов он поднял голову, и по тому, как он взглянул на меня, я понял, что он слепой.

Он безмолвно сидел передо мной, и каждая черточка его тела выражала уныние и трагедию. У меня вдруг возникло чувство совершенного кощунства. То, что этот молодой дурак Эндрю поднял руку на старика и слепого и нарушил какое-то безобидное *табу*, показалось мне отвратительным. Я почувствовал, что было разрушено что-то святое, а что-то древнее и невинное жестоко оскорблено. И больше всего в ту минуту я хотел одного — возместить ущерб.

Я вступил в разговор со стариком, использовав шангаанское слово, которое одновременно означает и «жрец» и «вождь». Я сказал ему, что был на охоте и что, вернувшись, обнаружил, что мой спутник совершил великое зло. Я сказал, что Эндрю очень молод и что его ошибка — лишь следствие его глупости и молодой горячности. Я сказал — и всеми своими силами постарался, чтобы старик уверовал в мою искренность, — что сердце мое ранено тем, что случилось, что в раскаянии я склоняю свою голову во прах и умоляю лишь о том, чтобы мне было позволено совершить искупление… Конечно же, я не предлагал деньги: с равным успехом я мог бы предложить чаевые римскому папе.

За все время, что я говорил, он ни разу не поднял голову, поэтому я повторил все, что сказал. Но он сидел, по-прежнему не поднимая головы. Никогда прежде я так не говорил с кафром, но тогда, в те минуты, мне и в голову не приходило, что вот этот пожилой человек, сидевший передо мной, был кафром, потому что в те минуты он был для меня хранителем какой-то древней тайны, на которую посягнула грубая рука пришельца.

Наконец он заговорил.

— Об искуплении речи быть не может, — про-

молвил он. — Было совершено зло, и тот, кто его совершил, должен понести наказание.

Он произнес эти слова без малейшей угрозы. Он говорил скорее как человек, который помимо своей воли должен возвестить о предстоящей каре. Здесь он был тем, чьими устами говорил закон, и этот закон он был изменить не в силах, даже если бы захотел.

Я извинялся, я протестовал, я умолял, я просто унижался перед ним, заклинал сказать, как поправить то, что было порушено. Предложи я ему миллион фунтов, не думаю, чтобы он изменил свой тон. Он словно бы чувствовал и заставил почувствовать меня, что совершено преступление против закона природы и что не человек, а природа отомстит за это. В нем не было и малой доли недружелюбия. Более того, ему как будто пришлось по душе то, с какой серьезностью я отнесся к делу, до него дошло, как я был огорчен. Медленные фразы, что он извлекал из себя, выходили из него без малейшей горечи. Именно это произвело на меня самое ужасное впечатление: он был подобен старому каменному оракулу, повторявшему повеления бога, которому он служил.

Я ничего не мог с ним поделать, хотя не оставлял своих попыток до тех пор, пока снаружи не

удлинились тени и в рондавеле не стало почти темно. Я хотел попросить его помочь мне хотя бы вернуть моих чернокожих парней и помирить меня и Эндрю с деревней, но я просто не мог произнести ни слова. Атмосфера была слишком мрачной, чтобы я мог задать хоть один практический вопрос.

Я уже было повернулся, чтобы выйти, но в дальнем конце я увидел дверь. Из-за причудливой формы утесов заходящее солнце только сейчас коснулось высоких верхушек деревьев, и свет, отразившись рикошетом, сделал ограду ярче, чем когда я только прибыл. Внезапно я почувствовал непреодолимое желание войти внутрь.

— Можно ли мне, отец, — спросил я, — пройти через эту дверь?

К моему удивлению, хозяин махнул рукой и сказал:

— Можно, потому что у тебя чистое сердце. — И при этом добавил: — Того, что здесь было, здесь больше нет. Оно ушло, чтобы исполнить закон.

С великим трепетом зашел я за эту крепостную ограду. Я вспомнил об ужасе, что охватил Эндрю, и положил руку на револьвер: мне показалось, что там, внутри, я наткнусь на некую странную фауну. Наверху было светло, а внизу царили ка-

кие-то оливково-зеленые сумерки. Я боялся змей и тигровых кошек, и где-то здесь была зеленая антилопа гну, так напугавшая Эндрю!

Площадь участка составляла всего пару акров, и хотя я шел осторожно и медленно, мне понадобилось совсем немного времени, чтобы обойти его по кругу. Шерм, выстроенный в виде полумесяца на каждой стороне, тянулся далее и заканчивался там, где упирался в отвесную стену утесов. Подлесок был не очень густой, и из него тянулись высокие прямые деревья, так что лес казался какой-то старой языческой рощей. Между перистыми верхушками, если посмотреть вверх, виднелись пятна темно-красного заката, но там, где шел я, было очень темно.

Там не было ни единого признака жизни: ни птицы, ни зверя, ни треска ветки, ни шевеления в кустах; все было тихо и мертво, как в склепе. Сделав круг, я двинулся по диагонали и вскоре нашел то, что искал, — лужу воды. Источник был почти круглым, диаметром около шести ярдов, и, что меня поразило, он был окружен парапетом из тесаного камня. В центре рощи было чуть светлее, и я, вглядевшись в сооружение, понял, что каменная кладка не была возведена руками кафров. Вечер — это время, когда вода приходит в

себя: днем она спит, а в темноте живет собственной странной жизнью. Я погрузил в нее руки. Вода была холодна, как лед. Она не бурлила, а как бы совершала медленное ритмичное движение, словно свежие потоки постоянно вырывались из глубин и всегда возвращались обратно. Я нисколько не сомневаюсь в том, что, будь здесь хоть немного больше света, я мог бы убедиться в том, что вода кристально чиста, но то, что я увидел, представляло собой поверхность темнейшего нефрита — непрозрачная, непроницаемая, колыхавшаяся под действием какого-то таинственного импульса, исходившего из самого сердца земли.

Трудно объяснить, какое впечатление это произвело на меня. Прежде я был настроен на серьезный лад, но эта роща и этот источник вселили в меня жалкий детский страх. Я почувствовал, что каким-то образом вышел за пределы разумного мира. Место было противоестественно чистым. То было начало лета, и эти темные проходы должны были кишеть мотыльками и летучими муравьями, их должна была наполнить тысяча ночных шумов. Но все было погружено в полное и безжизненное безмолвие, мертвое, как камень, если не принимать во внимание тайного биения холодных вод.

Все! Увиденным я был сыт по горло. Смешно признаться, но я рванул вон оттуда и, шаркая ногами, прошелся через подлесок и снова вернулся в рондавель, где старик сидел на полу в позе Будды.

— Ну, видел? — спросил он.

— Видел, — сказал я, — но не знаю, что я там видел. Отец, сжальтесь над глупым юнцом!

Старик повторил то, от чего я похолодел еще в прошлый раз:

— То, что там было, ушло, чтобы исполнить закон.

Возвращаясь в наш лагерь, я бежал всю дорогу, и меня несколько раз передернуло, потому что я вбил себе в голову, что Эндрю грозит опасность. Не сказать, чтобы я всерьез поверил в его зеленую антилопу гну, но он был уверен, что в этом месте было полно всяких животных, меж тем как я точно знал, что оно было пустым. Неужели какой-то страшный зверь вырвался на свободу?

Я нашел Эндрю в нашей палатке; чайник, что я поставил кипятить, опустел, огонь погас. Парень крепко спал с раскрасневшимся лицом, и я понял, что произошло. Он был практически трезвенником, но решил проглотить добрую треть одной из наших четырех бутылок виски. Причина,

принудившая его обратиться к спиртному, была, должно быть, довольно серьезной, и он выпил.

* * *

После этого дела нашей экспедиции пошли от плохого к худшему. Утром выяснилось, что у нас совсем нет воды, и я не мог себе представить, что взваливаю на плечи бутылочную тыкву и возвращаюсь в рощу. Кроме этого, не вернулись наши чернокожие парни, и все жители крааля стали обходить нас стороной. Всю ночь они ужасно шумели, завывая и стуча в маленькие барабаны. Оставаться тут не было смысла, и у меня появилось сильное желание сменить место. Пережитое прошлой ночью оставило в моей душе чувство тревоги, и мне хотелось бежать неизвестно от чего. Эндрю явно заболел. В те времена у нас не было медицинских термометров, но у него точно была лихорадка.

Итак, после завтрака мы отправились в пусть, и, должен вам сказать, тяжкое это дело, когда все приходится делать самим. Я потащил фургон, а Эндрю — южноафриканскую тележку, и, право, я не знал, надолго ли его хватит. Я полагал, что, отправившись на восток, мы могли бы нанять новых чернокожих парней и начать разведку в

гористой местности над излучиной Лимпопо.

Но молва пошла против нас. Вы знаете, что кафры передают новости на сотни миль так же быстро, как по телеграфу. Как они это делают, барабанной дробью или телепатией, объясняйте, как хотите. В тот день мы наткнулись на большой крааль, но нам не удалось перекинуться с обитателями ни словечком. Вели они себя довольно угрожающе, и мне пришлось показать свой револьвер и обратиться к ним довольно сухо, прежде чем мы вышли из крааля. То же было на следующий день, и я уже начал беспокоиться насчет провизии, потому что мы ничего не могли купить — ни курицы, ни яиц, ни маиса. Очень досаждал Эндрю. Он снова превратился в первобытного хама и стал вести себя как пещерный человек. Он явно страдал, и, если бы не это, мне было бы трудно сдерживать себя.

В общем, зрелище он являл собой довольно печальное. В довершение ко всему на третье утро Эндрю свалился с ног, как бревно, с приступом малярии, жесточайшим из всех, какие я когда-либо видел. Я подумал, что у него начинается гемоглобинурийная лихорадка[14], и мой страх

[14] Примечания: 14

Гемоглобинурийная лихорадка — осложнение при заболевании тропической малярией.

за здоровье парня пересилил мое раздражение. Делать было нечего. Пришлось отказаться от экспедиции и — как можно быстрее — добираться до берега. Я вышел на португальскую территорию и в тот же вечер добрался до Лимпопо. К счастью, мы встретили более вежливых туземцев, которые слыхом не слыхали о наших прежних делах, так что я смог заключить сделку со старостой деревни. Он, во-первых, взял на себя заботу о нашем снаряжении до тех пор, пока за ним не прислали, и, во-вторых, продал нам большую туземную лодку. Я нанял четырех крепких парней в качестве гребцов, и на следующее утро мы двинулись вниз по реке.

Мы провели пять хлопотных, сумасшедших дней, прежде чем я отправил Эндрю в госпиталь в Лоренсу-Маркише. Болезнь, поразившая Эндрю, слава богу, оказалась не гемоглобинурийной лихорадкой, но это было чем-то гораздо большим, чем обыкновенная малярия; на самом деле, полагаю, здесь не обошлось без менингита. Как ни странно, я испытал некоторое облегчение, когда болезнь пришла. Первые два дня меня пугало поведение парня: я думал, старый жрец и в самом деле наложил на него какое-то проклятие. Я вспомнил, сколь праздничное и торжественное

чувство вызывали поляна и колодец даже во мне, и подумал, что кафры были и среди предков Эндрю, и потому он был восприимчив к тому, что оставляло меня равнодушным. Я слишком много знал б Африке, чтобы быть догматическим скептиком в отношении ее языческих тайн. Но болезнь Эндрю, казалось, объяснила многое. Его мутило от многого, что с ним происходило, и потому он так дурно поступил со стариком и вернулся, болтая о зеленой антилопе гну. Я знал, что часто в начале лихорадки человек испытывает легкое головокружение. При этом он теряет всякое самообладание, у него появляются странные фантазии… И все же я не был вполне убежден в своей правоте. Из моей головы все никак не выходил образ старика, я не мог забыть его зловещие слова и ту пустынную рощу на закате дня.

Я делал для парня все, что мог, и когда мы добрались до морского берега, худшее миновало. Постель для него устроили на корме нашей большой лодки, и мне пришлось присматривать за ним днем и ночью, чтобы он не свалился за борт прямо в пасти крокодилам. Иногда он буйствовал, потому что в безумии своем думал, что его преследуют, и время от времени мне приходилось напрягать все силы, чтобы удержать его в

лодке. Он кричал, как сумасшедший, он умолял, он ругался, и я заметил, что, как ни странно, он никогда не бредил на голландском языке, а всегда на кафрском, в основном на сесуту, который он выучил в детстве. Я ожидал, что он помянет зеленую антилопу гну, но, к моей радости, этого не произошло. Он так и не понял, что его напугало, но ужас охватил его с головы до пят, потому что казалось, что в его теле дрожит каждый нерв, и я старался не смотреть ему в глаза.

Кончилось тем, что я оставил его в больничной постели. Он был слаб, как котенок, но болезнь миновала, и Эндрю снова пришел в себя. Он снова стал тем добрым малым, каким я его знал, очень деликатным, обходительным и благодарным за любое добро, что делалось для него. Поэтому со спокойной совестью я договорился о возвращении своего снаряжения и вернулся в Ранд.

* * *

На шесть месяцев я потерял Эндрю из виду. Я должен был отправиться в Намаквaленд, затем в Баротселенд, страну, богатую медными месторождениями, что было очень и очень непросто, не то что сегодня. Я получил от него одно письмо — парень писал из Йоханнесбурга, — не очень

приятное, потому что дела у парня пошли наперекосяк. Он поссорился со своей семьей, и непохоже было, что его устраивает нынешняя работа на золотых приисках. Насколько я знал его, он был прилежным учеником, решившим преуспеть в мире и ничуть не боявшимся скучной работы и неподходящей компании. Но в письме он разворчался не на шутку. Ему очень хотелось поговорить со мной, и он думал бросить работу и отправиться на север, чтобы повидаться со мной. Письмо он закончил большой просьбой, чтобы я телеграфировал, когда отправлюсь в равнинную часть страны. Но случилось так, что я не имел тогда возможности послать телеграмму, а потом вовсе забыл об этом.

Вскоре я завершил свою поездку и прибыл в Фоллз, где купил местную родезийскую газету. Из нее я узнал новости об Эндрю — ужасные новости! Несколько заметок было посвящено убийству в бушвельде: двое отправились искать сокровища Крюгера[15], один выстрелил в другого, и, к моему ужасу, тем, кто сейчас пребывает в тюрьме в Претории в ожидании исполнения смертного приговора, оказался мой несчастный друг!

---

[15] Примечания: 15

Пауль *Крюгер* (1825–1904) — пятый президент Южно-Африканской Республики.

Вам, конечно, памятны дикие слухи после Англобурской войны[16] о золотом кладе, что Крюгер во время своего бегства к побережью якобы закопал где-то в стране Селати[17]. Все это, конечно, полная ерунда: хитрый экс-президент задолго до того наверняка спрятал основные средства в каком-нибудь надежном европейском банке. Осмелюсь предположить, однако, что некоторым чиновникам удалось, возможно, наложить лапы на государственную казну и спрятать кое-какие драгоценные слитки в бушвельде.

Я знал одно: Эндрю не мог пойти на такое преступление, это было просто невозможно, невероятно. Мужчины — скоты со странностями, и я бы не поручился даже за нескольких вполне порядочных парней, которых я знал, но Эндрю был явно не из их числа. Если бы он не сошел с ума, я бы никогда не поверил, что он способен посягнуть на человеческую жизнь. Я знал его довольно близко, я прожил с ним наедине, бок

---

[16] Примечания: 16

Англо-бурская война — имеется в виду Вторая англо-бурская война (1899–1902), война бурских республик, Республики Трансвааль и Оранжевой Республики, против Британской империи.

[17] Примечания: 17

Страна Селати — имеется в виду местность на северо-востоке Южно-Африканской Республики (провинция Лимпопо), примыкающая к реке Га-Селати.

о бок, несколько месяцев, и я мог бы клятвенно поручиться за каждое свое слово. Тем не менее казалось очевидным, что это именно он застрелил Смита… Я отправил в Йоханнесбург самую длинную в своей жизни телеграмму адвокату-шотландцу по фамилии Далглиш, которому доверял, умоляя его перевернуть небо и землю, но добиться отсрочки приговора. Он должен был повидаться с Эндрю, а затем прислать мне подробную телеграмму о душевном состоянии бедного парня. Я подумал тогда, что версия о временном умопомрачении была, вероятно, наилучшей по линии нашей защиты, и в размышлениях наедине с самим собой уверовал в то, что лишь умопомрачением объяснялось то, что натворил Эндрю. Очень хотелось немедленно сесть в поезд и отправиться в Преторию[18], но я был привязан к месту до тех пор, пока не прибыло мое остальное снаряжение. Меня мучила мысль, что приговор приведен в исполнение и парня уже повесили, потому что та жалкая газетенка была недельной давности.

Через два дня я получил ответ от Далглиша. Он посетил приговоренного и сказал ему, что при-

[18] Примечания: 18

Претория — столица Южно-Африканской Республики (провинция Гаутенг).

шел от меня. Далглиш сообщал, что Эндрю был на удивление спокоен и безразличен ко всему и не испытывал большого желания вступать в разговор по делу, ограничившись лишь тем, что заявил о своей невиновности. Далглиш подумал, что Эндрю не совсем в своем уме, но того уже обследовали, и суд отклонил заявление о невменяемости. Мне он передавал привет и попросил ни о чем не беспокоиться.

Я снова телеграфировал Далглишу и получил от него еще один ответ. Эндрю признался, что стрелял из винтовки, но не в Смита. Он что-то убил, но что именно — сказать не мог. Казалось, он совсем не стремился спасти свою шею от веревки.

Когда я добрался до Булавайо, меня озарила счастливая мысль, но то, что пришло мне в голову, показалось настолько нелепым, что я едва ли всерьез воспринял собственную идею. Тем не менее я не должен был упускать ни единого шанса и снова телеграфировал Далглишу. Я попросил его добиться отсрочки казни до тех пор, пока он, Далглиш, не свяжется со жрецом, что жил на горе выше Пуфури. Я дал адвокату подробные указания, как найти жреца. Я указал на то, что старик наложил какое-то проклятие на Эндрю, и этим можно объяснить его душевное состояние.

В конце концов, одержимость демонами должна быть по закону приравнена к безумию. Но к этому времени я совсем потерял надежду. Казалось бесполезным заниматься всей этой чепухой, когда виселица с каждым часом придвигалась ближе и ближе…

Я вышел на железнодорожной станции в Мафекинге: я подумал, что смогу сэкономить время на длинном обходе через Де-Аар, пройдя через местность напрямую. Лучше бы я остался в поезде, потому что дальше все пошло не так. Я хотел проплыть по реке Селус, но у меня случилась поломка, и пришлось прождать день в Растенбурге, а затем возникли проблемы в местечке Коммандо-Нек, так что в Преторию я прибыл лишь к вечеру третьего дня. Но к тому времени случилось то, чего я боялся больше всего. В гостинице мне сказали, что Эндрю повесили нынче утром.

Я вернулся в Йоханнесбург, чтобы повидаться с Далглишем. Сердце переполнял холодный ужас, в голове царило полное недоумение. Дьявол вмешался в это дело и стал причиной чудовищной судебной ошибки. Если бы в том, что произошло, можно было кого-то обвинить, я бы почувствовал себя лучше, но вина, казалось, заключалась только в том, что судьба двинулась по кривой колее…

Далглиш мало что мог мне рассказать. Смит был обычным прохиндеем, не очень хорошим парнем, и не стал большой потерей для мира. Загадка заключалась в том, почему Эндрю захотел пойти с ним. В свои последние дни парень был совершенно апатичен, ни на кого не держал зла, казалось, он примирился со всем миром, но, похоже, совсем не хотел жить. Проповедник, посещавший его каждый день, ничего не мог с ним поделать. Со стороны он выглядел вполне вменяемым, но, кроме заявления о своей невиновности, не склонен был к тому, чтобы говорить о чем-то ином, и не оказывал помощи тем, кто пытался добиться для него отсрочки, почти не интересовался этим. Он много раз спрашивал обо мне, и последние дни потратил на длинное письмо, обращенное ко мне, которое должно было быть доставлено мне нераспечатанным. Далглиш передал мне письмо, семь страниц, заполненных четкой каллиграфией Эндрю, и вечером, устроившись на веранде перед домом, я прочел его.

Было такое чувство, словно я слышу его голос, обращенный ко мне из могилы, но я слышал совсем не тот голос, что был мне знаком. Ушел, удалился просвещенный коммерчески мыслящий молодой человек, отбросивший прочь все

суеверия и способный — даже не без некоторого словесного щегольства — объяснить все, что происходит на небе и на земле. То был грубый, незрелый молодой человек, в душе которого пробудились старые кальвинистские страхи[19] и еще более древние страхи, что тянулись через века и страны от первобытных африканских теней.

Он настаивал на том, что совершил великий грех и этим выпустил на свет нечто такое, что будет обманывать, грабить, мучить и терзать весь мир. Сначала это показалось мне чистым бредом, но поразмыслив, я вспомнил собственные чувства, что я испытал в той пустой роще. И если сам я был глубоко потрясен, то этот парень, в жилах которого текла не такая кровь, как у меня, пережил воистину духовный катаклизм. Он не останавливался на этом, но те несколько предложений, посвященных теме, были красноречивы в своей резкой силе. Он боролся со своим наваждением, пытался высмеять его, забыть, подвергнуть презрению, но оно возвращалось к нему как страшный сон. Он думал, что сходит с ума. Значит, я был прав, когда предположил, что здесь не обошлось без менингита.

---

[19] Примечания: 19

Кальвинизм — направление в протестантизме (по имени Жана Кальвина [1509–1564], французского проповедника и теолога).

Насколько я мог понять, он считал, что из осквернённого святилища вырвалось нечто вещественное, действительное, реальное и живое, нечто состоящее из плоти и крови. Но, возможно, эта идея пришла к нему позже, когда его ум пребывал в мучениях уже несколько месяцев, и он потерял способность спать. Поначалу, я думаю, его бедой было чувство непонятного, неопределенного преследования, ощущение греха и грядущего возмездия. Но в Йоханнесбурге недомогание обрело конкретную форму. Он полагал, что из-за его поступка произошло что-то ужасное, обладающее бесконечной силой зла — зла не только против самого преступника, но и против всего мира. И он верил, что зло еще можно остановить, что оно по-прежнему таилось в кустарнике, что рос на восточной стороне дома, где он вырос. Столь грубая фантазия свидетельствовала о том, что его нормальный интеллект развалился на части, и он снова попал в захолустный мир своего детства.

Он решил пойти и найти это зло. И вот здесь жесткое напряжение, свойственное белому человеку, дало о себе знать. В нем мог поселиться и жить слепой ужас кафра, но в нем жила железная храбрость пограничного бура. Если подумать,

то следует признать: нужно обладать довольно мужественным сердцем для того, чтобы отправиться на поиски того, при мысли о чем трепетал каждый нерв. Признаюсь, мне не доставляло удовольствия видеть каждый день этого одинокого, бледного, измученного парня. Думаю, он знал, что конец всему этому положит трагедия, но отвечать за последствия должен именно он.

Он слышал об экспедиции Смита и ради участия в ней принял на себя половину расходов. Возможно, его в какой-то степени привлекала дурная репутация Смита. Он не хотел, чтобы у него был компаньон, имеющий с ним что-то общее, потому что он должен был жить своим умом и идти своим путем.

Чем это закончилось, вы знаете. В своем письме он ничего не сообщил об экспедиции, кроме того, что нашел то, что искал. Я легко могу поверить в то, что эти двое не слишком ладили друг с другом: один жаждал мифических сокровищ, а у другого была проблема, которую невозможно было решить за все золото Африки… Где-то и как-то в бушвельде Селати его демон принял телесную форму, и он встретил — или подумал, что встретил, — существо, которое выпустило на свободу всю скверну и нечестивость, что были в нем.

Полагаю, мы должны назвать это безумием. Он застрелил своего товарища и подумал, что убил животное. «Если бы посмотрели на следующее утро, они бы нашли след», — писал он. Смерть Смита, похоже, его совсем не обеспокоила. Думаю, он даже не осознавал, что произошло. Для него имело значение то, что он положил конец ужасу и каким-то образом получил за него возмещение. «Прощайте, и не беспокойтесь обо мне, — прочел я его последние слова. — Я вполне доволен».

Я долго сидел, погруженный в раздумья о том, что произошло, меж тем как солнце медленно садилось над Магалисбергом. Чем это закончилось, вы знаете. На веранде перед домом скрипел патефон, и грохот с Ранда доносился, как звук далеких барабанов. Люди того времени имели обыкновение цитировать какую-нибудь латинскую фразу о том, что все новое исходит из Африки. Но я думал, что значение имеет не столько новое, исходящее из Африки, сколько старое.

* * *

Я решил еще раз посетить ту гору над Пуфури и переговорить со жрецом, но после того, как я вышел из Мейн-Дрифт и спустился вниз по Лимпопо, мне не представилось возможности

до будущего лета. По правде сказать, мне было не по душе то, что я задумал, но ради Эндрю я чувствовал себя обязанным разобраться со старым жрецом. Мне хотелось убедить семейство Ваккерструмов в том, что на парне не лежал грех Каина[20], как думал его отец.

Однажды январским вечером, после изнурительного дня — солнце в тот день палило немилосердно, — я посмотрел с горы на чашу зеленого пастбища. Всего один взгляд — и я понял, что никаких объяснений со жрецом не будет… Часть утеса откололась, и камнепад просто снес, уничтожил и рощу, и рондавель. Громадная масса осколков скатилась с середины холма, и под ними были погребены высокие деревья, сквозь которые я еще недавно смотрел на небо. Все это уже поросло терновником и травой. По бокам чаши не было ни единого клочка засеянной земли, и все, что осталось от крааля, это осыпающиеся глиняные стены. Джунгли уже заполонили деревню, и огромные луноцветы[21], раскинувшись

[20] Примечания: 20

Грех Каина — Каин, старший сын Адама и Евы, считается первым убийцей на Земле: убил брата своего Авеля.

[21] Примечания: 21

Луноцвет, или ипомея — представитель вьюнковых цветов; период цветения — с июля до первых заморозков.

на щебне, в сумерках были похожи на призраки исчезнувшего племени.

Новая особенность появилась у этого места. Оползень, должно быть, высвободил подземные воды, и теперь вниз по лощине протекал ручей. Рядом с ним на лугу, где вовсю цвели агапантусы[22] и белые лилии, я встретил двух австралийских старателей. У одного из них, банковского служащего из Мельбурна, была поэтическая душа.

— Славное местечко! — сказал он. — Не загажено чернокожей шатией-братией. Если бы я занимался сельским хозяйством, я бы, скорее всего, поселился только здесь!

---

[22] Примечания: 22

Агапантус — южноафриканское травянистое растение.

II
ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМ
История герцога Бурминстерского

Выходя из купальни, сооружения в высшей степени экзотического, молодые патриции-вырожденцы отправлялись за грубыми наслаждениями в цирк, а затем туда, где разыгрывалась пародия на исполнение общественных обязанностей, ибо у людей их сорта мода на покровительство этому виду деятельности в те времена все еще сохранялась.

Фон Леттербек. «Императорский Рим»

ЧАСТЬ I

ИЗ ОГНЯ...

На выходные Ламанча остановился в каком-то загородном доме и вернулся, преисполненный гнева из-за того, как был вынужден проводить вечера, выпавшие на те выходные.

— Я-то думал, что возненавидел бридж[23], — сказал он, — но я почти жаждал его, чтобы уберечь мозги от сдвига, а память от поиска строк из поэтов, которых забыл, а строки для того, чтобы описать людей, которых не знаю. Не нравится мне играть в игры, где я чувствую себя прирожденным идиотом. Но одна игра меня все же позабавила. Она заключалась в том, что придумывалась нелепая ситуация, и нужно было дать ей естественное объяснение. Пьянство, безумие и розыгрыш исключались заранее. Пример: епископ Лондонский, обернув вокруг шеи морскую форель и воссев на верблюда, играет на свистульке, взобравшись на вершину Плимутского камня[24]. Был среди нас член научного общества, королевский адвокат, который истолковал сие вполне разумно.

— Слыхивал я о вещах более странных, — сказал Сэнди Арбетнот и подмигнул Бурминстеру.

Тот покраснел: ему явно стало неловко. Взоры остальных устремились в том же направлении,

---

[23] Примечания: 23

Бридж — карточная игра.

[24] Примечания: 24

Плимутский камень — скала, к которой, согласно преданию, в 1620 году причалили отцы-пилигримы, прибывшие в Америку на корабле «Мейфлауэр».

от чего круглое веселое лицо Бурминстера покраснело еще больше.

— Нехорошо поступаете, Майк, — сказал Арбетнот. — Вот уже несколько месяцев мы ждем от вас эту историю, и ныне самое место и время для нее. Отказа от вас мы не примем.

— Сэнди, не могу, черт побери: история слишком глупая.

— Нисколечко не глупая. Она полна глубоких философских уроков и, как кто-то определил ее, являет собой истинный роман, ибо странность и непривычность вырастают в ней из обыденности. Так что подтянитесь, напрягите силы и — вперед!

— Не знаю, с чего начать, — сказал Бурминстер.

— Хорошо, начну вместо вас… Время действия — прошлое лето. Место действия — железнодорожная станция Лангшилдс в районе Шотландского Пограничья. По перрону прогуливаются многочисленные джентльмены в их лучших костюмах с розетками в петлицах, причем все абсолютно трезвые, потому что сейчас только третий час дня. Тут же несколько музыкантов, составляющих нечто вроде духового оркестра. Здесь явно ожидают высокого гостя. Поезд при-

бывает на станцию, и из вагона третьего класса выходит только наш Майк с грязным лицом и расцарапанным носом. На нем грязные белые вельветовые бриджи, старые отвратительные сапоги, какие впору носить мяснику или палачу, лиловый вязаный жилет и то, что я бы с трудом назвал утренним платьем; поверх всего этого великолепия — ульстер[25], за который я не дал бы более трех пенсов, явно не с плеча Майка, потому что не подходил ему по размеру, на голове шляпа-котелок, что не описать никакими словами. Его приветствует депутация, и он, сопровождаемый группой людей, отправляется в городскую ратушу на политический митинг. Но перед этим — цитирую местную газету — «герцог, прибывший в спортивном костюме, проследовал в привокзальную гостиницу, где быстро переоделся». Что это было? Шутка? Мистификация? Расскажите нам, пожалуйста.

Бурминстер сделал большой глоток из кружки и с подчеркнутым спокойствием обвел взглядом компанию:

— История эта недолгая, но правдивая, и, как почти в каждой передряге, в какую я когда-либо

---

[25] Примечания: 25

Ульстер — длинное пальто свободного покроя, обычно с поясом.

попадал, ее причиной был Арчи Ройланс. Все началось с наших бесед с Арчи. Он остановился у меня в Ларристейне, и мы поговорили о тех, кто в прежние времена совершал набеги в Пограничье, о том, как изменился облик сельской округи, и о прочем в том же духе. Арчи сказал, что теперь, когда земля стала голой, как мраморный стол, а на холмах не осталось ни единого укрытия, даже такого, где могла бы спрятаться хотя бы синица, никто не мог проехать и пяти миль где-нибудь между Чевиотскими холмами и Клайдом, чтобы его не заметила масса народа. Я возразил ему, сказав, что если знать, как пользоваться укрытиями, то их еще предостаточно, что если изучить покров и рельеф местности, то на склоне холма и в вереске можно спрятаться вполне надежно, так, как прячется аэроплан в совершенно пустом небе. Спорили мы спорили, и, в конце концов, я решил проскакать по заранее оговоренному маршруту, но так, чтобы Арчи не заметил меня. Денег на это предприятие требовалось немного, всего лишь один соверен[26], но идеей мы увлеклись чрезвычайно, и это меня подвело. Я мог бы догадаться, что все, чем увлекается Арчи,

[26] Примечания: 26
Соверен — золотая монета, имеющая хождение в Великобритании.

приводит соучастников к тому, что вся компания дружно садится в калошу.

Мы наметили маршрут примерно пятнадцать миль длиной — от моста в Гледфуте через холмы между Гледом, Аллером и Блейской пустошью до Блейских холмов. Маршрут проходил недалеко от Кирк Аллер, и мы договорились, если не встретимся раньше, встретиться в Кросс Киз, выпить чаю и вернуться домой не пешком, а, как говорится, на колесах. Арчи должен был двинуться из точки, что лежала примерно в четырех милях к северо-востоку от Гледфута, и пересечь мой маршрут по касательной. Мы думали, что для нас это будет всего лишь приятным времяпрепровождением в летний день. Я не собирался тратить на него дольше одного дня, потому что в тот вечер пригласил к себе гостей, а в среду — это был понедельник — я должен был занять место Делорейна на большом собрании членов Консервативной партии в Лангшилдсе, и времени для подготовки речи я хотел уделить как можно больше. Должен сказать, ни один из нас не знал местности — разве что лишь в самых общих чертах, — а носить с собой карты нам было запрещено. Лошадей отправили вперед, а я, готовый отправиться в путь, в половине десятого

утра был у моста Гледфут. На мне были бриджи для верховой езды цвета хаки, ботинки для игры в поло, старый охотничий плащ и довольно старая охотничья шляпа. Я подробно рассказываю о том, как был одет, потому что потом это будет иметь значение.

Далее об Арчи можно не упоминать, потому что больше в этой истории он не участвует. Не пробыв в седле и получаса, он забрел в болото и до трех часов дня был занят тем, что вытаскивал оттуда лошадь. Поэтому Арчи признал себя побежденным и вернулся в Ларристейн. Так что все время, пока я, пускаясь на все хитрости, на какие был способен, ехал верхом, поглядывая правым глазом на горизонт, где рассчитывал заметить Арчи, он потел и ругался на чем свет стоит в торфяном мху.

Я отправился из Гледфута вверх по течению ручья Ринкс в самом добром расположении духа: я подробно изучил местность по большой карте военно-геодезического управления и был уверен в том, что ввязался в выгодное дело. За Ринкс-Хоуп я пересек гребень холмов и поднялся к истоку ручья Скайр, где земля вокруг была изрезана глубокими оврагами, густо поросшими травой. На это мне указала карта, это подтвердили жители

Гледфута. Двигаясь по тому или иному оврагу, я обеспечивал себе надежное укрытие, пока не достиг большой еловой рощи, что простиралась на милю вниз по левому берегу ручья. Арчи, чтобы отследить меня на моем маршруте, должен был пересечь довольно крутой холм, и я рассчитывал, что к тому времени, когда он выберется на линию горизонта, я укроюсь в одном из оврагов или даже за лесом. Не заметив меня в верховьях Скайра, он подумает, что я несколько подзадержался, разбираясь в изгибах и хитросплетениях незнакомой местности, и будет высматривать меня в нижней части долины. Я залягу в укрытии и стану поджидать его, а когда замечу, что он ведет себя именно так, как я предполагал, я проскользну боковым маршрутом и попаду в долину Холлин, что тянулась параллельно моему оврагу. Оказавшись там, я должен был либо мчаться вовсю, либо добраться до Мейнз Блей раньше него, либо, если я видел его впереди себя, обойти все посадки и насаждения и зайти на ферму с другой стороны. Это был общий план, но у меня были в запасе и другие уловки на случай, если Арчи попытается проявить хитрость.

Я поскакал по торфяному холму рядом с ручьем Ринкс, чувствуя себя счастливым и вполне

уверенный в том, что выиграю. Конь, досыта наевшись травы, был полон сил и повиновался без малейшего упрямства, со стороны на нас было любо-дорого посмотреть! Голова моя была полна мыслями о том, что я скажу в Ла́нгшилдсе, и на ум пришла удачная, как мне показалось, фраза: «Наши противники готовы разрушить старый мир, чтобы построить новый, но на хаосе не построишь никакой системы, даже коммунизма!» Ну, короче говоря, до Ринкс-Хоуп я добрался через полчаса и там обнаружил пастуха, собиравшего своих черномордых ягнят.

Как ни странно, я знал этого человека: он был одним из молодых пастухов в Ларристейне. Звали его Прентис. Я остановился, чтобы поговорить с ним и понаблюдать, как он работает. Дел у него было слишком много, чтобы справиться одному, при нем был молодой полуобученный колли, и я решил протянуть ему руку помощи и показать, чего я стою в роли конного скотовода. Верхняя часть долины была великолепной, и я вызвался перегнать стадо на ее западную часть. Я посчитал, что у меня еще полно времени, и я вполне могу уделить десять минут на помощь приятелю.

То была чертовски трудная работа, и у меня ушло на нее добрых полчаса, но, к счастью, моей

лошади не пришлось вилять среди ручьев, заросших мхом. Однако я сделал, что задумал, и когда продолжил путь, и я, и мое бедное животное были в мыле. Должно быть, это и то, как мне пришлось покружить вокруг овец, смутило меня, потому что я привел стадо не на место кормежки, не к истоку ручья Скайр, а далеко влево.

Видимость была так себе, и я не мог разглядеть, что было дальше и вокруг меня. Я должен был понять, что это не ручей Скайр, но лишь пришел к выводу, что неправильно прочел карту, и, кроме того, внизу был большой лес, который, как я подумал, был тем самым, что я отметил. Пока что на высоких холмах, что возвышались справа от меня, не было никаких признаков Арчи, поэтому я решил, что мне лучше сойти с линии горизонта и с максимальной скоростью проскакать по зеленой чаше.

Это отняло у меня много времени, потому что возникла куча проблем с каменными дамбами. Ворота некоторых были затянуты проволокой, и, что бы я ни делал, мне все не удавалось раздвинуть их. Так что по первой дамбе я вынужден был проползти, следующую наполовину разрушить, и времени на то и другое ушло ужасно много. Когда я добрался до низины, выяснилось, что Скайр

— не мощный поток с его знаменитой водой, где водится форель, а всего лишь слабый ручеек. Но прямо передо мной был большой лес, и я подумал, что, быть может, я все же пошел верным путем.

Я всматривался в гребень холмов справа, и вдруг увидел Арчи. Сегодня я знаю, что то был не он, то был человек на коне, показавшийся мне живым воплощением Арчи. Он быстро передвигался по склону холма, по его подошве. Меня он, похоже, не видел, но я сообразил, что, если не найду укрытия, увидит через минуту.

Я пришпорил свое животное и через три секунды оказался под прикрытием ельника. Но тут я обнаружил след, и мне пришло в голову, что именно по этому следу идет Арчи и скоро он доберется до меня. Единственное, что нужно было сделать, как мне показалось, это забраться поглубже в лес. Легче сказать, чем сделать: сие благословенное место окружала огромная стена с битыми бутылками наверху. Мне нужно было что-то предпринять, и довольно быстро, потому что я уже слышал стук копыт позади себя, а слева не было ничего, кроме кривого склона холма.

В этот момент я увидел ворота, массивное сооружение из дубовых досок, плотно пригнанных друг к другу. Ворота, к счастью, были открыты.

Я толкнул их и захлопнул за собой. Ворота закрылись с резким щелчком, словно это было запатентованное устройство с самоблокировкой. Секунду спустя я услышал топот и фырканье подъехавшей лошади и увидел руки человека, что пытался открыть ворота и явно не мог справиться с ними. Человек, которого я принял за Арчи, промолвил: «Черт!» — и удалился.

Я нашел убежище, но теперь встал вопрос, как выбраться из него. Я спешился и вступил в борьбу с воротами, но они были тверды, как скала. Примерно тогда же я начал понимать: что-то пошло не так, потому что никак не мог взять в толк, почему Арчи, если он не видел меня, захотел пройти через ворота, а если видел, то почему не крикнул мне, как мы договаривались. Кроме того, здесь был не лес, а участок земли для какого-то дома с пристройками, меж тем как в долине, по которой протекал Скайр, на карте не было обозначено никакого дома… Единственное, что мне оставалось, это найти кого-нибудь, кто выпустил бы меня отсюда. Мне совсем не хотелось разъезжать по участку чужого человека, поэтому я завязал уздечку узлом, оставил своего коня пастись, а сам отправился пешком на разведку.

Земля круто оборвалась под башмаками, ноги

подкосились, и я соскользнул по сырой земле по откосу вниз. На мне были ботинки для игры в поло с гладкими подошвами, и они не цеплялись за землю. Затем, помню, я крепко ударился о заднюю часть небольшого деревянного навеса, построенного над ручьем. Я поднялся, прихрамывая, обошел навес и, оттирая грязь с глаз, столкнулся лицом к лицу с группой людей.

То были одни женщины, кроме одного мужчины, который громко читал им вслух, причем все лежали в длинных креслах. На мой взгляд, женщины были довольно хорошенькими, но бледными, и на всех были яркие цветные плащи.

Полагаю, на их фоне я выглядел несколько хулиганом, потому что был весьма разгорячен и, соскальзывая вниз, изрядно испачкался и порвал брюки. При виде меня они, словно бекасы, издали звук, похожий на блеяние барашка, затем подобрали юбки и убежали. Я видел, как мерцали их плащи, когда они петляли, словно вальдшнепы среди рододендронов[27].

Мужчина уронил книгу, встал и повернулся ко мне. Это был молодой человек с мертвенно-блед-

---

[27] Примечания: 27
Рододендроны — растения семейства вересковых.

ным лицом и бакенбардами, и он, казалось, был чем-то испуган: губы его дергались, руки дрожали, словно у него была лихорадка. Я видел, что он изо всех сил пытается сохранить спокойствие.

— Итак, вы вернулись, мистер Брамби, — сказал он. — Надеюсь, вы хорошо провели время?

На какой-то момент у меня возникло ужасное подозрение, что он знает меня: в школе меня называли Брамми. Взглянув на него во второй раз, я убедился в том, что прежде мы никогда не встречались, и понял, что он сказал именно «Брамби». Я не понял, что он имел в виду, но, похоже, единственное, чего он хотел, это выйти из положения за счет показной наглости. И вот тут я свалял дурака. Мне нужно было сразу признать свою ошибку, но я все еще полагал, что Арчи околачивается где-то поблизости, и по-прежнему не хотел попасться ему на глаза. Я сел в длинное кресло и сказал, что да, вернулся, что сегодня приятный день. Потом я вынул трубку.

— Пожалуйста, где угодно, только не здесь, — сказал мужчина. — Здесь это запрещено.

Я отложил трубку и задумался над тем, в какой сумасшедший дом я попал. Долгого времени на размышления мне отпущено не было: по дорожке, где с обеих сторон росли рододендроны,

в огромной спешке шли два человека. То были пожилой мужчина с встревоженным лицом (судя по одежде, слуга) и женщина средних лет (одетая, как медсестра). Оба были взволнованы, и оба старались — хотя бы внешне — сохранить хладнокровие.

— Ах, швестер[28], — сказал мужчина, — снова вернулся мистер Брамби, и ничего дурного не случилось.

Женщина с добрыми глазами и приятным журчащим голосом с укором взглянула на меня.

— Надеюсь, вы не пострадали, сэр, — сказала она. — Нам лучше вернуться в дом, а мистер Гримпус хорошенько вас вымоет, переоденет и перед завтраком вы немного отдохнете. Должно быть, вы очень устали, сэр, и вам лучше взять мистера Гримпуса под руку.

Казалось, у меня кружилась голова, но я подумал, что сейчас мне лучше всего сохранить сдержанность и делать, что говорят, пока не станет ясно, что вокруг происходит. Глупый осел, я все еще пытался скрыться от Арчи. Я мог бы легко повалить Гримпуса на пол, и он бы точно не оказал мне серьезного сопротивления, но после этого

---

[28] Примечания: 28
Сестра (*нем.*).

мне бы еще предстояло перелезть через стену с битыми бутылками наверху, и, кроме того, тут могли появиться садовники, конюхи и прочая публика, что поздоровее меня. И, главное, мне больше не хотелось устраивать сцен, потому что я уже напугал много больных дам, сбежавших от меня в заросли рододендрона.

Итак, я смиренно последовал за Гримпусом и сестрой, и вскоре мы подошли к дому, напоминавшему водолечебницу, совершенно уродливому, но прекрасно расположенному, с видом на юг на долину Аллер. В передней были медсестры, а также швейцар с челюстью, как у боксера-профессионала. Ну, я поднялся на лифте на второй этаж; там была спальня с балконом и несколько сундуков, также щетки на туалетном столике, помеченные буквами «Х. Б.». Меня заставили раздеться, надеть халат, а потом появился доктор, угрюмый субъект в золотых очках, с мягкими манерами, не сулившими, однако, ничего хорошего.

Затем на лифте меня спустили в подвал, и Гримпус начал купать меня. Господи, что это была за пытка! Кипящая вода заполняла ванну

на шесть дюймов[29], кипящий поток бил мне в живот, затем поток превратился в горячий град, затем в сгустки влаги, что били так, словно кто-то колошматил меня мотыгой, и под конец вся вода превратилась в лед. Но после всего этого я почувствовал себя необычайно бодро. Потом меня отвели в мою спальню и устроили мне изнурительный массаж и обработали тем, что, как я понимаю, они называют «фиолетовыми лучами». К тому времени меня уже просто распирало от прилива энергии, и когда мне сказали, что до завтрака я должен попытаться уснуть, я лишь усмехнулся и положил голову на подушку, словно малое дитя. Когда они ушли, мне жутко захотелось покурить, но трубка моя пропала вместе с одеждой, и рядом с кроватью я нашел разложенный для меня полный костюм Брамби, пошитый из фланели.

Лежа в постели, я предался размышлениям и начал приходить в себя. Я уже понял, где находился. То было местечко под названием Крейгидин, что находится примерно в шести милях от Кирк Аллер, которое во время мировой войны использовалось в качестве госпиталя для контуженых,

---

[29] Примечания: 29
Шесть дюймов — 15,24 см.

а также приюта для нервных больных. То был не частный приют, как я вначале подумал, его работники именовали его Курхаус[30], и предполагалось, что место должно было стать последним бастионом науки за пределами Германии. Время от времени сюда попадали люди с поврежденным разумом, и я подумал, что Брамби был одним из них. Он явно был моим двойником, но в двойников «один в один» я не верил и предположил, что он прибыл только что и у персонала не было времени запомнить его в лицо. Всадник, которого я принял за Арчи, должно быть, искал его на холмах.

Что ж, я лихо перехитрил Арчи, но и он перехитрил меня. Но настоящий Брамби мог вернуться в любой момент, и если это произойдет, здесь разыграется славный спектакль. Единственное, что меня пугало, так это то, что личность мою могут раскрыть, потому что это, так или иначе, были мои места, и меня сочтут настоящим ослом, когда станет известно, что я, пугая женщин, врывался в то место, где лечат нервы и где со мной обращались как с настоящим психом. Потом я вспомнил, что лошадка моя осталась где-то в ле-

---

[30] Примечания: 30
Курхаус (нем. Kurhaus) — санаторий.

су, и подумал, что есть надежда, что она пасется, бродя вдоль внутренней части стены, где никого никогда не бывает. Из всех планов, какие родились тогда в моей бедной голове, лучший состоял в том, чтобы дождаться случая, выскользнуть из дома, разыскать и вернуть мое животное и найти выход из адского парка. Стена не могла быть возведена повсюду, потому что, в конце концов, это место не было психиатрической лечебницей.

Прозвучал гонг, приглашавший к ланчу, и я, выбросив из головы все, о чем думал в тот момент, быстренько влез во фланелевые брюки Брамби. Длина у них была вполне для меня подходящей, но они были несколько просторны. На туалетном столике были разложены деньги и всякая всячина, вынутые из моих карманов, однако я не обнаружил ни трубки, ни кисета, из чего я сделал вывод, что их попросту конфисковали.

Я сошел вниз, в большую столовую, заставленную маленькими столиками, за которыми размещалась самая что на есть печальная компания, какую только можно встретить в жизни. За столиками в основном сидели по одному, но кое-где по двое, конечно же, муж и жена или мать и дочь. В столовой было восемь мужчин, включая меня, а остальные были женщины всех

возрастов, от молоденьких девушек до бабушек. Некоторые выглядели совсем больными, другие просто источали здоровье, но вид у всех был настороженный, словно им приходилось сдерживать себя согласно условиям некоего строгого режима. Разговоров не вели, всяк принес собой книгу или журнал, которые усердно изучались. В центре каждого столика рядом с солью и перцем стояли несколько бутылочек с лекарствами. Медицинская сестра, что привела меня на мое место, поставила рядом со мной пару таких бутылочек.

Вскоре мне стало понятно, почему люди были столь увлечены чтением. Еда была просто отвратительна. Мне так хотелось есть и пить, что я бы с удовольствием съел два бифштекса и выпил бы кварту пива[31], однако я получил всего лишь три сухарика, тарелку жидкого супа, пюре из овощей и чайную чашку молочного пудинга. Я позавидовал настоящему Брамби, который в этот момент, если у него была хоть капля ума в голове, прекрасно чувствовал себя в трактире. Я не решился просить добавки, потому что это могло вызвать неудобные вопросы, так что у меня было достаточно времени, чтобы понаблюдать за

---

[31] Примечания: 31
Кварта — 1,14 л.

людьми. Никто ни на кого не смотрел; казалось, здесь вошло в моду являть собой воплощенное одиночество, затерянное в глухой пустыне; здесь даже пары не разговаривали друг с другом. Я осторожно осмотрел присутствовавших, чтобы выяснить, нет ли среди них тех, кого я мог знать прежде, но нет, все они были мне незнакомы. Через некоторое время мне стало так одиноко, что захотелось взвыть.

Наконец люди начали вставать и расходиться. Сестра, которая попалась мне на глаза первой, — собравшиеся, обращаясь к ней, говорили ей «швестер», хотя выглядела она скорее начальницей, — появилась с лучезарной улыбкой и дала мне мое лекарство. Я вынужден был принять от нее две таблетки и какие-то ужасные капли, что мне извлекли из коричневой бутылочки. Я прикинулся послушной персоной и подумал, что это может дать мне лишний шанс в поисках моей лошади. Поэтому я сказал сестре, что чувствую себя совершенно отдохнувшим и что после полудня хотел бы прогуляться. Сестра покачала головой:

— Нет, мистер Брамби. Сегодня вам точно положено отдыхать, так распорядился доктор Миггл.

— Но я в самом деле чувствую себя очень хорошо, — возразил я. — Я из тех мужчин, которым

все время нужно двигаться и двигаться!

— Не совсем так, — промолвила она с терпеливой улыбкой. — В настоящее время ваша энергия носит болезненный, нездоровый характер. Ее причиной является нерегулярный нервный комплекс, и перед тем, как вы сможете вести нормальную жизнь, мы должны вылечить именно его. Скоро вы начнете совершать долгие приятные прогулки. Вы обещали вашей жене делать все, что вам говорят, и с вашей стороны было совершенно неправильно то, что вы незаметно ушли отсюда прошлой ночью и доставили всем нам массу беспокойства. Доктор Миггл говорит, что больше это *никогда* не должно повториться!

С этими словами она укоризненно погрозила мне пальцем.

Хорошенькое дело, подумал я, к моим неприятностям добавилась некая жена. Теперь я начал беспокоиться по-настоящему, потому что в любой момент здесь мог появиться не только Брамби, но также и его драгоценная супруга, а между тем я понятия не имел, как объясню ей, что делаю здесь в брюках ее мужа. Кроме того, меня встревожила последняя фраза. Доктор Миггл решил, что сбегать вторично я не должен никак, и был он, судя по всему, человек решительный. Его «никогда»

означало то, что я всегда буду под наблюдением и что на ночь дверь моей спальни будут запирать.

Я поднялся в свою комнату — Гримпус остался ожидать меня в зале — и бросил взгляд из окна. Я увидел прекрасную густую виргинскую лиану, по которой можно было легко добраться до этажа ниже, но до земли — совершенно невозможно: там, внизу, зияла огромная пропасть подвала. Нечего было и думать о том, чтобы сбежать отсюда, двигаясь столь ненадежной дорожкой; вначале нужно было пройти через комнату, что была внизу, но если я это сделаю, с моей стороны это будет еще одним грубым нарушением правил, которое может закончиться ужасным скандалом.

Спускаясь по лестнице, я чувствовал себя ужасно подавленным, пока не увидел женщину, выходившую из такой же комнаты, как моя… Господи, да ведь это же моя тетушка Летиция!

Я не должен был этому удивляться, потому что она вечно жаловалась на нервы и всегда ее носило везде и всюду в поисках лекарства. Увидев меня, она подумала, что перед ней Брамби, и поспешила прочь. Очевидно, слава о деяниях Брамби уже разошлась по белу свету, и его психическое здоровье вызвало подозрения у тех, кто его знал. Хотелось последовать за ней, но момент

был неподходящим, потому что Гримпус смотрел на меня.

Гримпус проводил меня на террасу, усадил в длинное кресло и велел оставаться там и греться на солнышке. Читать мне было нельзя, но я мог поспать, если бы мне захотелось. Но спать мне не хотелось никак, потому что со стороны это очень бы походило на нарастание душевного расстройства. Я должен был связаться с тетей Летицией. Я видел ее, сидевшую в новом кресле на другом конце террасы, но я понимал, что если встану и подойду к ней, она примет меня за сумасшедшего Брамби и с ней случится истерика.

Я лежал в раздумьях и грелся на солнце около двух часов. Потом я заметил, что сестры разносят чай или лекарства некоторым пациентам, и подумал, что появился шанс сдвинуть дело с места. Я подозвал одну из них и голосом любезным, но жалобным, присущим инвалидам, посетовал на то, что солнце для меня слишком жаркое и что я хочу перебраться на другой конец, где больше тени. Сестра пошла искать Гримпуса, и вскоре честный малый явился.

— Надоело мне это солнце, — обратился я к нему, — чувствую, вот-вот заболит голова. Хочу, чтобы ты переместил меня вон туда, в тень

буков.

— Очень хорошо, сэр, — сказал он и помог подняться, прихватив кресло и коврик.

Я слабой походкой поковылял за ним и указал на свободное место рядом с тетей Летицией. Она дремала и, к счастью, не заметила меня. Кресло с другой от меня стороны занимал старый джентльмен, который крепко спал.

Я подождал несколько минут и начал придвигать свое кресло чуть ближе. Затем я достал немного земли из трещины в брусчатке, сделал из нее комок и аккуратно положил комок тетушке на лицо.

— Тетушка Летти, — прошептал я, — просыпайтесь!

Она открыла один глаз, горевший от возмущения, посмотрела на меня, и я подумал, что она вот-вот упадет в обморок.

— Тетушка Летти, — промолвил я голосом, полным муки, — ради всего святого, не кричите. Я не Брамби. Я ваш племянник Майкл.

Нервы у нее были лучше, чем я думал, потому что ей удалось взять себя в руки и выслушать меня, пока я бормотал ей свою историю. Я, конечно, видел, что ей все это дело дико не нравится, что она явно затаила обиду на меня за то, что

я осквернил святость ее комнатного лечения. Однако, перемолвившись со мной несколькими словами, она стала тверже камня.

— Ты глава нашей семьи, Майкл, — сказала она, — и я обязана помочь тебе выбраться из положения, в которое тебя поставило твое безрассудство. Я согласна с тобой, что сейчас самое важное — не раскрыть себя. Здесь принято, чтобы пациенты расходились по своим комнатам в половине восьмого. В девять я открою окно, и если ты войдешь через него, сможешь выйти затем через дверь. Это самое большее, что я смогу для тебя сделать. А теперь давай помолчим, потому что мне велено вести себя тихо в течение часа перед чаем.

Можете себе представить, сколь медленно для меня после этого пошло время… Гримпус принес мне чашку чая и сухарики; я заснул и проснулся только тогда, когда он пришел в половине седьмого, чтоб проводить меня в дом. Курить хотелось ужасно, и я бы заплатил несколько фунтов только за то, чтобы выкурить трубку. Ужин был в семь, я сказал, что не стану переодеваться, хотя одежда Брамби была разложена на кровати. Нужно было кое-где подшить, но игла не слушалась меня, потому что я все время боялся, что Брамби может

появиться здесь до того, как я уйду.

Вскоре появился доктор и, немного поворковав надо мной и пощупав мой пульс, начал расспрашивать о моей прошлой жизни. Полагаю, так он пытался выявить подсознательные комплексы, которые расстраивали мой разум. Я решил отвечать осторожно: я подозревал, что он либо уже осмотрел Брамби, либо получил отчет о его состоянии. Я был прав, потому что первое, о чем он начал меня расспрашивать, почему я побил свою сестренку, когда мне было пять лет. Не было у меня никакой сестры, и мне пришлось признать, что я побил сестру Брамби; также я заметил, что между мной и моими сновидениями по-прежнему существует ужасная связь. Похоже, услышанное озадачило его, потому что ничему такому не следовало всплывать на поверхность, это должно было глубоко засесть в моем подсознании и беспокоить меня, как заноза в пальце, которую невозможно обнаружить. Он задал мне множество вопросов о моей няне, и я сказал, что у нее есть брат, который попал в тюрьму из-за кражи овец. Ответ ему понравился, и он сказал, что это весьма плодотворное направление для дальнейших исследований. Также он спросил, что мне снится, и я сказал, что мне мои сны нужно

записать. Рассказал, что как-то мне приснилось, что кобыла по кличке Няня выиграла скачки у Дубов, но я просмотрел программу и выяснил, что эти лошади в скачках не участвовали. Это его несколько обрадовало, и он заметил, что ключом к разгадке может послужить моя нянечка. Я чуть было не расхохотался, потому что моей нянькой была старая Элисон Хизлоп, которая ныне служит экономкой в Ларристейне, и если бы кто-то обозвал ее «ключом к разгадке», она просто побила бы его до крови.

Ужин был не лучше обеда — тот же суп, те же сухари, те же овощи и немного курицы, которую плохо кормили перед забоем. На этот раз вместо двух мне пришлось принять три лекарства. Я сказал сестре, что очень устал, и Гримпус отвел меня наверх в восемь часов. Он сказал, что доктор Миггл приказал выдать мне еще одну порцию фиолетовых лучей, но я запротестовал столь бурно, заявляя, что чувствую себя слишком вяло для его, доктора, забот, что Гримпус, сходив к доктору, чтобы посоветоваться, вернулся и объявил, что на сегодняшний вечер пресловутые лучи отменяются. Поймите, я очень боялся, что меня уложат в постель и разденут, и мне совсем не хотелось шататься по графству в пижаме Брамби.

Когда Гримпус вышел из комнаты, я услышал, как в дверном замке повернулся ключ. Хорошо, подумал я тогда, что у меня есть план с тетей Летицией.

В девять часов вечера я вылез из окна. Была прекрасная ночь. Солнце только что зашло, и на небе появилась молодая луна. Крепкая виргинская лиана выдержала мой вес, и менее чем через минуту я очутился у окошка тети Летиции. Она уже ждала меня в халате, собираясь впустить, и я уверен, душа ее, многое чего пережившая и перетерпевшая на своем веку, действительно наслаждалась этой шальной авантюрой. Она пожелала дать мне денег на дорогу, но я сказал, что у меня есть и мне хватит. Затем я высунул нос из ее комнаты, убедился в том, что на лестнице и в зале никого нет, и тихо прикрыл за собой дверь.

Большая дверь в зал была закрыта, и я слышал, как по соседней каморке ходит швейцар, у которого, как я уже говорил, челюсть была, как у боксера-профессионала. В ту сторону я пойти не мог, поэтому повернулся и направился в гостиную, что выходила на террасу. Но двигался я впотьмах и догадался, что окна были закрыты ставнями. Попытаться спуститься вниз? Больше ничего не оставалось. Я подумал, что слуги

в это время ужинают, и потому прошел через вращающуюся дверь, обитую зеленым сукном, и спустился вниз подлинному пролету каменных ступеней.

Внезапно я набрел на ярко освещенную кухню. В ней никого не было, а за ней находилась дверь, через которую, казалось, можно было выйти на свежий воздух. На самом деле дверь вела в судомойню, где девушка-служанка возилась у крана. Она напевала шотландскую песенку «Когда коровушка вернется домой», и я понял, что она родом из сельской местности. Я тоже был из сельских и решил сыграть — смело и весело.

— Слышь, девчонка, — обратился я к ней. — Куда ведет дорога из этого дома? Мне нужно вернуться в Кирк Аллер до десяти.

Девушка перестала петь и уставилась на меня. Я ухмыльнулся, а она в ответ рассмеялась.

— Так ты из Кирк Аллера? — спросила она.

— Я нашел там работу, — сказал я. — Я тут побывал в почтовом отделении Калли и наткнулся на посылку для одной из местных леди. Но дальше мне нужно проследовать водным путем по дороге на Ларристейн.

— Да что ты говоришь! Я сама из Гледсайда. А куда ты так торопишься? Глянь, какая чудесная

ночь! А какая луна!

Девица явно была не прочь пофлиртовать, но времени на развлечения у меня не было.

— В Кирк Аллере есть девушка, которая с меня голову снимет, если я заставлю ее ждать!

В ответ судомойка тряхнула головой и рассмеялась:

— Тогда поторопись, паренек! Добираться будешь на своих двоих?

— Нет, у меня есть велосипед.

— Тогда топай через прачечную, затем вверх по ступеням, обойди рододендроны — и выйдешь на двор. Доброй тебе ночи!

Я, словно заправский фонарщик, поднялся по ступенькам, нырнул в рододендроны и вышел на главную аллею. Она была длинной и вела прямо к сторожке у ворот. Вид ее мне не понравился. Первым моим делом было разыскать свою лошадь, и направление поиска я более или менее обдумал. Дом стоял на правом берегу ручья, и если бы я подался левее, я бы пересек этот ручей ниже по течению и затем поднялся на другую сторону. Так я и сделал, причем без особого труда. Я перешел ручей вброд, вышел на лужайку и вскоре начал подниматься к сосновому лесу, что покрывал ущелье. Менее чем через двадцать минут я достиг

ворот, через которые вошел сюда.

Признаков моей лошади не было никаких. Я двинулся вдоль стены, что тянулась слева, пересек ручей, но животного там не было, и к тому же было слишком темно, чтобы я мог разглядеть следы копыт на земле. Я попытался пройти вправо и вернулся на уровень парка, но, увы, положение мое не изменилось. Будь я хоть чуть сообразительнее, я бы прекратил поиски и дошел до Гледфута, как выразилась девушка, на своих двоих. Вместо этого я двинулся, спотыкаясь, по полутемному парку и вскоре попал в беду. Гримпус, похоже, зашел в мою комнату еще раз, обнаружил, что я исчез, и поднял тревогу. Тетя Летиция не попала у них под подозрение, и они, должно быть, вообразили, что я, как кошка, попросту спрыгнул на дорожку. Преследователи помчались по аллее, полагая, что я направился к сторожке у ворот, и, как назло, именно в этот момент я переходил дорогу, и они заметили меня. Помню, что из-за угла я краем глаза увидел огни, зажженные моими преследователями, и подумал о том, как это Гримпус умудрился выбрать момент для возвращения, столь неблагоприятный для меня.

Я побежал в парк, трое парней бросились за

мной. Провидение не предусмотрело — и никогда не предусматривало — для меня роли бегуна на длинные дистанции, и, кроме того, из-за недостатка питания я был слаб. Но я так боялся того, что со мной будет, если меня поймают, что мчался, как профессиональный бегун на милю, и эти поганцы меня так и не догнали.

В конце концов, я прибежал все к той же старой стене, покрытой сверху бутылочным стеклом. Я был в отчаянии, но тут мне показалось, что я нашел выход. У стены рос молодой конский каштан, и одна ветвь нависала над ней. Я подпрыгнул, схватился за первую ветвь, подтянулся и с большим трудом пролез между ветвью и стволом. На это потребовалось время, и один из парней успел схватить меня за ногу, однако я тоже кое-что успел — заехал ему в челюсть ботинком Брамби!

Далее я ухватился за ветку побольше и стал карабкаться вверх, пока на оказался над стеной. Затем ветвь, не выдержав моих двенадцати стоунов[32], сломалась, и я тяжело опустился на то, что напоминало большую дорогу.

Я немного ушибся, но времени на размышления не было: погоня приближалась. В поисках

---

[32] Примечания: 32

Стоун — мера веса, равная 6,33 кг; 20 стоунов — 126,6 кг.

укрытия я пошел по дороге и почти сразу нашел его. Впереди медленно двигался большой крытый фургон; изнутри струился свет. Я бросился за ним, взобрался на ступеньку и сунул голову внутрь.

— Можно войти? — задыхаясь, спросил я. — Спрячьте меня на десять минут, а потому я вам все объясню.

Я увидел лицо — старое, с усами и в очках. Оно было весьма и весьма торжественно, но, как мне показалось, в глазах человека я увидел огонек.

— Ага, — промолвил беззубый рот, — можешь войти.

Чья-то рука схватила меня за воротник, и меня втащили внутрь. Должно быть, это случилось как раз в тот момент, когда первый из преследователей упал со стены.

ЧАСТЬ II

...ДА В ПОЛЫМЯ

Итак, я попал в фургон, что был своего рода спальней; место, где сидел возница, отделяла двойная занавеска. Там я затаился, пока старик вел переговоры с моими преследователями.

— Вы не видели джентльмена? — услышал я задыхающийся голос. — Того, который упал со

стены? Он должен был пробежать где-то рядом.

— Что за джентльмен?

— Он был одет в серое и примерно моего роста.

По голосу человек был явно не Гримпус.

— Меня никто не обгонял, — услышал я совершенно правдивый ответ моего спасителя. — Лучше поищите на другой стороне дороги среди папоротников. Потайных нор там видимо-невидимо. А что за человек?

— Кто-то из клиентов доктора. — Я точно знал, хотя и не мог видеть, что при этих словах говоривший многозначительно постучал себя по лбу. — Ладно, попробую еще раз. Доброй ночи.

Я вылез из своего убежища и увидел, что старик торжественно смотрит на меня, стоя под качающейся лампой.

— Я один из старомодных радикалов, — торжественно объявил он, — и я за свободу личности. Я не стану задерживать тех, кого запирают только потому, что какой-то шибко въедливый доктор считает, что у них, как говорится, не все дома. Но я был бы рад узнать, сэр, что вы не опасный сумасшедший. Если это так, то доктор Миггл не имеет права работать с сумасшедшими. Его дом вовсе не приют.

— Я столь же в здравом уме, сколь и вы, — сказал

я и поведал старику свою историю, постаравшись изложить ее как можно короче.

Я рассказал ему о своем пари с Арчи, о скачке и о том, как удачно все закончилось. На лице старика не дрогнул ни один мускул. Возможно, он не верил мне, но из-за своих политических принципов он не собирался отдавать меня в руки моих преследователей.

— Можете переночевать у меня, — сказал он. — Утром мы будем заняты, и вы сможете уйти на все четыре стороны. Это свободная страна, несмотря на наше Богом забытое правительство.

Я поблагодарил его и спросил, кому я обязан этим гостеприимством.

— Я Великий Макгоуэн, — сказал он. — А утро мы встречаем в Кирк Аллере.

Он произнес свое имя так, словно то было «Муссолини» или «Демпси»[33], которые должен знать весь мир. Я тоже знал его имя, оно было знакомо

---

[33] Примечания: 33

Бенито *Муссолини* (1883–1945) — итальянский фашистский диктатор в 1922–1943 гг., премьер-министр Италии в те же годы.

Демпси. — Речь, скорее всего, идет о Джоне Эдварде Келли (1862–1895), американском боксере, первом чемпионе мира в среднем весе среди профессионалов в 1884–1891 гг., который выступал под именем Джек Демпси и имел прозвище Нонпарейл, то есть «Несравнимый».

Был еще один знаменитый американский боксер, тоже Джек Демпси, настоящее имя которого было Уильям Харрисон Демпси (1895–1983), чемпион мира в тяжелом весе в 1919–1926 гг., взявший себе имя великого предшественника.

мне с детства. Последние два десятка лет его можно было увидеть везде и всюду в любое время на всех железных заборах Шотландской Равнины: «Чудесный и великий зверинец Макгоуэна!», «Колоссальный черкесский цирк Макгоуэна!», «Единственный и неповторимый Макгоуэн!»

Мы с грохотом преодолели еще полмили, а затем свернули с дороги в поле. Когда мы понеслись по траве, я выглянул за дверь и увидел около двадцати больших фургонов и повозок, стоявших невдалеке. Сильно пахло лошадьми и пищей, что готовили тут же, и над всем этим я учуял запах нечистых животных. Мы заняли место отдельно от остальных, и после того как владелец фургона, удовольствовавшись кратким осмотром нашего снаряжения, убедился в том, что все на месте, он объявил, что нам пора ложиться спать. Перед этим мистер Макгоуэн, по-видимому, пообедал, потому что не предложил мне никакой еды, меж тем как я бы с удовольствием поел. Но он протянул мне кружку горячего пунша, и я с опаской подумал, как совместится пунш с лекарствами, что я вынужден был принять, и не стошнит ли меня ночью. Затем он указал мне на койку, разделся до рубашки, нахлобучил на свою почтенную голову ночной колпак и через пять минут уснул.

День мне выдался утомительный, и, несмотря на духоту, я тоже вскоре уснул.

Проснувшись на следующее утро, я обнаружил, что нахожусь в фургоне один. Открыв окно, я увидел все ту же вчерашнюю суету. День обещал быть великолепным и очень жарким. Меня несколько тревожила мысль о том, что я предприму дальше, потому что Кирк Аллер находился в неприятной близости от Крейгидина и доктора Миггла. В конце концов я решил, что лучшим в моем положении будет доехать на поезде до Лангшилдса, а затем нанять автомобиль до Ларристейна, оттуда послать телеграмму, заверив, что со мной все в порядке, на тот случай, если моя лошадка, опередив меня, заявится без всадника. Головного убора на мне не было, но я подумал, что могу купить что-нибудь в Кирк Аллере, понадеявшись на удачу, что никто из Курхауза не заметит меня на улице. Хотелось принять ванну, побриться и позавтракать, но я решил отложить все это до тех пор, пока не доберусь до гостиницы в Лангшилдсе.

Вскоре появился мистер Макгоуэн, и по его лицу было видно, что он чем-то расстроен. На нем был старый клетчатый халат, и по росистой траве он прошелся босиком.

— Вчера вечером вы поведали мне свою историю, — торжественно начал он, — подлинность которой, признаться, вызвала у меня некоторые сомнения. Прошу простить за то, что я оказался Фомой неверующим[34]. Отныне я верю каждому вашему слову, потому что только что получил подтверждение всему, о чем вы рассказали.

В ответ я промямлил что-то насчет того, что весьма обязан ему, и он продолжил:

— Дело в том, что сегодня утром здесь искали вас. Тот человек из Крейгидина ужасно настроен против вас, мистер Браун. Полицейский — его зовут Тэм Дойг, я его хорошо знаю, — говорит, что они разыскивают человека, который выдает себя за пациента местной лечебницы, что он сбежал, прихватив вещи другого пациента. Я лишь повторяю то, что сказал Тэм Дойг. Я дал Тэму уклончивый ответ, и он уехал на велосипеде по другой дороге, но — спрашиваю вас, как друг спрашивает друга, мистер Браун, — каковы точные факты в связи с этим делом?

— Да боже ты мой! — воскликнул я. — То, что там сказали, чистая правда. Одежда, что на мне, принадлежит некоему Брамби, но в обмен на нее

---

[34] Примечания: 34

Фома неверующий — один из двенадцати апостолов. Прозвище получил потому, что отказывался поверить в воскресение Иисуса Христа.

они прихватили мои шмотки. Он, должно быть, вернулся после того, как я исчез. Просто адская заваруха! Полагаю, они могут обвинить меня в краже.

— Многие под любым надуманным предлогом не прочь хапнуть чужое добро, и я полагаю, на пустые обвинения вы вполне могли бы дать разумный ответ. Но дело не в этом, мистер Браун. Доктор настроен на то, чтобы отомстить вам: вы заявились в его санаторий, попользовались его штучками-дрючками, а теперь делаете из него дурака. Вот он и хочет расправиться с вами, так чтоб другим неповадно было. Тэм Дойг провисел нынче на телефоне полночи, и говорит, что не будет ему покоя, пока вы живы. А теперь вы говорите мне, что вы лэрд[35], человек с приличным положением в обществе, и я верю вам. Худо же придется вам и вашим друзьям, когда вы предстанете перед шерифом!

И тут я быстренько сообразил. До сей поры я был в безопасности, потому что в той одежде, что я оставил, не было ничего такого, что позволило бы опознать меня. Я был совершенно уверен в том, что лошадушка моя давно уже направилась

---

[35] Примечания: 35

Лэрд — нетитулованный дворянин в Шотландии.

прямиком в конюшни Ларристейна. Если мне удастся вернуться домой незамеченным, можно будет считать, что приключение мое закончилось.

— А что если я сейчас отсюда смоюсь? — предположил я. — О местности у меня в общем и целом представление имеется, и я мог бы перебраться через холмы, оставшись незамеченным.

— Нет, — сказал он, покачав головой. — Вы и мили не преодолеете. Ваше описание распространили везде и всюду: разыскивается человек в сером фланелевом костюме и мягких туфлях, с красным лицом и без шляпы. Все знают, что доктор сказал о вас, но все, кто тут живет, высматривают опасного и, быть может, сумасшедшего преступника. Вознаграждение предлагается не менее двадцати фунтов.

— Не могли бы взять меня с собой в Кирк Аллер? — спросил я в отчаянии.

— Да, вы можете остановиться у меня. Но чем вам будет лучше в Кирк Аллере? Там вас ждет судебный исполнитель. — Затем он надел очки и торжественно посмотрел на меня: — Вы мне понравились, мистер Браун, можете объявить об этом хоть всему свету. И вот о чем я хочу вас спросить: вы хорошо обращаетесь с лошадьми?

Я ответил, что прожил среди них всю свою жизнь и служил в кавалерии до того, как отправился в военно-воздушные силы.

— Я догадался об этом по вашему лицу. Да и вообще, по человеку это, как правило, видно. Теперь, поскольку вы мне пришлись по душе, я делаю вам предложение, с которым никогда бы не обратился к кому-то другому… У меня нет начальника манежа. Джозеф Джепп, который десять лет проработал со мной, лежит с гриппом в Бервике. Я мог бы заменить его дублинским Дэви, но представительности в Дэви не больше, чем в побитой собаке, да и одежда Джозефа явно не его размера. Когда сегодня утром я взглянул на вас, после того как услышал новости от Тэма Дойга, я сказал себе: «Вот человек, который мне нужен!»

Конечно же я ухватился за это предложение, как говорят, руками и ногами. В Кирк Аллере я был в такой же безопасности, что и дублинский Дэви, неудачная замена Джозефа Джеппа, в такой же безопасности, в какой был в собственном доме. Кроме того, сама идея мне понравилась, и я подумал, что неплохо было бы после рассказать об этом Арчи. Но я сказал, что согласен поработать у мистера Макгоуэна только один вечер, а утром я должен буду покинуть его, и он согласился.

— Для начала я хочу устроить в Кирк Аллере хорошее представление, — сказал он, — а Джозеф будет готов присоединиться ко мне в Лангшилдсе.

Я позаимствовал у старикана бритву, побрился и умылся, а он в это время готовил завтрак. После того как мы поели, он принес комплект одежды моего предшественника. Одежда пришлась мне впору, но, Боже мой, выглядел я в ней настоящим негодяем! Брюки были недавно вычищены, но сапоги напоминали пару старых ведер, а от пальто мой портной ударился бы в слезы. Сам же мистер Макгоуэн надел сюртук, дополнил его высоким воротником, и прихорашивался до тех пор, пока не стал в точности похож на тех крупных ирландских торговцев, которых можно часто увидеть на выставках лошадей, то есть чем-то средним между членом кабинета министров и методистским священником. Он сказал, что начальник манежа должен ехать на лошади рядом с теми зверями, что должны были вызвать у публики наибольший интерес, так что я устроился перед фургоном, в котором была клетка с двумя очень унылыми львами. Мне вручили длинный хлыст и велели привлекать к себе внимание.

Кирк Аллер был мне знаком плохо, поэтому я

не боялся, что меня опознают как меня самого или как мистера псево-Брамби. В Последний раз я был там, когда ехал из Ларристейна пообедать в стрелковом клубе Аллера. Нынешний мой визит носил более сенсационный характер. Я решил развлечься и привлечь к себе всеобщее внимание, и мне это явно удалось. Можно даже сказать, я заслужил овации. Так случилось, что тот день совпал с государственным праздником, и улицы были полны народа. Мы с грохотом двинулись вверх по мостовой Вестгейта и вниз по длинной Хай-стрит, тротуар которой по обеим сторонам был заполнен взрослыми людьми и сопровождавшей их толпой из нескольких сотен детей. Нашим фургоном правил сморщенный человечек в жокейской шапке, но главным на козлах был я. Я гордо демонстрировал публике свой хлыст, а когда мы замедлили ход, выделил для себя нескольких местных персон, что бросились мне в глаза, и попытался их поддразнить. Я подумал, что здесь лучше подойдет жаргон кокни, потому что он вполне соответствовал моей нынешней должности, и у меня получилась очень удачная смесь застольных бесед моего конюха и моего старого денщика. То было высококлассное выступление, и вы удивитесь тому, как оно, в конце

концов, сошло на нет. Там был молодой парень с громадной копной волос на голове, которого я пригласил присоединиться к его друзьям, сидевшим в клетке, и как раз в тот момент, когда один из унылых львов издал рычание, я сказал, что это мамочка зовет своего маленького Перси. И еще там был старый пастух с холмов, что все время поглядывал на винную чашу и пронзительным голосом пытался вызнать, чем мы кормим животных. Я не мог удержаться от того, чтобы не ответить ему на его родном языке.

— Слышь, друг! — закричал я. — А не скажешь ли, сколько овец ты потерял, когда мы были на прошлой ярмарке в Босуэлле?

Похоже, я попал в самую точку, потому что толпа взревела, а его друзья, похлопав старика по спине, проорали:

— Отлично! Ловко он тебя уделал, Тэм!

Мое триумфальное шествие закончилось на Аллер Грин, где должно было состояться представление. Большой участок земли был со всех сторон отгорожен частоколом, покрытым брезентом. Толпа детей замерла у ворот. Большая часть нашего циркового хозяйства въехала на участок. Площадку для цирковой арены уже разметили, и ярусы деревянных сидений были

сколочены между собой. Поставили большой шатер, в котором должен был разместиться зверинец, несколько шатров поменьше находились в процессе возведения. Я заметил, что члены труппы с любопытством глазеют на меня, а затем появился мистер Макгоуэн и представил меня.

— Это мистер Браун, мой друг, — сказал он. — Он заменит Джо Джеппа на один вечер. — После этого, повернувшись ко мне, он заметил: — Мне было слышно, с какой помпой вы прошлись по Хай-стрит. Отлично поработали! У вас огромный природный талант к этой профессии.

После этих слов вся труппа как один выказала мне свое дружелюбие, и затем мы всей компанией перекусили в одном из шатров — хлеб, сыр и бутылочное пиво.

Первое, что я сделал, это связал одежду Брамби, которую мистер Макгоуэн обещал отослать обратно в Крейгидин, когда путь туда будет свободен. Затем я заплатил маленькому мальчику, поручив ему отнести на почту телеграмму для Арчи в Ларристейн. В ней я сообщил, что меня задержали и я надеюсь вернуться на следующий день. После этого я снял пальто и принялся работать вовсю. Было почти шесть часов, прежде чем мы привели все в порядок, представление нача-

лось в семь, так что все мы несколько подустали, когда сели пить чай.

— Тяжкая у артиста работа! — заметил старый Макгоуэн.

Никогда прежде не встречал я компании более странной, более дружелюбной и простодушной, потому что владелец, казалось, с самого начала поставил перед собой цель собрать у себя оригиналов, большинство из которых служило у него долгие годы. Зверинцем руководил бывший моряк, который замечательно обращался со зверями; от него редко можно было услышать лишнее слово, он лишь ухмылялся и насвистывал сквозь сломанные зубы. Клоун — он сказал, что его зовут Сэммл Дрип и что родом он из Пейсли, — был очень толст и не нуждался в накладном валике для смягчения ударов. Дублинский Дэви, мой заместитель, был невысокий ирландец; он служил конюхом и прихрамывал, потому что когда-то нес службу в полку дублинских стрелков, расквартированном в Галлиполи. У клоуна была жена, которая занималась продовольственным снабжением, когда не была занята на арене в качестве Зенобии, Гордости Сахары. Затем были сестры Видо, молодая супружеская пара с двумя детьми, и жена человека, игравшего на кларнете;

на афише о ней было написано «Элиза-наездница». Я осмотрел лошадей, то были обыкновенные худощавые цирковые пони с широкими спинами. Позднее я обнаружил, что они были столь хорошо натренированы, и, смею предположить, свои повороты они могли бы проделать даже в темноте.

В четверть седьмого мы зажгли нафтовые факелы, и наш оркестр заиграл. Макгоуэн велел мне влезть в одежду Джеппа, и я с большой неохотой подчинился ему, потому что предпочел бы то, что надеваю по утрам. Я обнаружил, что там были только пальто и жилет, так как мне разрешили оставить высокие сапоги с отворотами и шнурки. Рубашка, к счастью, была чистой, но у меня был солитер с фальшивым бриллиантом размером с шиллинг, а покрой пиджака счел бы устаревшим любой уважающий себя официант Сохо. Также у меня были алый шелковый носовой платок — я засунул его в грудной карман, — пара грязных белых лайковых перчаток и огромный хлыст.

Зверинец был открыт, но в тот вечер главной достопримечательностью был цирк, и без ложной скромности могу сказать, что лучшим украшением цирка был я. Во время одного из антрактов Макгоуэн настойчиво протянул мне

руку, крепко пожал ее и сказал, что все, чем я занимался до этого, ерунда, что истинная моя профессия — балаганщик, шоумен. Полагаю, я тогда превзошел самого себя и уловил то, что можно было бы назвать духом дела. Мы устроили обычные гонки Дика Тюрпина в Йорк[36] и побег Дакоты Дан (одной из Сестер Видо) от Краснокожих Индейцев (при этом другие, Видо, Зенобия и Элиза, красовались кучами перьев на головах). Наездница скакала, Видо прыгали через обручи, а я все это время выдавал свою скороговорку и извергал все самые гадкие словеса и выражения, какие приходили на память.

Клоун был великолепен. У него был акцент уроженца Пейсли, но он гордился тем, что говорил на аристократическом английском. Он часто подшучивал над Зенобией из-за ее «жизни в пустыне». Один случай мне запомнился. Зенобия заговорила о бюль-бюле, что по-арабски означает «соловей», и как бы между прочим спросила, видел ли он когда-нибудь «буль-буля», намекая на

---

[36] Примечания: 36

Мы устроили обычные гонки Дика Тюрпина в Йорк… — Ричард (Дик) Тюрпин (1705–1739) — знаменитый английский разбойник, «джентльмен с большой дороги». Он романтически представлен в романе Уильяма Гаррисона Эйнсворта (1805–1882) «Руквуд» (1834). Его гонка описана в четвертой книге этого романа: «На Черной Бесс — в Йорк». Черная Бесс — кличка легендарной лошади разбойника.

обыкновенного быка (все мы знаем, что прозвище англичанина Джон Буль, то есть Джон-Бык). Он, не моргнув глазом, сказал, что видел и полагает, что то был самец «ку-ку». При этом клоун выразительно повертел пальцем у виска, что означало, что он имеет в виду обыкновенного психа. Когда ему удавалось задеть мою персону, он был наверху блаженства. Сроду не встречал я парня, который мог бы так ловко ответить словом на слово, или, как говорят в народе, отбрехаться. Время от времени он называл меня «вашей светлостью» и, обращаясь к почтеннейшей публике, выражал надежду, что она простит мне мой небрежный вид, заметив, что мою корону еще не вернули из чистки.

В общем, все прошло как по маслу от начала до конца. Когда старый Макгоуэн, облачившись в белый жилет, произнес под занавес речь и рассказал о следующих представлениях, на него обрушился вал аплодисментов. После этого нужно было привести помещение в порядок. Начались обычные препирательства с расслабленными пьяницами, коим занадобилась дополнительная развлекуха. Один из них вывалился на арену и попытался втравить меня в скандал. Это был здоровенный неотесанный парень, рыжеволосый,

с маленькими глазками, похожий на зазывалу из букмекерской конторы. Он приблизил свою поганую физиономию к моему лицу и заорал:

— Я прекрасно знаю, кто ты! Я видел тебя в Ланерике в последний раз… Ты сказал, что твоя кликуха Джентльмен Джорди, и умотылял с моими денежками. Клянусь Богом, я их вытрясу из тебя… Паскуда!

Я сказал ему, что он гавкает не по тому адресу, что я не букмекер и в Ланерике даже близко не бывал, но никакие уговоры на парня не действовали. В конце концов Дэви и мне пришлось вышвырнуть его из цирка, меж тем как он, богохульствуя, как последний землекоп, клялся, что вернется сюда со своими корешами, чтобы прикончить меня.

В тот вечер мы сели ужинать довольнехоньки. Сборы от представления были хорошими, зверинец также пользовался успехом, и всяк из нас чувствовал себя на подъеме. Макгоуэн — к нему я испытывал глубокую привязанность — лучезарно улыбнулся нам и извлек на свет божий пару бутылок черного пива, чтобы выпить за здоровье колоссального черкесского цирка. Старик был в ударе! Он не давал мне спать допоздна — я по-прежнему ночевал с ним в одном

фургоне, — излагая свою жизненную философию. Казалось, ему нужно было служить церкви, но он был слишком жизнерадостным человеком, чтобы вещать с унылой кафедры. Он был прирожденным бродягой, любил почти каждый день просыпаться в новом месте, любил странный свой наряд и не видел во всем этом ничего, кроме комедии, что длится без конца и края.

— Тридцать три года путешествую я по стране, — сказал он, — и все это время я занимаюсь общественной благотворительностью, мистер Браун. Я раскрасил бесцветную жизнь многих людей, я стал счастливой находкой для детей. В моих представлениях нет грубости, они чисты, как родниковая вода.

Он немного процитировал Бернса, затем перевел разговор на политику, потому что был большим радикалом, и стал настаивать на том, что только в Шотландии существует истинная демократия, потому что только в ней человека ценят так, как он того стоит, ни больше ни меньше.

— Вот вы лэрд, мистер Браун, но вы хороший человек. Нынешним вечером вы показали себя истинным мужчиной и братом. Какое нам с вами дело до каких-то там магнатов? Какое нам дело

до ваших Андра Карнеги и ваших герцогов Бурминстерских?

И когда я стал засыпать, он услужливо процитировал мне строфу из «Честной бедности» Бернса.

Я проснулся в отличном расположении духа, думая о том, какую интересную историю я расскажу, когда вернусь в Ларристейн. Я намеревался разделаться с этими делами как можно скорее, успеть к приходу поезда, что следовал до Лангшилдса, и купить на него билет. Я видел, что Макгоуэн был расстроен тем, что нам придется расстаться, но согласился, что сельская местность весьма пагубна для моего здоровья, потому что я тут просто бездельничаю.

Днем предстояло новое представление, всем пришлось поторапливаться, и у меня не было причины затягивать с тем, что я наметил. После завтрака я одолжил у Макгоуэна старое пальто, чтобы прикрыть им свой наряд, а также коричневый котелок, что был старее пальто, чтобы заменить цилиндр, который носил накануне.

Внезапно мы услышали шум потасовки, и появился пьяница, который беспокоил меня прошлым вечером. Он силой пробивал себе дорогу, протискиваясь сквозь толпу, которая пыталась хоть как-то образумить его. Увидев меня, он

выдал целую серию проклятий. Сейчас он был совершенно трезв и выглядел на редкость безобразно.

— Верни мне мои денежки! — проорал он. — Верни банкноту в пять фунтов, что я выиграл в Ланерике, когда поставил на Передрягу!

Я отбился от него, как мог, иначе он схватил бы меня за горло.

Я снова попытался втолковать ему, что он ошибся, но с таким же успехом я мог бы обратиться к телеграфному столбу. Он поклялся всеми клятвами, какие знал, что я тот, у кого кличка Джентльмен Джорди, и это я сбежал с его выигрышем. Пока он нес околесицу, я начал догадываться о причине его безумия. Какая-то букмекерская контора, торгующая точно такой же одежкой, что была на мне, надула его. Я несколько раз участвовал в скачках с препятствиями, он видел меня, я запечатлелся в его мозгу, и он спутал меня с мошенником-букмекером.

Неприятность была гнусная, и если бы ее причиной было что-то иное, я бы, пожалуй, заплатил этому парню. Но мы должны были выбросить его вон, и он с большой неохотой уступал нам шаг за шагом, круша на пути все что мог. Под конец он заявил, что он и его парни еще не прикончили

меня, но он готов прождать полсотни лет, чтобы свернуть мне голову.

После такого заявления я подумал, что мне лучше не терять времени. Я попрощался с Макгоуэном и покинул место через черный ход, что был устроен рядом с Аллером. Общее представление о местности у меня было, и я знал, что если сойду к реке, то смогу свернуть в переулок под названием Уотер Уинд и добраться до станции, не пересекая ни одной из главных улиц.

Однако я недооценил настойчивость моего врага. Он с приятелями сторожил все ходы и выходы, и, когда я вошел в переулок, обнаружил там парня, который при виде меня дунул в свисток. Через секунду-две к нему присоединились еще трое, в том числе и мой преследователь.

— Ага, попался! — заорал он и попытался схватить меня за воротник.

— Тронешь меня — значит совершишь нападение, — сказал я, — и тогда делом займется полиция.

— Ах так! — воскликнул он. — Нет, мы не побеспокоим полицию. Мне говорят, что закон не поможет мне вернуть денежки, которые я выиграл на скачках, так что я доверюсь моим ребятам. Итак, выложишь денежки или… получишь такую

трепку, какой тебе не задавали ни разу в жизни!

Что и говорить, положение было затруднительным на редкость. В переулке Уотер Уинд не было никого, кроме нескольких игравших детей, и шансы были четыре к одному. Полезу драться — меня как пить дать изобьют, как собаку. Что делать? Пробежать по переулку и выбежать на Хай-стрит, где мне могли бы прийти на помощь? Но за этим — неизбежно — уличный скандал, вмешательство полиции, суд и раскрытие того, кто я есть на самом деле. Было совершенно ясно: я не смогу добраться до железнодорожной станции, не попав в наихудшую из переделок, какую только можно себе представить.

Времени на размышления не было: четверо здоровенных мужиков набросились на меня. Я врезал ближайшему, он упал, а я свернул с Уотер Уинд в боковой переулок справа.

По милости Провидения я попал не в тупик, а в извилистый проход между старыми стенами города, что переходил в переулок между садами. Преследовали меня вовсю, проклятые мои сапоги то и дело скользили по булыжникам, и я никак не мог набрать скорость. Меня почти настигли, прежде чем я добежал до переулка, но затем я сделал рывок и ушел на двадцать ярдов

вперед[37], и тут внезапно передо мной встала стена с воротами. Ворота были заперты, но стена оказалось низкой, я перелез через нее и упал на кучу мусора в саду.

Пути назад не было. Я пробрался через кусты крыжовника, обогнул лужайку и ворвался в ворота загородной виллы. Мои враги явно знали более удобный путь: когда я добрался до входа, они были всего в дюжине ярдов[38] слева от меня. Я вынужден был повернуть направо, в сторону от Кирк Аллер. Я вышел на шоссе, и мне понадобилось совсем немного времени, чтобы оторваться от погони. Пьяные хулиганы, какие из них преследователи? Утро было теплое, но я не успокоился, пока не обеспечил расстояния в четверть мили[39] между нами. Увидев, как неуклюже они совершали очередной поворот, я решил расслабиться и перейти на легкую рысь.

Я был отрезан от всех линий связи, и восстановить их я мог только обходным путем. Долина Аллер, по которой шла железная дорога до Ланг-

---

[37] Примечания: 37
Двадцать ярдов — 18,288 м.

[38] Примечания: 38
Дюжина ярдов — почти 10 метров.

[39] Примечания: 39
Четверть мили — 402,25 метра.

шилса, давала мне общее направление. Я помнил, что примерно в шести милях от того места, где я находился, была станция под названием Руберсдин, что туда около трех часов дня должен был прийти поезд. Я предпочел сесть на него там, чтобы лишний раз не рисковать, явив свое лицо Кирк Аллеру.

К этому времени я уже сильно устал от своих приключений. Меня гоняют, как лисицу, час-два это забавляет, потом надоедает. Я становился обычным преступником: меня разыскивала полиция за проникновение в дом для престарелых и кражу костюма, меня частным порядком разыскивали всякого рода джентльмены, обвинявшие меня в мошенничестве. Все, казалось, были против меня, кроме старого Макгоуэна, и мне этого было вполне достаточно. Ничего я так не хотел, как вернуться в Ларристейн, и мне уже не верилось, что я расскажу Арчи эту историю, потому что всем этим делом я был сыт по горло.

Я не осмелился подойти к трактиру, и лучшее, что я мог сделать, так это позавтракать несколькими бисквитами, что я купил в кондитерской, и выпить бутылку имбирного пива. Короче говоря, до Руберсдина я добрался вовремя, и поскольку на перроне было несколько человек, я, прежде

чем показать себя, дождался прибытия поезда и сел в вагон третьего класса в самом его конце.

В вагоне ехали только женщина и ребенок, и внешне я, надо полагать, выглядел очень скверно — по всему было видно, что женщина, увидев меня, захотела выйти из вагона. Но я, обращаясь к ней, сказал, что день будет отличным, заговорил о добрых видах на урожай, и, похоже, мой шотландский язык успокоил ее.

Ребенок был очень любопытен, и они стали шепотом обсуждать меня.

— Что это за человек, мамочка? — спросил ребенок.

— Понятия не имею, Джимми.

— Но я хочу знать, мамочка!

— Успокойся, дорогой. Он ужасный человек. Он убивает маленьких кроликов.

Мальчик заголосил, а я почувствовал себя весьма польщенным: профессия ловца кроликов была вполне уважаемой по сравнению с теми, что мне приписывали совсем недавно.

На станции Лангшилдса стали собирать билеты. Билета у меня не было, поэтому, когда человек подошел ко мне, я мог предложить ему лишь пятифунтовую банкноту Банка Англии. Он посмотрел на нее с большим подозрением

и грубо спросил, нет ли у меня денег помельче. Затем, посоветовавшись с начальником станции, он в конце концов с весьма дурным изяществом вынес мне сдачу из кабинета начальника. Поезд был задержан на добрых пять минут, и по взглядам этих двух было видно, что меня приняли за вора. Это так подействовало мне на нервы, что я был готов взвыть от тоски. Я считал минуты, пока мы не доехали до Лангшилдса, и поведение моей попутчицы меня совсем не радовало. Она была убеждена в худшем, что может с ней произойти от соседства с таким типом, как я, и когда поезд вышел из туннеля, она забилась в самый дальний угол и, прижимая к себе ребенка и сумку, выглядела так, словно только что избежала смерти. На перрон в Лангшилдсе она выскочила рада-радехонька…

* * *

Я поймал себя на том, что смотрю в глаза Томми Делорейна, который совершенно сбит с толку… Я увидел позади него множество парней, украсивших себя розетками; лица их были испуганы. Также я увидел нечто похожее на духовой оркестр.

Мне потребовалась сотая доля секунды, чтобы

сообразить, что я попал из огня в полымя. Вы вряд ли поверите, но, поскольку я отрепетировал свою речь перед выступлением в цирке, политический митинг в Лангшилдсе начисто вылетел у меня из головы. Я попал в мир столь для меня новый, что со старым не осталось ни единой связи. И, как назло, я попал как раз в тот поезд, в котором я сказал Делорейну, что отправляюсь в путешествие.

— Бога ради, Томми, — шепотом промолвил я, — подскажи, где я могу переодеться. Одолжи мне какую-нибудь одежду, или… я просто не знаю, что я с тобой сделаю!

* * *

На этом все и кончилось. В гостинице при железнодорожной станции я надел костюм Томми — к счастью, мы были примерно одного роста, — и мы отправились с духовым оркестром и членами комитета, украшенными розетками, в городскую ратушу. Я произнес чертовски хорошую речь! Быть может, не совсем прилично так отзываться о себе самом, но я так устал от приключений, что мне уже все равно, что прилично, а что неприлично. Жизнь у меня была слишком сложной последние два дня.

* * *

Бурминстер допил свою кружку, и в его глазах мелькнул свет воспоминания.

— На прошлой неделе, — сказал он, — я проходил мимо Букингемского дворца. Одна из диких уток, что водятся в Сент-Джеймсском парке, отложила яйца и высидела выводок где-то на холме Конституции. Пришло время, и ей захотелось приучить утят к воде. Собралась большая стая птиц, сквозь которую маршировали два попугая с уткой-матерью между ними, а детеныши плелись сзади. Я поймал выражение ее глаз, и можете мне поверить, то была в высшей степени комичная смесь облегчения и смущения, застенчивости и отчаяния. Мне захотелось, если так можно выразиться, обменяться рукопожатием с той птицей. Я точно знал, что она чувствовала.

III
ДОКТОР ЛАРТИУС
История Джона Паллисера-Йейтса

Истуканы вещают бред, и гадатели видят пустые видения, сновидцы рассказывают лживые сны и утешают впустую. Потому то народ и скитается, словно овцы, и бедствует без пастуха.

Зах. 10:2[40]

В начале весны Паллисер-Йейтс заболел гриппом, причем настолько тяжело, что его на две недели отправили лечиться на Ривьеру. Там, изнывая от скуки, он написал и прислал нам эту историю. Он не назвал имени главного героя, потому что, по словам автора, тот еще проходил воинскую службу и его полезность, как надеялся автор, еще не исчерпана. Рукопись пришла вовремя, потому что как раз в ту пору кое-кто из нас безуспешно пытался выведать правду у Сэнди Арбетнота о неких его делах, о которых шли назойливые слухи.

---

[40] Примечания: 40

Новый русский перевод URL: https://bibleonline.ru/bible/nrt/zec-10/ (дата обращения 02.04.2024).

I

Во вторую неделю января 1917 года на одной из дверей на улице Риджент-стрит[41] — среди модисток, шляпников и торговцев косметикой — появилась скромная медная табличка, где значилось имя доктора С. Лартиуса. Комнаты, указанные в табличке, располагались на третьем этаже; на них указывали приятная обстановка, стены, совсем недавно украшенные бледно-голубыми обоями, занавески из оранжевого вельвета и поддельные маркетри. Модистки, что часто ходили здесь по лестнице, могли часов в одиннадцать утра заметить фигуру доктора Лартиуса. Они не видели, как он уходил, потому что разлетались по своим домам в пригороде задолго до того, как вечером поворачивался ключ от дверей доктора.

Это был худощавый молодой человек среднего роста, державшийся прямее, чем люди, ведущие сидячий образ жизни. Лицо у него было очень бледное, копна волос и пушистая борода были черными, как смоль. Он носил большие очки в черепаховой оправе, и, когда он их снимал,

---

[41] Примечания: 41

Риджент-стрит — улица в западной части центрального Лондона.

открывались чуть выпуклые и очень яркие карие глаза, которые странно выглядели на фоне его бледности. Появись такая фигура на сцене, галерейные эксперты, знакомые со сценическими злодеями, без колебаний сочли бы его московским анархистом, собирающимся убить дворянина-угнетателя, Но его одежда была слишком хороша для такой роли. Он носил блестящий цилиндр и дорогую шубу, а его опрятная визитка, тонкое белье, скромный черный галстук и жемчужная булавка говорили о высоких денежных доходах, а не о закулисье революции.

Оказалось, что в руках у доктора Лартиуса процветающий бизнес. Внезапно Лондон заговорил о нем. Первыми были люди, которые постоянно охотятся за новыми ощущениями. Леди А. рассказала герцогине Б. о чудесном человеке, действительно обладающем силой, не заурядном и пошлом спирите, медиуме, а истинном Искателе и Мыслителе. Мистер Д., немолодой сплетник, разнес эту историю по всем градам и весям, и по мере того, как она переходила из уст в уста, эта история стала обрастать все новыми и новыми подробностями. Любопытствующие стали возводить доктора Лартиуса в ранг идола, и вскоре слава о нем дошла до слуха тех, кто был

не столь любопытен, но лишь встревожен или с разбитым сердцем, и так как последних было великое множество и они были готовы отдать все ради утешения, движение вверх и вниз по лестнице доктора Лартиуса стало многолюдным.

Его манера обращения с клиентами была интересной. Единого метода лечения у него не было, свою манеру он менял в зависимости от мотивов того, кто обращался к нему за помощью. Людей, если они были всего лишь любознательными и не более того, он развлекал тем, что он называл «игрушками». «Я не профессор в области искусства, — говорил он им, смеясь, — я лишь скромный студент, нащупывающий подоплеки великих тайн». А людям более развитым он непременно давал пояснение. «Возьмем математику четвертого измерения, — говорил он. — Я могу предложить вам несколько простых загадок из области механики, которые невозможно объяснить иначе, как с помощью головоломной математики, да и то не всегда. Но эти загадки ничего не расскажут вам о четвертом измерении, за исключением того, что вокруг нас есть мир, необъяснимый по правилу трех измерений. То же и с моими „игрушками“ — с моим хрустальным шаром, с моим пузырьком чернил, с моими

картами звездного неба и даже с тем обостренным настроем на абстракцию, в котором, как нам кажется, мы слышим шум крыльев и странные голоса. А они лишь говорят мне, что на земле и на небе есть нечто большее, чем то, что грезится человеку в его философии».

Но «игрушки» его были прекрасны! Праздные дамы, отправлявшиеся к нему за острыми ощущениями, не бывали разочарованы. В полутемной комнате среди странных розовых огней их сердца, казалось, трепетали на пороге богооткровения, и они уходили, взволнованные и утешенные, потому что доктор Лартиус был мастером тонкой лести. Гадания в обычном смысле не было, но этот молодой человек, казалось, обладал сверхъестественным знанием личных связей своих визитерш и пользовался этим знанием столь осторожно, что даже те, кто имел все основания держать их в глубокой тайне, уходили от него, ни о чем не беспокоясь. За такие развлечения он брал высокую плату, потому что того требовали его шуба и жемчужная булавка. «Вы хотите, чтобы вас развлекали? — говаривал он. — Тогда будет справедливо, если вы будете платить мне за это!»

Даже среди праздных клиентов попадались

люди с капелькой серьезности. С ними он вел себя как мастер с посвященными, с ним они были собратья-паломники на Великом Пути. С ними он беседовал часами, очень красиво, мягким музыкальным голосом. Он предостерегал их против шарлатанов, против тех, кто стремился проституировать торжественный ритуал ради вульгарной наживы. Он развертывал перед ними историю великих мистиков и рассказывал о тайной науке, известной старым знатокам, что была забыта, утеряна на века и ныне восстанавливается — постепенно и по частям. Изо всех часов, проведенных с ним, эти были самыми волнующими, и слава доктора Лартиуса росла в гостиных избранных. «И при этом он такой джентльмен, моя дорогая, такой благовоспитанный, отзывчивый, абсолютно честный — словом, не от мира сего!»

Но с других он гонораров не брал. Женщины с печальными лицами, одетые в основном в черное, что сидели в его большом бархатном кресле и задавали не всегда связные вопросы, видели перед собой совершенно иного доктора Лартиуса. Перед ними был не прежний златоуст из тех, о ком говорят, что за словом в карман не полезет. Более того, иногда он выглядел почти сконфуженным. Он в высшей степени серьезно повторял,

что он всего лишь ученик, пребывающий в постоянном поиске, а не учитель, не мастер и не повелитель того, что скрыто от человеческого глаза. В таких случаях «игрушек» не было, и если какая-нибудь мать по рассеянности искала знаний таким образом, ее встречал отказ. Когда единственный сын леди Х. собрался перейти из кавалерии в гвардейскую пехоту и его мать пожелала узнать, как этот шаг может повлиять на его шанс остаться в живых, в ответ она не услышала ничего, кроме того, что было совершенно очевидно: нынешняя война — пехотная, и в ее условиях у ее сына будет больше возможностей увидеть театр военных действий собственными глазами. Время от времени — правда, очень редко — он высказывался. Однажды, обращаясь к миссис К., чей сын был в плену, он подробно рассказал об условиях жизни в немецком лагере для военнопленных, и воображению женщины, не получившей от сына ни одного письма, стало чем питаться. Обычно его посетители были слишком смущены, чтобы быть наблюдательными, но один или двое все же отметили его необычайную осведомленность обо всем, что касалось британской армии. Он никогда не ошибался, когда речь заходила о воинских подразделениях, и казалось,

что о том или ином батальоне он знал все — еще до того, как назывался номер батальона. И когда матери выкладывали ему какие-то подробности — из болтовни солдат, находившихся в отпуске, из писем, где по недомыслию и неосторожности люди писали о том, о чем писать не следовало: по Лондону распространялась масса информации, — доктор время от времени делал записи у себя в блокноте.

И хотя он редко сообщал что-то определенно и откровенно, эти посетители, как правило, уходили от него утешенными и успокоенными. Возможно, причиной тому была его мягкая манера. Возможно, как говорила бедная леди М., дело было в том, что он казался столь уверенным в духовной жизни, что люди считали свои тревоги лишь крошечными водоворотами на берегу великого моря мира и покоя. Как бы там ни было, страдающие хорошо отзывались о докторе Лартиусе даже больше, чем праздно любопытствующие.

Иногда его посещали клиенты мужского пола, отцы сражавшихся сыновей, которые говорили, что пришли от имени своих жен. То были генералы в отставке, что предпочитали спиритические сеансы гольфу, молодые люди, чьи нервы были

расшатаны и нуждались в утешении, какое в иные века и в иных странах можно было обрести в исповедальне. С этими последними доктор Лартиус становился новым человеком. Он снимал очки и смотрел им прямо в лицо своими выпуклыми блестящими глазами и обращался к ним звонким приятным голосом. Как знать, быть может, дело было не столько в том, что он говорил, сколько в том, как он говорил, но он, казалось, обладал необычайной властью над молодыми людьми, что лишь немного расслабились, отказавшись на краткое время от своих привычек. «Странное дело, — сказал один из них, — но рядом с вами все время кажется, что вы и сами были солдатом». Доктор Лартиус улыбнулся и снова надел очки: «Я солдат, но на другой войне. Я сражаюсь мечом духа против скрытого оружия тьмы!»

К концу марта медная табличка внезапно исчезла. Гнездовья избранных пришли в большое волнение, когда разнеслись вести о неприятностях, связанных с вмешательством полиции. И все из-за пресловутых «игрушек» и, конечно, взимания гонорара. До суда дело не дошло, но доктору Лартиусу было предложено убраться подобру-поздорову, и он подчинился. Многие леди написали возмущенные письма в адрес ми-

нистра внутренних дел, в которых описывались зловещие случаи из ранней истории христианской церкви.

Но апрель принес утешение. Прошел слух, что ищущие и взыскующие не потеряют своего проводника. Мистер Великое Сердце по-прежнему будет доступен для паломников. Табличка с именем доктора С. Лартиуса снова появилась, но на этот раз на тихой улочке в районе Мейфэйр[42]. Однако в будущем вопросы, связанные с гонорарами, уже не возникнут. Было решено, что несколько верующих женщин предоставят средства для пропитания пророка. В мае слава его достигла самых великих вершин. Как-то вечером леди Сэмплар, самая ярая из его почитательниц, рассказала о нем некоему генералу, имевшему власть в стране. Генерал был популярен среди женщин своего круга, но был он отъявленным насмешником. Возможно, в этом и состоял секрет его популярности, потому что каждый надеялся обратить его в свою веру.

— Я хочу, чтобы вы сами его увидели, — сказала леди. — Один-единственный раз. Я верю в него столь твердо, что готова поставить на кон

[42] Примечания: 42

Мейфэйр — район в центральной части Лондона к востоку от Гайд-парка.

все ради одной вашей встречи с ним. Обещайте, что позволите мне взять вас с собой. Я лишь хочу, чтобы вы повидались с ним и поговорили десять минут. Я хочу, чтобы вы поняли, что он уникальная личность, потому что, если вы хоть раз *почувствуете* его, вы впредь не станете насмешничать.

Генерал засмеялся, пожал плечами, но позволил себя уговорить. Там случилось, что однажды днем в начале июня он сопровождал леди Сэмплар на квартиру доктора в районе Мейфэйр.

— Вы должны войти один, — сказала она в передней. — Я рассказала ему о вас, и он ждет. А я подожду вас здесь.

Полчаса генерал пробыл с доктором Лартиусом один на один. Когда генерал вернулся к даме, лицо его было красным и пылало от гнева.

— Это самый опасный тип во всем Лондоне! — заявил он. — Послушайте, Молли, этот человек обвел вокруг пальца вас и ваших друзей. Он — немецкий шпион. Я поймал его, потому что заставил его говорить по-немецки. Вы говорите, он швейцарец, но, клянусь, ни один швейцарец не говорит по-немецки так, как он. Этот человек — баварец!

Чуть позже дама угостила его чаем. Она была

подавлена и несколько напугана.

— Вы и ваши друзья слишком простодушны для такого рода проверок, — сказал генерал. — Уже несколько месяцев он качает из вас информацию, а вы даже не догадываетесь. Вы говорите, он дает великое утешение скорбящим. Смею сказать, оно так и есть, но бедняги выдают ему все, что у них в головах. У этого человека есть уникальная возможность узнать все, что происходит внутри британской армии. А как он использует свои знания? Вот что я хочу знать.

— Что вы собираетесь делать? — с дрожью спросила она.

— Постараюсь уложить его на обе лопатки! — мрачно ответил генерал и направился к выходу. — Либо его интернируют, либо поставят к стенке, если мы добудем улики. Говорю вам, он бош[43], немец чистой воды, что бы вы ни толковали о его чистоте и простоте!

Генерал сдержал слово, но ошибся в одном. Швейцарского гражданства оказалось вполне достаточно, чтоб спасти пророку жизнь. Ничего не оставалось, как депортировать его в качестве нежелательного лица, и в одно прекрасное утро

---

[43] Примечания: 43

Бош — так во Франции презрительно называют немцев.

доктору С. Лартиусу было предписано покинуть страну. Доктор не стал жаловаться и с достоинством попрощался со своими друзьями. Но те, кто остался ему предан, не стали молчать, и дружба между леди Сэмплар и генералом умерла насильственной смертью. Дело попало в газеты. Доктор Лартиус фигурировал на многих портретах, на которых его невозможно было узнать, а епископ прочел проповедь в церкви Сити о поклонении ложным богам.

II

Когда доктор Лартиус, плотно опекаемый французской полицией, совершал медленное и малоприятное путешествие к швейцарской границе, его порадовали несколько доказательств того, что слава его ушла за границу и что его не забыли. В Париже в обшарпанной гостиничной спальне он обнаружил цветы, подарок неизвестного почитателя и коротенькую ободряющую записку на не совсем правильном французском языке. В Дижоне он получил от незнакомой дамы еще одну записку, где сообщалось о том, что друзья ждут его в Берне. Когда он пересек границу в Порнтальере, цветов и писем стало больше. Молодой человек не обращал особого внима-

ния на подобные подношения. Путешествие он провел в спокойном чтении и размышлении, и когда он прибыл в Берн, не похоже было, чтобы он ждал, что кто-то выйдет поприветствовать его. Собрав багаж, он скромно и незаметно уехал в гостиницу.

Не прошло и часа, как ему принесли визитную карточку, на которой значилось имя Эрнста Ульрици, доктора философии Боннского университета.

— Доктор Лартиус, — сказал посетитель, мужчина средних лет с остроконечной седой бородой и коротко подстриженными волосами, — для меня большая честь познакомиться с вами. Мы наслышаны о вашей прекрасной работе и ваших открытиях, формирующих мир.

В ответ молодой человек торжественно поклонился.

— Я всего лишь ученик, пребывающий в поиске, — сказал он. — Я не претендую на звание мастера — пока! Я лишь чуть продвинулся на пути к просветлению.

— Мы также слышали о том, — сказал собеседник, — сколь бесстыдно британское правительство преследовало учение и познание в вашем лице.

В ответ доктор Лартиус улыбнулся и пожал плечами.

— Я не жалуюсь. Вполне естественно, что мои занятия кажутся глупостью детям мира сего.

Продолжив разговор, доктор Ульрици свел его к Британии, но чувство горечи в молодом человеке он не вызвал.

— Идет война, — сказал он наконец. — Вы — представитель немецкой расы. Ваши симпатии на нашей стороне?

— У меня нет национальности, — ответил молодой человек. — Все люди — мои братья. Но я хочу, чтобы это кровопролитие закончилось.

— А как оно закончится? — спросил профессор.

— Я не пророк, — ответил доктор Лартиус. — И все же могу сказать, что Германия победит, но как — этого я сказать не могу.

Беседа продолжалась долго, и говорили они о многом. Немец хитро свел беседу к мелочам и показал широкое знакомство с наукой, которой занимался молодой человек. Он постарался внушить доктору Лартиусу, что большая часть его работы была проделана солдатами и их родней, что в процессе этой работы он, доктор Лартиус, услышал много такого, о чем не сообщалось в газетах. Но когда гость весьма деликатно намекнул

на то, что был бы рад купить знание этого «многого», бледное лицо молодого человека вспыхнуло, а голос стал резче.

— Я не шпион, — сказал он. — Я не продам свое искусство за мзду. Мне все равно, на чьей стороне будет победа, мне важно лишь то, чтобы душа моя осталась чистой.

Тогда доктор Ульрици попробовал зайти с другой стороны. Он заговорил о тайнах ремесла и стал завлекать молодого человека рассуждениями о надеждах и идеалах. Он сказал, что не может быть общения с мертвыми до тех пор, пока не достигнуто общение с духами живых.

— Пусть наступит время, — сказал доктор Лартиус, — когда меж душами, разделенными огромными пространствами, установится нерушимая дружба, и тогда ключ будет найден. Смерть — неуместная случайность. Дух ею не затронут. Установите союз меж духами, пребывающими в оболочке плоти, и союз продлится даже тогда, когда эта оболочка будет сброшена.

— А вы продвинулись в этом деле? — скептически спросил Ульрици.

— Да, я продвинулся на несколько стадий, — ответил молодой человек и с жаром привел доказательства.

Он сказал, что установил мистическую связь с некоторыми клиентами. Он может читать их мысли даже теперь, когда они пребывают за тридевять земель от него, может разделять с ними их душевные переживания и впитывать знания, что они приобрели.

— Военные? — спросил немец.

— Да, некоторые военные. Другие — родственники военных.

Но Ульрици оставался холоден.

— Это великое чудо, — сказал он, — и в него трудно поверить.

Доктор Лартиус вспыхнул от возмущения.

— Я приведу вам доказательства! — воскликнул он со страстью, непривычной для него. — На досуге вы сможете их проверить. Я знаю то, что еще не произошло, хотя никто ни о чем мне не говорил. Почему знаю? Потому, что они стали известны разуму, настроенному на мой разум!

На какой-то момент он, казалось, заколебался. Затем заговорил — о небольшом изменении в методе артиллерийских обстрелов, о перестройке в организации британских ВВС, об изменении в некоторых британских военных округах.

— Возможно, это вещи совсем тривиальные, — сказал он, — не знаю. Технических знаний и

навыков у меня нет. Но то, о чем я говорю, должно произойти в будущем. Одним словом, эти вещи я предлагаю в качестве доказательств моих знаний.

— Вот как? — сказал профессор. — То, о чем вы толкуете, действительно мелочи, но для проверки сойдут и они…

Затем добрым и ласковым тоном профессор заговорил о будущем доктора Лартиуса.

— Думаю, я поеду в Мюнхен, — сказал молодой человек. — Когда-то я учился в тамошнем университете и люблю этот светлый город. Там отзывчивые люди и там уважают знания.

Доктор Ульрици поднялся, чтобы попрощаться.

— Возможно, я смогу поспособствовать вашим планам, — сказал он.

Поздним вечером того же дня в большой гостиной другого отеля, обставленной несколько в стиле официального учреждения, Ульрици серьезно беседовал с другим человеком, грузным бородатым мужчиной, у которого был вид преуспевающего коммивояжера из тех, к кому обращаются с подчеркнутым уважением.

— Этот Лартиус меня озадачивает, — сказал Ульрици. — Он явный фанатик и при этом обла-

дает какой-то странной силой, которая ставит его выше других людей. Боюсь, он не будет нам столь полезен, сколь мы надеялись. Знай мы о нем раньше, мы могли бы сделать все, чтобы он остался в Англии.

— Вернуться он не может, я полагаю?

— Да, это невозможно. Но шанс все-таки есть. Есть у него какая-то дикая идея о том, что он установил связь с разными людьми и поэтому автоматически получает новые знания, что получают они. Некоторые из них солдаты. Он передал мне кое-какие сведения, совсем незначительные, но по ним можно будет судить о власти, какой он обладает. Я не верю в чепуху, что несут всякие медиумы, то бишь спиритуалисты, но я прожил на свете достаточно долго, чтобы отвергать вещи лишь потому, что они новые и странные. Давайте поработаем с ним. Если в том, что он говорит, есть хоть что-то, этого чего-то нам хватит за глаза. Тем временем я постараюсь свести с ним тесное знакомство.

— Что он собирается делать?

— Хочет поехать в Мюнхен. Я за то, чтобы разрешить ему это. Наши добрые баварцы несколько легкомысленные и всегда ищут чего-нибудь новенького. Сейчас им не хватает утешения, и этот

человек даст им его. Он в высшей степени твердо уверен в нашей немецкой победе.

Собеседник профессора зевнул и отшвырнул окурок сигары.

— Кажется, у фокусника есть проблески здравого смысла, — сказал он.

III

Так случилось, что в августе 1917 года доктор Лартиус поселился в комфортабельных комнатах на Гармиш-штрассе в баварской столице, и новая табличка из бронзы и оксидированного серебра, выполненная в лучшем стиле модерн, объявила его имя жителям Мюнхена.

Удача по-прежнему сопутствовала молодому человеку, потому что, как и в Лондоне, славу он, казалось, обрел сразу же. Люди заговорили о нем всего лишь через неделю после его приезда, а через месяц в его апартаментах было полным-полно народу. Очень может быть, что его друг Ульрици замолвил словечко в нужном месте. То было великое время накануне Капоретто[44], и

[44] Примечания: 44

Капоретто — селение в Словении (словенское название Кобарид). 24 октября 1917 г. войска Германии и Австрии прорвали здесь итальянский фронт и, развивая наступление, к концу первой декады ноября разгромили две итальянские армии.

доктор Лартиус, беседуя с клиентами, говорил им самые обнадеживающие вещи. Близилась победа, приближались дни славы, но, когда его спрашивали о дате, когда наступит мир, никакой даты доктор назвать не мог. Он лишь говорил, что мир придет, но пока не пришел, и война продолжается, потому что для всего мира наступила вторая военная зима.

Работал он теми же методами, какими воздействовал на леди Сэмплар и ее друзей. Праздным, но любопытным он показывал свои «игрушки»; людям эмоциональным он возвышенно вещал о жизни духа и запертых дверях скрытого знания, что ныне были почти полуотворены. Богатые дамы, которым наскучила серость оперного сезона и недостаток мужчин, обрели в нем новый интерес к жизни. Тем, кто пребывал в печали, он давал то же утешение, что и своему лондонскому кругу, не более того. Личность его, казалось, излучала надежду и сочувствие, и скорбящие, запомнив его приятный голос и глаза, уходили от него, преисполненные утешения, причины которого они так и не могли понять и объяснить.

То была обычная процедура для обычных клиентов. Но были и другие — они называли себя «сокурсниками», — коим он выдавал нечто более

сложное. Он проповедовал свое учение о таинственной общности мысли и знания меж душами, далекими друг от друга, и время от времени приводил доказательства, подобные тем, что он некогда приводил Ульрици. Казалось, эти доказательства выдержали испытание, потому что репутация его выросла невероятно. Он выкладывал кое-какие мелкие подробности, касавшиеся предстоящих изменений в армиях союзников, и дальнейшие события всегда подтверждали его правоту. Изменения большого значения не имели, но если он был способен раскрыть мелочи, то в один прекрасный день его метод мог дать ему возможность открыть великую тайну. Так что не один начальник штаба прошел через его комнату, чтобы посидеть с ним, беседуя в полутьме.

Примерно раз в месяц он возвращался в Берн, где на вокзале его неизменно встречал Ульрици. Ему дали особый паспорт, пользуясь которым он легко и без задержек пересекал границу, и у него не было проблем с начальниками железнодорожных станций. Во время этих визитов он часами сидел с Ульрици в комнате взаперти. Время от времени он по ночам ускользал из своей гостиницы, и когда Ульрици слышал об этом, он пожимал плечами и смеялся.

— Он молод, — говорил он с ухмылкой. — Даже пророк должен как-то развлекаться!

Но Ульрици ошибался: у доктора Лартиуса не было слабостей, в которых подозревал его профессор.

Зима проходила медленно, и с каждым днем на улицах Мюнхена все чаще можно было встретить людей с изможденными бледными лицами, одежда людей становилась все более ветхой, а каблуки на сапогах все более стертыми. Но искателям острых ощущений в комнате на Гармиш-штрассе всегда было удобно и спокойно. Кто-то терял веру в будущее, но этим кем-то никогда не был доктор Лартиус. Приближался мир, и его слушатели рассудили, что он забыл свою отстраненность от всякого патриотизма, присущую человеку, преданному одной науке, и становится хорошим немцем.

Затем в феврале нового года прошел слух о большом наступлении, что готовится на западе. Верховное командование пообещало быструю и окончательную победу, но при этом попросило проявить еще немного выносливости и стойкости. Доктор Лартиус, похоже, узнал об этом первым.

— Это — мир, — сказал он.

«Мир до начала зимы» — эту его фразу повторяли везде и всюду, и она стала популярным призывом. Таким образом, когда в конце марта пришли новости об отступлении французов и англичан к воротам Амьена, голодные люди, улыбаясь друг другу, говорили:

— Он прав, как всегда. Это — мир.

Немногие нынче тревожились за судьбу победы, кроме высших офицеров и очень богатых людей, но на то, что мир не за горами, были настроены все.

Апрель перешел в май, и еще до окончания месяца пришли славные вести. Людендорф вышел к Марне[45] и был в пределах досягаемости Парижа. В это же примерно время самые близкие ученики отметили перемену в докторе Лартиусе. Казалось, он ушел в себя и вступил в борьбу в неким великим откровением. Его язык стал менее доходчив, но более выразителен. Ульрици приехал из Берна, чтобы повидаться с ним, потому что доктор на несколько месяцев прекратил свои визиты в Швейцарию. Одни говорили, что его

---

[45] Примечания: 45

Людендорф вышел к Марне… — Эрих Людендорф (1865–1937) — немецкий военачальник, фактически руководил действиями немецких войск на Восточном фронте в 1914–1916 гг. Вместе с Гитлером руководил фашистским путчем в Мюнхене в 1923 г. *Марна* — река в северной части Франции, правый приток реки Сены.

здоровье дало сбой, другие — что, говоря по правде, именно сейчас он заглядывает внутрь завесы. Это последнее было общим мнением, и слава молодого человека обрела характер суеверия.

— Нынче вы так мало рассказываете нам о наших врагах, — с недовольством сказал Ульрици.

— Mystica catena rupta est[46], — печально процитировал доктор Лартиус. — Мои друзья — ваши враги, и они страдают. Их сердца, их нервы разрываются. Из-за этого связь с ними тонка, и я не могу чувствовать их мысли. И оттого мне нынче так грустно, что скорбь моих друзей — против моей воли — омрачает меня.

Услышав признание, Ульрици грубо расхохотался:

— Значит, лучшее предзнаменование для нас — ваша меланхолия? Отсюда вывод: когда вы перережете себе глотку, мы будем знать, что мы победили!

Но собственное остроумие не принесло Ульрици особой радости. Молодому пророку грозила опасность превратиться в чудовище Франкенштейна, который вырвался из-под власти своего создателя. Почему? Потому что теперь его всена-

---

[46] Примечания: 46
Мистическая цепь разорвана (*лат.*).

родная слава вызывала восхищение. Она, охватив Германию, ушла за границу и прогремела по всем воюющим фронтам; и с ней была связана фраза «Мир до начала зимы». Мир стал убеждением, навязчивой идеей. Однако Ульрици и его друзья предпочли бы всему слово «Победа».

В начале июля на Гармиш-штрассе из Берлина приехал знатный гость. То был первый офицер Генерального штаба, пользовавшийся высоким доверием верховного командования. Он устроился в затененной комнате и задал пророку насущный, безотлагательный вопрос.

— Я не дельфийский оракул, — сказал доктор Лартиус, — и я не пророчествую. Самое большее, что я могу вам сказать, это то, что сердца ваших врагов стали подобны воде и что резервов у них осталось немного. Я не профессиональный военный, и вы можете судить об этом лучше, чем я. Вы говорите, что готовы нанести сокрушительный удар. Если вы дадите время вашим врагам, они умножатся и сердца их могут восстановиться.

— То же думаю и я, — сказал знатный гость. — Вы много сделали для немецкого народа в прошлом. Есть ли у вас слова, чтобы ободрить его сейчас?

— Мир наступит до зимы. Это самое большее,

что я могу сказать, но откуда я знаю это, сказать не могу.

— Но на каких условиях?

— Это зависит от ваших армий, — был ответ оракула.

Некоторое время офицер штаба пристально смотрела на собеседника. Затем он встал и включил электрический свет.

— Не окажете ли вы мне услугу, сняв очки, сэр? — спросил он резким командирским тоном.

Доктор Лартиус снял очки, и несколько секунда двое мужчин смотрели друг на друга.

— Благодарю вас, — сказал наконец штабной офицер. — На какой-то момент я подумал, что мы встречались раньше. Вы напомнили мне человека, которого я знал много лет назад. Я ошибся.

После этого все заметили, что печаль доктора Лартиуса усилилась. Печален был его голос, и уныние окутывало его, словно облако. Люди его ближнего круга делали вид, что замечают в этом благое предзнаменование.

— Он близко связан со своими английскими друзьями, — говорили они. — Себе он ничем помочь не может, меж тем как на нем сказывается их отчаяние. Бедный Лартиус! Он страдает за грехи наших врагов.

Но люди в массе своей испытывали только депрессию, и по мере того как приближался август и плохие новости все более распространялись по стране, упадочнические настроения людей стали еще сильнее.

В те недели с Гармиш-штрассе доносилось только одно: «Мир до начала зимы». Эти слова стали всеобщим лозунгом, который шептали везде, где люди высказывали свое мнение. Эти слова молниеносно распространились по военным лагерям и фронтам, они звучали в каждой мастерской, в каждом кабаке. Эти слова стали лозунгом, страстью, кличем, потому что их произнес Мудрый Доктор из Мюнхена. Мир до начала зимы, мир во что бы то ни стало, только мир!

В сентябре Ульрици вышел на связь с неким бюро в Берлине:

— Этот человек достаточно честен, но он сумасшедший. Свою задачу он выполнил. Пришло время закрыть ему рот.

В Берлине согласились, и однажды утром Ульрици выехал из Берна.

Но когда он появился на Гармиш-штрассе, он обнаружил, что яркая табличка отвинчена от двери, а милые, приятные комнаты опустели.

За день-два до этого доктор Лартиус вел себя

странно. Он объявил, что болен и не может никого принять, но тут же удалился к себе и весьма усердно занялся своими бумагами. Затем однажды поздним вечером, поговорив по телефону с железнодорожниками, он покинул свои апартаменты, не взяв с собой ничего, кроме небольшого чемодана, и сел в ночной поезд, что шел до Инсбрука[47]. Его замечательный паспорт позволял ему бывать везде. Из Инсбрука он отправился к швейцарской границе, а когда пересек границу темным сентябрьским вечером в пустой карете, он привел себя в порядок и при этом сбрил шелковистую черную бороду. Он тихо насвистывал и, казалось, пришел в себя. В Берне он не стал искать гостиницу, где обычно останавливался, а отправился в малолюдное место на глухой улочке, где, похоже, его хорошо знали. Там в течение дня он встретился с самыми разными людьми, и разговор шел совсем не на немецком языке.

В ту ночь он снова сел в поезд, но на этот раз доктор Лартиус направился на запад, в Лозанну и к французской границе.

---

[47] Примечания: 47

Инсбрук — город на юго-западе Австрии, окруженный Альпами.

IV

В первые дни ноября, когда союзники подходили к Мобежу и Седану, а полномочные представители германской стороны, прячась от снарядов и перебегая с места на место, пытались добраться до Фоша и договориться с ним[48], двое британских офицеров сидели в маленькой комнате в Версале. Одним из них был генерал, с которым мы с вами уже встречались, бывший друг леди Сэмплар. Другой, худощавый молодой человек, судя по знакам отличия и нашивкам, подполковник и штабной работник. У него было бледное, чисто выбритое лицо, черные, очень коротко подстриженные волосы и карие глаза, блестящие и выпуклые, глядевшие на мир с большим любопытством. Судя по всему, на службе он был не новичок, потому что грудь его украшали два ряда орденских лент.

— «Разоружить, Эрос», — процитировал генерал, просматривая последний лист, вытащенный из кучи телеграмм. — «Задача долгого дня вы-

[48] Примечания: 48

Фердинанд *Фош* (1851–1929) — в Первую мировую войну главнокомандующий всеми союзными войсками с апреля 1918 г.

полнена»[49]. Да, Томми, мальчик мой, мрачное это было дело, и, полагаю, вам пришлось вскапывать самый трудный участок земли… Во многом благодаря вам немец, бош, допустил ошибку 15 июля и вытянул шею настолько, что дал Фошу возможность нанести ему удар.

Молодой человек усмехнулся:

— Не хотел бы снова пройти через это, сэр. Но когда я был там и делал свое дело, мне не казалось, что то, что происходит со мной, так уж плохо. Но сейчас, когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что все было ужасно. Самым тяжким испытанием было одиночество.

— Должно быть, вам часто приходилось переживать дурные минуты.

— Не так уж часто. Помню только два случая, особенно ужасных. Один был тогда, когда я услышал, как вы ругаете меня в беседе с леди Сэмплар. Я тогда вдруг почувствовал себя безнадежно отрезанным от людей своего круга. Другой был в июле, когда фон Мудра приехал из Берлина,

---

[49] Примечания: 49

«Разоружись, Эрос. Задача долгого дня выполнена». — Цитата из трагедии Уильяма Шекспира «Антоний и Клеопатра», акт 4, сцена 14.

чтобы повидаться со мной[50]. Он чуть было не опознал меня, потому что, когда я работал в Константинополе, он был сотрудником посольства.

Генерал поднял яркую табличку, на которой буквами из оксидированного серебра было написано имя доктора Лартиуса:

— Хорошо, что вы увезли с собой этот сувенир. Полагаю, этот боевой трофей пригодится вам для украшения вашего родового дома. Кстати, что означает буква «С»?

— Когда меня об этом спросили, — ответил молодой человек, — я сказал «Сигизмунд». Но на самом деле я имел в виду того парня, которого звали Спурий: он, как вы помните, отстаивал мост вместе с Горацием.[51]

---

[50] Примечания: 50

Карл Бруно Юлиус *фон Мудра* (1851–1931), прусский офицер, генерал от инфантерии в Первую мировую войну.

[51] Примечания: 51

Спурий Ларций Флав (VI в. до н. э. — V в, до н. э.), участвовал в обороне так называемого Свайного моста через р.Тибр в битве с этрусками в 509 г. до н. э. Дважды избирался консулом. В первые годы создания Римской республики занимался политической деятельностью. Публий *Гораций* Коклес (VI в. до н. э. — ?) — защитник римского Свайного моста. В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарх пишет: «…стоя перед мостом, Гораций Коклес один сдерживал врага до тех пор, пока его товарищи не сломали мост у него за спиной. Тогда он, как был, в полном вооружении, бросился в реку, переплыл ее и выбрался на противоположный высокий берег…» *Перевод С. П. Маркиша.*

IV
ВЕТЕР В ГАЛЕРЕЕ
История Генри Найтингейла

…жгучий ветер несется с высот пустынных… не для веяния и не для очищения; и придет ко Мне оттуда ветер сильнее сего…

Иер.: 4:11-12

Найтингейла было трудно заставить раскрыться. Его дела с Бедуином стали легендой, но он скорее заговорил бы о них, чем заявил бы, что выиграл войну. Он был худощавым темноволосым мужчиной лет тридцати пяти, очень близорукий и носивший столь мощные двойные очки, что определить цвет его глаз было невозможно. Этот недостаток понуждал его ходить чуть сгорбившись и пристально вглядываться во все, что было перед ним и вокруг него, так что внешне он был в высшей степени странен, особенно если представить его в бурнусе во главе армии племен, проживающих в пустыне. Его авторитет, мне кажется, частично объясняется его странностью и необычностью, потому что его последовате-

ли думали, что на него возложена рука самого Аллаха, а частично его живым воображением и безоглядной смелостью. После войны он вернулся в Кембридж, заявив, что, слава богу, эта глава его жизни закончилась.

Как я уже сказал, он никогда не упоминал о подвигах, прославивших его. Он знал свое дело и, вероятно, понимал: для того чтобы сохранить душевное равновесие, он должен был опустить занавес над теми четырьмя годами, что стоили ему такой нервотрепки, какую только способен выдержать человек. Мы уважали его решение и держались подальше от расспросов об Аравии.

Замечание Ханнея побудило его рассказать следующую историю.

Ханней, описывая свой дом на Фосс-уэй, заметил, что его всегда удивляло, как Римская Британия с ее развитой цивилизацией могла быть полностью уничтоженной и, кроме нескольких дорог, руин и географических названий, не оставила никаких следов в национальной истории. Пекуэдер, историк, возражая ему, многое поведал о том, насколько глубоко римская традиция вплелась в древнесаксонскую культуру.

— Рим только спит, — сказал он. — История никогда не умирает.

— Иногда она грезит во сне и разговаривает, — кивнув, сказал Найтингейл. — Однажды она напугала меня до потери сознания.

После долгих уговоров, он написал свой рассказ. По натуре он был не очень разговорчив, и то, что он написал, он прочитал нам.

* * *

В Шропшире есть место, которое я не намереваюсь посещать снова. Оно расположено между Ладлоу и холмами в неглубокой долине, густо поросшей лесом. Называется место Сент-Сант, это деревня, где стоял большой дом с примыкающим к нему парком, рядом ручей Ваун, протекающий примерно в пяти милях от небольшого городка Факсетера. В этих краях бытуют странные географические названия и происходят вещи куда более странные, чем эти названия.

В конце длинных каникул я ехал из Уэльса в Кембридж. Все это случилось перед войной, когда я только-только стал членом совета колледжа и приступил к академической работе. То был прекрасный вечер начала октября, сияла полная луна, и я собирался отправиться в Ладлоу, чтобы поужинать и остаться там на ночлег. Времени было где-то около половины девятого, на дороге

было пусто, и я беспрепятственно и с удовольствием катил по ней, как вдруг что-то случилось с фарами. Неполадка была мелкая, и я остановился за деревней, чтобы исправить ее, как раз у ворот большого дома.

По противоположной стороне дороги подъехала телега извозчика, и двое мужчин, похожих на дворецкого и камердинера, стали вынимать из нее какие-то свертки и перетаскивать их на большие носилки. Луна светила вовсю, так что мне не понадобился слабый свет, исходивший от фонаря извозчика, дабы разглядеть, что они делают. Захотелось немного размять ноги, я чуть походил, а потом пошел к ним. Шагов моих они не услышали, а извозчик, казалось, спал на козлах.

Пакеты были обычной партией товаров из какого-то большого городского магазина. Но я заметил, что двое мужчин обращались с ними чрезвычайно бережно и что как только все пакеты были переложены на носилки, они отрезали магазинные этикетки и прикрепили собственные. Новые этикетки выглядели странно: большие, квадратные, с каким-то адресом, написанным на них черными-пречерными заглавными буквами. Особенного в этом ничего не было, но лица мужчин меня озадачили. Мужчины выполня-

ли свою работу лихорадочно, желая сделать ее как можно быстрее, но при этом явно боялись допустить ошибку. Обыденная задача, похоже, представлялась им делом огромной важности. Подойдя ближе, я увидел, что лица их бледны и напряженны. Эти двое, дворецкий и камердинер, были уже в возрасте, и могу поклясться, работали не по доброй воле, а из-за чего-то вроде страха.

Я шаркнул ногами, чтобы дать знать им о своем присутствии, и, обращаясь к ним, заметил, что вечер прекрасен. Они дрожали так, словно в эти минуты грабили труп. Один из них что-то пробормотал в ответ, а другой поймал ускользавший сверток и с большой тревогой прорычал напарнику, чтобы тот был повнимательнее. Казалось, они имели дело со взрывчаткой.

Лишнего времени у меня не было, и я двинул дальше. Тем же вечером в моем гостиничном номере в Ладлоу я с любопытством взглянул на карту, чтобы определить место, где я видел мужчин. Деревня называлась Сент-Сант, и оказалось, что ворота, у которых я остановился, принадлежали крупному поместью Ваункасл. То был мой первый визит в тамошние места.

В то время я занимался критическим изданием

Феокрита[52], для которого собирал новую подборку рукописей. В Англии был вариант Кодекса Медичи, и никто со времен Гейсфорда на заглядывал в него[53]. После долгих хлопот я обнаружил его в библиотеке человека по фамилии Дюбелле. Я написал ему в его лондонский клуб и, к моему удивлению, получил ответ из поместья Ваункасл-Холл, что расположено в Факсетере. То было странное письмо, потому что чувствовалось по всему Дюбелле хотел послать меня к черту, но не мог свое желание согласовать со своей совестью. Мы обменялись несколькими письмами, и в конце концов он разрешил мне ознакомиться с его рукописью. Он не предложил мне остаться, но упомянул о том, что в Сент-Санте есть уютная маленькая гостиница.

Мой второй визит начался 27 декабря, после того как я съездил домой на рождественские праздники. Прошла неделя крепких морозов, потом чуть потеплело, но по-прежнему было

---

[52] Примечания: 52

Феокрит — древнегреческий поэт. Жил в конце IV — первой половине III в. до н. э. Основатель жанра идиллии.

[53] Примечания: 53

Томас *Гейсфорд* (1779–1855) — английский специалист по античной филологии и священнослужитель. В 1856 г. в его честь была учреждена премия Гейсфорда. Присуждается за стихи и прозу на классическом древнегреческом языке.

ужасно холодно и свинцовое небо постоянно предвещало снегопад. Я ехал на автомобиле из Факсетера, и когда мы приблизились к долине, я, помнится, подумал, что местность эта на редкость грустная. Холмы были слишком низкими, чтобы производить впечатление, а леса делали их очертания расплывчатыми и неясными, но на вершинах были отчетливо видны серые бугорки, указывавшие на их вулканическое происхождение. Нечто подобное можно встретить на картинах итальянских художников-примитивистов, где исключены и свет, и цвет. Когда я мельком увидел ручей Ваун на обесцвеченных лугах, он выглядел как «тусклая вода» В балладах Шотландского Пограничья. В лесах также не было той благоприятной наготы, что свойственна английским рощам в зимнее время. Они оставались мрачными и хмурыми, словно скрывали какие-то тайны. И пока я добирался до Сент-Санта, у меня сложилось стойкое впечатление, что пейзаж вокруг не только печален, но и зловещ.

С гостиницей мне повезло. На единственной улице одноэтажных коттеджей она, весело сияя из-за красных занавесок бара, возвышалась как маяк. Внутри было так же хорошо, как снаружи. Я нашел спальню с ярким камином и поел в

комнате, обшитой панелями, увешанной множеством нелепых старых картинок с долговязыми гончими и лошадьми с впалыми спинами. Добираясь до этого места, я впал в уныние, но уют и покой подняли мне настроение, и когда мне доставили весьма приличную бутылку портвейна, я пригласил хозяина выпить рюмку. То был человек в годах, бывший егерь; жена была намного моложе его и отвечала за управление гостиницей. Мне хотелось услышать что-нибудь о владельце моей рукописи, но хозяин мало что о нем знал. Он много лет прослужил прежнему сквайру, а нынешнему не служил никогда. Я много слышал о представителях рода Дюбелле, о господине пожилого хозяина, который посвятил псовой охоте сорок лет своей жизни, о майоре, его брате, павшем в битве при Абу-Клеа[54], о пасторе Джеке, что прожил здесь всю свою жизнь, и множестве других родственников по боковой линии. «Деблиз» — так здесь произносили фамилию «Дюбелле», — были мужественными щедрыми людьми, и в этих местах их очень любили. Но о нынешнем владельце поместья хозяин гостини-

[54] Примечания: 54

Битва при Абу-Клеа произошла 24 декабря 1884 г. В ней туземным воинам противостояли полторы тысячи солдат регулярной британской армии.

цы ничего рассказать мне не мог. Сквайр, по его словам, был «великим ученым», и при этом я понял, что никаким видом спорта он не увлекался и не был общителен, как его предшественники. На дом он потратил кучу денег, но в гости туда мало кто ходил. Хозяин гостиницы никогда не бывал на землях нового владельца, хотя в прежние времена на лужайке устраивались охотничьи завтраки для всей округи и обильные обеды для арендаторов. Я лег спать с ясным представлением о человеке, с которым мне предстояло побеседовать завтра утром. Ученый человек и самовластный затворник, собиравший сокровища и украшавший свое жилище и, вероятно, живший в своей библиотеке. Я с нетерпением ждал встречи с ним: общаться с такими, как он, мне приходилось нечасто.

На следующее утро после завтрака я отправился в усадьбу. Вокруг все было так же серо и печально, и когда я вошел в ворота, воздух, как мне показалось, стал еще горше, а небеса темнее. Место было окружено деревьями — столь огромными, что даже в зимней своей наготе они создавали мрак вокруг усадьбы. Там была длинная аллея древних платанов, сквозь которую лишь изредка можно было увидеть замерзший

парк. Я определился, где нахожусь, и понял, что, постепенно спускаясь, иду почти прямо на юг. Дом должен располагаться в лощине. Вскоре деревья поредели, я прошел через железные ворота, вышел на большую неухоженную лужайку, где там и сям произрастали лавры и рододендроны, и здесь передо мной открылся фасад дома.

Я ожидал чего-то прекрасного, ожидал старинного фасада в стиле Тюдоров или королевы Анны[55], я надеялся увидеть величественную георгианскую галерею, но был разочарован, потому что фасад был просто безобразным. Он был низким, неправильной формы и более походил на заднюю часть дома; я догадался, что когда-то здание было устроено с точностью до наоборот и главным входом служила старая кухонная дверь. Собственный вывод я подтвердил, заметив, что крыши возвышаются ярусами, как у некоторых нью-йоркских небоскребов, так что нынешняя задняя часть здания имела впечатляющую высоту.

Заинтересовала меня необычность этого места, а еще больше его ветхость. На что, черт побери, владелец мог потратить деньги? Все — газон,

[55] Примечания: 55

Тюдоры — английская королевская династия (1485–1603). *Анна* (1664–1714) — английская королева с 1702 по 1714 г.

клумбы, дорожки — было заброшено. Там был новый каменный вход в помещение, но стены нужно было срочно зашпаклевать, деревянные оконные рамы давным-давно не красились, а стекла в нескольких окнах были разбиты.

Звонок не работал, пришлось стучать молоточком, и прошло, наверное, минут десять, прежде чем дверь открыли. Бледный дворецкий, один из тех двух мужчин, что я встретил в октябре прошлого года у телеги, моргая, стоял в проходе, что вел внутрь дома.

Когда я назвал свое имя, он повел меня, не задавая лишних вопросов, так что было совершенно очевидно, что меня уже ждали. Зал преподнес мне второй сюрприз. Помещение оказалось маленьким, убогим и обставлено, как прихожая фермерского дома. Впрочем, в комнате было тепло, и это единственное, что мне понравилось. В отличие от большинства загородных английских домов, система отопления здесь, похоже, была отличная.

Дворецкий провел меня в темную комнатушку с одним окном, выходившим на заросли кустарника, а затем пошел за хозяином. Главным моим чувством была благодарность за то, что меня не попросили остаться, потому что гостиница, в

сравнении с этой гробницей, была просто раем. Я рассматривал гравюры, развешанные на стене, но услышал свое имя и повернулся, чтобы поприветствовать господина Дюбелле.

Он стал для меня третьим сюрпризом. Мне он представлялся занудой, старым ученым червем в очках на черном шнурке, а вместо этого я увидел человека, только-только вступившего в пору среднего возраста, грузного парня, одетого в самый грубый деревенский твид. Он был столь же неряшлив, сколь его владения, потому что не брился в то утро; его фланелевый воротничок сильно обтрепался, а ногти на руках по действенности превзошли бы любую скребницу. Описать его лицо было трудно. Оно было румяно, но цвет его был нездоров; от него исходило дружелюбие, но одновременно настороженность, и, прежде всего, оно было *неспокойно*. Он произвел на меня впечатление человека, у которого были нелады с нервами и который постоянно был настороже.

Он промолвил несколько вежливых слов и сунул мне пакет, кое-как обернутый коричневой бумагой.

— Это ваша рукопись, — весело сказал он.

Я был ошеломлен. Я ожидал, что он позволит поработать с рукописью в его библиотеке, и в

последние несколько минут понял, что такая перспектива была малоприятна. Но передо мной стоял владелец рукописи, предлагавший забрать бесценную вещь и унести с собой.

Я пробормотал слова благодарности и добавил, что с его стороны это весьма великодушно — доверить незнакомому человеку такое сокровище.

— С этим сокровищем вы не должны уходить дальше гостиницы, — сказал он. — Посылать рукопись по почте очень не хотелось. Поработаете в гостинице, что в том дурного? Мы, ученые люди, должны доверять друг другу.

Закончив монолог, он издал странный кудахтающий смех.

— Ваше предложение устраивает меня вполне, — сказал я. — А мне казалось, вы будете настаивать на том, чтобы я работал здесь, в вашем доме.

— Нет, что вы! — сказал он серьезным тоном. — Я не должен думать о подобных вещах… Совсем не должен… Оскорбление нашего масонского братства… Вот как я должен расценивать это.

Мы поговорили еще несколько минут. Я узнал, что все, что у него есть, он унаследовал от кого-то из родственников по праву старшего и прожил в Ваункасле чуть более десяти лет. До этого он

работал в Лондоне адвокатом. Он задал мне пару вопросов о Кембридже, пожалел, что не попал в свое время в университет и плохое образование очень сильно мешало ему в работе. Он предположил, что я знаток греческого и латыни. Ах, какие чудесные люди были древние римляне… Говорил он совершенно свободно, но его странные беспокойные глаза все время бегали туда-сюда, и у меня сложилось впечатление, что он хотел сказать что-то совсем иное, отличное от этих банальностей, что он хотел затронуть какую-то другую тему, но его сдерживали застенчивость и страх. Все это время он смотрел на меня странным оценивающим взглядом.

Я ушел. Меня не пригласили остаться на обед, и я не сожалел, потому что атмосфера этого места мне не нравилась. Я пошел коротким путем через неровную лужайку и, взойдя на вершину холма, оглянулся. Дом в самом деле представлял собой огромную груду камней, и я понял, что был прав и что главное здание осталось позади. Было ли оно, подумал я, подобно Альгамбре, которая за фасадом скрывала сокровищницу?[56] Также я увидел, что лощина, заросшая лесом, оказалась

[56] Примечания: 56

Альгамбра — замок-дворец близ Гранады (Испания). Построен в середине XIII — конце XIV в. Принадлежал мавританским властителям.

более широкой, чем я предполагал. Дом в его нынешнем виде был обращен строго на север, а за южным фасадом простиралось открытое пространство, где, как я полагал, могло лежать озеро. Далеко впереди в декабрьском полумраке я видел склоны высоких темных холмов.

В тот вечер выпал густой снег, и почти два дня он шел не переставая. Я разжег камин в своей спальне и провел счастливое время, изучая старинную рукопись. С собой я взял только рабочие книги; и поскольку библиотечным помещением гостиница похвастаться не могла, я, когда мне хотелось расслабиться, спускался в пивную или болтал с хозяйкой в баре. Местные завсегдатаи, что собирались в пивной, были хорошими ребятами, но, как и весь народ, живущий в пограничье, неохотно заговаривали с незнакомцем, и я мало слышал от них об усадьбе. Прежний владелец выращивал каждый год по три тысячи фазанов, а нынешний не позволил бы ружью выстрелить на его земле, и к настоящему времени здесь осталось лишь несколько диких птиц. По той же причине леса кишели от вредителей. Это мне сказали, когда я проявил интерес к стрельбе. Но о господине Дюбелле говорить они не хотели, заявляя, что никогда его в глаза не видели. Полагаю, однако,

что они сплетничали о нем на каждом углу, и то, что вслух и при всех они предпочитали помалкивать, отчасти объяснялась их боязнью.

Хозяйка, родом из другой местности, была более общительной. Прежних Дюбелле она не знала, поэтому ей не с кем было сравнивать нынешних, но она склонялась к тому, что у нынешнего владельца усадьбы с головой было не совсем в порядке. «Говорят, что…» — так обычно начинала она, но и она страдала некоторой заторможенностью, и то, что обещало быть сенсацией, переходило в обыденность. Одна вещь явно озадачивала соседей больше других: перепланировка дома.

— Говорят, — благоговейно промолвила она, — что он построил большую-пребольшую церковь.

Она никогда не была там — никто из прихожан не был, потому что сквайр Дюбелле не допускал туда незваных гостей, — но с холма Дайн-Хилл церковь можно было увидеть через пустую просеку в лесу.

— Он плохой христианин, — сказала она мне, — они с викарием ссорятся уже много дней. Говорят, что он поклоняется Всевышнему, типа того, не так, как надо.

Я узнал, что в доме не было служанок, одни мужчины, которых он привез из Лондона.

— Бедные, заблудшие души, они живут в жалких путах, — промолвила пышногрудая дама, пожала плечами и захихикала.

В последний день декабря я решил, что мне нужно размяться и совершить длинную прогулку. В то утро снег прекратился, и тусклое небо стало ясным и голубым. Было все еще очень холодно, но солнце уже светило вовсю, снег слежался и весело скрипел под ногами, и я задумал осмотреть местность. После обеда я надел толстые сапоги-гетры и направился в Лайн-Хилл. Для этого пришлось сделать значительный крюк, потому что место было расположено к югу от парка усадьбы Ваункасл. Оттуда я надеялся рассмотреть дом с другой стороны.

Я не был разочарован в своих ожиданиях. В густом лесу была прогалина, и внизу в двух милях от себя я вдруг увидел странное здание, напоминавшее классический храм. Из-за деревьев были видны только антаблемент[57] и вершины колонн; они выразительно выделялись на фоне снега. Зрелище в этом пустынном месте было столь необычным, что какое-то короткое время я лишь смотрел перед собой, как завороженный.

---

[57] Примечания: 57

Антаблемент — в классической архитектуре часть здания, что опирается на колонны.

Помню, я обернулся и, взглянув на заснеженную линию Уэльских гор, подумал, что именно так могли выглядеть зимние Апеннины две тысячи лет назад.

Во мне проснулось любопытство, и я решил рассмотреть это чудо поближе. Я сошел с тропы и двинулся по заснеженным полям и опушкам леса. После этого у меня начались неприятности. Я обнаружил, что нахожусь в лесу, очень похожем на первобытный, где за подлеском никто не следил, а дорожки не прореживали годами. Я шел, проваливаясь в глубокие ямы, меня жестоко терзали кусты шиповника и ежевики, но я пробивался изо всех сил, придерживаясь намеченного пути. Наконец деревья закончились. Передо мной расстилалось плоское пространство, которое, как я знал, и было озером; дальше за ним возвышался храм.

С того места, где я стоял, было трудно поверить, что позади него есть постройки, где живут люди. Что до самой церкви, то была прекрасная работа — я понял это с первого взгляда, — с прекрасными пропорциями, классическая, но не повторяющая точь-в-точь ни один из классических образцов. Можно было представить себе внутреннее убранство помещения, огромное и гулкое, зату-

маненное дымом жертвоприношений, и, только поразмыслив, я понял, что внутренний двор не может тянуться по обеим сторонам, и нет здесь никакого внутреннего убранства, и то, на что я смотрю, это только галерея.

Было это и впечатляюще, и нелепо. Что за безумные мысли посетили Дюбелле, когда он украсил свой дом, устроив перед фасадом грандиозный сад? Солнце садилось, и тень лесистых холмов скрывала интерьер, так что я даже не мог разглядеть заднюю стену галереи. Мне захотелось рассмотреть все это поближе, и я ступил ногой на замерзшее озеро.

Ощущения были странными. Я, казалось, не устал, снег лежал ровно и твердо, но все же у меня было ощущение предельного истощения. Едкий, острый воздух стал теплым и гнетущим. Мне пришлось, едва переставляя ноги, волочиться через озеро в ботинках, которые казалось, весили тонны. Место было совершенно безмолвным на суровом морозе, и от груды камней, маячившей впереди, не исходило никаких признаков жизни.

Наконец я перебрался на другую сторону и обнаружил, что нахожусь на промерзшей отмели из камыша и высохшего узколистного кипрея.

Камыш и кипрей были выше моей головы, и, чтобы увидеть дом, мне пришлось смотреть вверх сквозь их заснеженные узоры. Дом был где-то примерно в восьмидесяти футах надо мной[58] и в сотне ярдов от меня[59], и, поскольку я стоял внизу, изящные столбы, казалось, взмывали вверх на огромную высоту. Но по-прежнему было темно, и единственное, что я мог рассмотреть, это потолок, который казался то ли резным, то ли разрисованным одноцветными фигурами с глубокими тенями.

Внезапно через просвет между холмами косо выглянуло умирающее солнце, и на мгновение вся галерея до самых дальних ниш окрасилась в золотой и алый цвета. Само по себе это было замечательно, но здесь скрывалось нечто большее. Воздух был неподвижен — настолько, что, когда через полчаса я закурил сигарету, пламя спички горело, неуклонно направляясь вверх, как свеча в комнате. И, пока я стоял среди камыша, ни один кристаллик инея не шевельнулся…

Но в галерее дул ветер.

Мне было видно, как ветер поднимал снежные

---

[58] Примечания: 58
Чуть менее 24,4 метра.

[59] Примечания: 59
Чуть менее 91,5 метра.

перья с основания колонн и вспушивал их на карнизах. Пол уже был выметен начисто, но с открытых мест на него падали крошечные хлопья. Внутри здание было наполнено бешеным движением, хотя всего лишь в ярде от него царил застывший покой. Я не чувствовал действия ветра, но он был горячим, горячим, как дыхание печи.

У меня была только одна мысль — страх быть застигнутым ночью около этого места. Я повернулся и побежал. Я бежал через озеро, и каждый шаг давался мне с великим трудом. Я задыхался от нестерпимого гнета, я бежал в сторону деревни, подчиняясь слепому инстинкту. Я не останавливался, пока не прорвался через большой лес и не вышел на неровное пастбище, что раскинулось по-над шоссе. Потом я упал на землю и снова ощутил успокаивающую прохладу декабрьского воздуха.

Приключение оставило в душе неприятный осадок. Стыдно было оттого, что валяю дурака, и в то же время я был безнадежно озадачен, потому что, чем чаще я прокручивал в голове события сегодняшнего дня, тем больше терялся в поисках объяснения всего, что произошло. Острее всего было чувство того, что мне не нравится это

место и что мне хочется уехать отсюда. Я уже нашел подход к решению своей научной задачи, и, запершись на два дня, я завершил ее, то есть сделал сопоставление настолько, насколько продвинулся в своем комментарии к тексту. Мне не хотелось возвращаться в усадьбу, и я написал Дюбелле вежливую записку, в которой выразил свою благодарность и сообщил, что возвращаю рукопись через сына хозяина гостиницы, так как постеснялся беспокоить Дюбелле еще одним визитом.

Ответ пришел немедленно. В нем говорилось, что мистер Дюбелле хотел бы доставить себе удовольствие отобедать со мной в гостинице до моего отъезда, что он, Дюбелле, хочет получить рукопись лично, из рук в руки.

То был последний вечер моего пребывания в Сент-Санте, поэтому я заказал лучший обед, какой только можно было заказать в этом месте, а также бутылку кларета, корзинку с которым я обнаружил в подвале. Дюбелле явился ровно в восемь часов, и, к моему удивлению, он приехал на машине. Он привел себя в порядок, облачился в смокинг и выглядел точь-в-точь, как те городские адвокаты, которых вы видите обедающими

в «Джуниор Карлтон»[60].

Он был в прекрасном расположении духа, в его глазах не было настороженности. Похоже, что, поразмыслив обо мне, он пришел к какому-то заключению или решил, что я человек безобидный. Более того, он, казалось, горел желанием побеседовать со мной. После моего приключения я был готов к тому, чтобы обнаружить в нем страх — страх, какой я видел в лицах его слуг. Но никакого страха в нем не было; вместо него — лишь волнение, непреодолимое волнение.

В своем многословии он явно пренебрегал всеми правилами приличия. Его приход к обеду изрядно переполошил гостиничную прислугу, и вместо девушки нам прислуживала сама хозяйка. Она, казалось, хотела, чтобы мы поскорее закончили с едой, и настолько, насколько это укладывалось в рамки благопристойности, старалась как можно быстрее поставить на стол бисквиты и бутылку портвейна. Затем Дюбелле заговорил со мной доверительным тоном.

Как оказалось, он был энтузиастом — энтузиастом с одним-единственным увлечением. Всю жизнь он возился со всякими древностями, и

---

[60] Примечания: 60

«Джуниор Карлтон» — джентльменский клуб в Лондоне. Просуществовал 113 лет — с 1864 по 1977 г.

когда унаследовал Ваункасл, у него появилось свободное время и деньги, чтобы радовать себя, занимаясь любимым делом. Место это, похоже, было известно еще в Римской Британии — Вауни Кастра, — а Факсетер было искаженным названием того же места.

— Кто был этот Ваунус? — спросил я.

Он усмехнулся и попросил чуть подождать.

В лесах, что росли высоко на холмах, был старинный храм. О нем всегда упоминалось в местной легенде и предполагалось, что место заселено привидениями. Что ж, он раскопал это место и нашел… Здесь он превратился в осмотрительного адвоката и разъяснил мне закон о сокровищах. Пока ценность найденных предметов не определена — причем речь идет не о золоте и не о драгоценностях, — нашедший имеет право оставить их у себя. Он так и сделал, не стал публиковать результаты своих раскопок в трудах какого-либо ученого сообщества, потому что не хотел, чтобы его беспокоили туристы. Я — другое дело, потому что я ученый.

Что же он нашел? То, что он болтал, с трудом укладывалось в голове, но все же я понял, что он нашел кое-какие фигурки и жертвенные принадлежности. И — здесь он понизил голос — самое

главное, алтарь, алтарь Ваунуса, божества — покровителя долины.

Когда он произнес имя божества, лицо его приняло новое выражение. Я увидел в нем не тень страха, а тень какого-то тайного волнения. Такое же выражение я видел на лице уличного проповедника, члена Армии спасения.

Ваунус был бриттским богом холмов, которого римляне, похоже, весьма вольно отождествили с Аполлоном. Господин Дюбелле долго и путано рассказывал мне об этом боге, из чего я понял, что как ученый мой собеседник не отличался ни въедливостью, ни дотошностью. Некоторые из его выводы относительно местных географических названий были абсурдны. Например, Сент-Сант он считал производным от Санкта Санкторум, то есть «святая святых», и, цитируя строку из Авзония[61], он сделал две ошибки в произношении стихов. По-видимому, он надеялся на то, что я расскажу ему о Ваунусе что-то такое, чего он не знает, но я сказал, что занимаюсь Древней Грецией и поэтому глубоко невежествен во всем, что касается Римской Британии. Я упомянул несколько книг и выяснил, что он никогда не

---

[61] Примечания: 61
Децим Магнув *Авзоний* (ок. 310–395) — римский поэт.

слышал о Хаверфилде[62].

В разговоре он использовал слово «гипокауст»[63], и оно, это слово, внезапно дало мне ключ к разгадке. Очень похоже, что свой храм, как и свой дом, он отапливал при помощи какой-то очень эффективной системы горячего воздуха. В науке я разбираюсь мало, но мне показалось, что контраст искусственного тепла внутри галереи и холода вне ее и создал воздушный поток. Как бы там ни было, объяснение меня удовлетворило, и мое дневное приключение перестало быть для меня сверхъестественным. Я с сочувствием выслушал речь моего собеседника и решил не говорить ему о том, что побывал в его храме.

О храме он сам рассказал мне самым откровенным образом.

— Я не мог оставить, алтарь на склоне холма, — сказал он. — Нужно было подготовить место для него, поэтому я превратил старый фасад дома в нечто вроде храма. Я получил наилучший совет, но архитекторы — люди невежественные, и я

---

[62] Примечания: 62

Джон Френсис *Хаверфилд* (1860–1919) — выдающийся английский ученый, специалист по античной филологии и археолог.

[63] Примечания: 63

Гипокауст — отопительная система для обогрева одноэтажных зданий, наиболее распространенная в Древнем Риме.

часто жалел, что мне не хватает знаний. И все же место меня устраивает.

— Надеюсь, Ваунуса оно тоже устраивает, — шутливо сказал я.

— Думаю, да, — ответил он вполне серьезно.

Затем его мысли словно куда-то ушли, и около минуты он смотрел сквозь меня со странной отрешенностью в глазах.

— Что же вы делаете с алтарем теперь, когда он у вас есть? — спросил я.

Он не ответил, но улыбнулся про себя.

— Не знаю, — сказал я, — помните ли вы у Сидония Аполлинария правило освящения языческих алтарей для целей христианства?[64] Вы начинаете с того, что приносите в жертву белого петуха или что-нибудь подходящее для этого и со всей откровенностью говорите Аполлону, что старое посвящение на данный момент отменено. Затем вы вспоминаете христианское заклинание…

Он чуть не подпрыгнул на стуле:

— Нет, не годится, совсем не годится! Нет, Господи! Ни на минуту не мог подумать!

Он вел себя так, словно я оскорбил его слух каким-то ужасным богохульством, и странно

---

[64] Примечания: 64

Сидоний Аполлинарий — галло-римский писатель, поэт, дипломат и священнослужитель (471 — около 486).

было, что он так и не пришел в себя. Попытался прийти, потому что у него были хорошие манеры, но его дружелюбие и хорошие манеры исчезли. Мы оба были напряжены, и в таком напряжении с полчаса поболтали о пустяках, а потом он встал, чтобы уйти. Я вернул ему рукопись, аккуратно упакованную, но он, казалось, не обратил на меня никакого внимания и, забрав рукопись, ушел в том же потрясенном состоянии, в какое был погружен.

После его ухода я сел перед камином и стал обдумывать положение. Идея насчет гипокауста устроила меня вполне, и в связи с тем, что со мной приключилось днем, я уже не испытывал беспокойства. И все же во всем этом был легкий привкус неприятности, и я почувствовал, что мне не нравится Дюбелле. Я воспринял его как чудака, который рехнулся в своем полоумном увлечении, словно старая дева со своими кошками, и без сожаления покинул это место.

* * *

Мой третий и последний визит в Сент-Сант состоялся в следующем июне и продолжался до середины лета 1914 года. Я почти закончил работу над своим Феокритом, но для уточнения некото-

рых деталей мне нужно было день-два посидеть над рукописью, что хранилась в Ваункасле. В июле я хотел отправиться в Италию и перед этим написал Дюбелле. Я спросил его, могу ли повидаться с ним еще раз. Поездка обещала быть утомительной, но с этим нужно было смириться, и мне показалось, что долина будет приятным местом в это жаркое лето.

Я сразу же получил ответ, где Дюбелле приглашал, почти умолял меня приехать и настаивал на том, чтобы на этот раз я остановился не в гостинице, а в усадьбе. Я не мог отказаться, хотя предпочел бы гостиницу. Он прислал телеграмму с расписанием моего поезда, а потом еще одну, где обещал встретить меня. На этот раз я оказался особенно желанным гостем.

Я приехал в Факсетер вечером, и там меня уже ожидала машина из факсетерского гаража. Водитель оказался разговорчивым молодым человеком, и поскольку автомобиль был с крытым верхом, я сел рядом с водителем, чтобы подышать свежим воздухом. Я был рад выбраться из душного Кембриджа, но не сказать, чтобы мне стало намного прохладнее, когда мы поднялись в долину Вауна. Леса блистали своим летним великолепием, но чуть потускнели от жары, река

превратилась в ручеек, а причудливые вершины холмов были выжжены солнцем так, что на фоне зеленых деревьев казались почти желтыми. И у меня снова возникло ощущение фантастически неанглийского пейзажа.

— Сквайр Дюбелле будет очень рад вашему приезду, сэр, — сообщил мне шофер. — Он трижды обращался к хозяину гаража, спрашивал, все ли в порядке. У сквайра есть своя машина, отличный маленький «даймлер», но, кажется, пользуется он ею нечасто. Не видел его в ней по воскресеньям целый месяц.

Когда мы свернули к воротам усадьбы, молодой человек с любопытством огляделся.

— Никогда прежде здесь не был, хотя побывал в большинстве парков местных джентльменов на пятьдесят миль вокруг. А тут… Старина такая, что словами не опишешь, не правда ли, сэр?

Если среди зимы усадьба казалась закрытым святилищем, то в июньских сумерках она казалась, как никогда, закрытым и охраняемым местом. Пахло почти осенней гнилью, сухой гнилью, похожей на тлен. Казалось, мы спускаемся вниз сквозь ярусы постоянно густеющего леса. Когда мы наконец миновали железные ворота, я увидел, что лужайки еще больше запустели.

Дворецкий с бледным лицом впустил меня, а за его спиной меня ждал сам Дюбелле. Это уже был не тот человек, с которым я встречался в декабре. На нем был старый мешковатый костюм из фланели, а его нездоровое красное лицо осунулось, щеки впали. Под глазами у него были темные мешки, и глаза эти были уже не возбужденными, а мутными и страдальческими. Да, в них было больше, чем боль, — страх, и я задал себе вопрос, не становится ли его увлечение слишком тяжким для него.

Он поприветствовал меня, как брата, которого он потерял много лет назад и вот, наконец, обрел. Помня о том, что мы с ним были мало знакомы, я был несколько смущен его теплотой.

— Благослови вас Господь за то, что вы приехали, мой дорогой друг! — воскликнул он. — Вы, конечно, хотите умыться, а потом мы поужинаем. Если не хотите, можете не переодеваться, я этого никогда не делаю.

Затем он провел меня в спальню, довольно чистую, но маленькую и обшарпанную, как комната для прислуги. Тут я понял: для того чтобы построить нелепый храм, он выпотрошил собственный дом.

Мы обедали в просторной комнате, что была

своего рода библиотекой. Она была заставлена старыми книгами, но непохоже было, что они там пребывали долгое время; комната скорее походила на чулан, в котором хранилось чудесное собрание. Несомненно, когда-то они жили своей особой жизнью в достойном помещении, построенном в георгианском стиле. Не было ничего другого, ничего из антиквариата, которого я ожидал.

— Вы приехали вовремя, — сказал Дюбелле. — Я подпрыгнул от радости, когда получил ваше письмо, потому что все это время я думал о том, как бы сбежать в Кембридж, для того чтобы уговорить вас приехать сюда. Надеюсь, вы не станете торопиться с отъездом.

— К сожалению, — сказал я, — у меня довольно мало времени: на следующей неделе я рассчитываю поехать за границу. Свою работу я должен закончить через два дня. Слов нет, как я благодарен вам за вашу доброту!

— Два дня, — сказал он, — помогут нам пережить середину лета. Этого должно быть вполне достаточно.

Я не мог понять, что он имеет в виду.

— С нетерпением жду возможности изучить вашу коллекцию, — сказал я.

Он открыл глаза.

— Я имею в виду ваши открытия, — пояснил я, — алтарь Ваунуса…

Когда я произнес эти слова, лицо его исказилось, выражая нечто, похожее на ужас. Он задохнулся, а затем пришел в себя.

— Да-да, — быстро проговорил он. — Увидите, все увидите, но только не сегодня. Завтра средь бела дня — самое время!

После этого вечер превратился в дурной сон. Пустая болтовня вконец утомила его, и он мог лишь с усилием отвечать на мои банальности. Я часто ловил на себе его взгляды, бросаемые украдкой, словно в эти минуты он оценивал меня и гадал, как далеко он может пойти за мной. Это изрядно действовало мне на нервы, и в довершение ко всему было ужасно душно. Окна комнаты выходили на небольшой мощеный дворик, окруженный лаврами. Душно было так, словно я пребывал не в сельской местности, а на Севен-Дайалз[65].

Когда подали кофе, я не выдержал.

— А нельзя ли покурить в храме? — спросил я. — Рядом озеро, и там должно быть прохладно.

---

[65] Примечания: 65

Севен-Дайалз — дорожная развязка в Лондоне.

Он был ошеломлен так, словно я предложил ему убить его собственную мать.

— Нет, Боже мой, нет!

Прошло полчаса, прежде чем он смог собраться с мыслями. Слуга зажег две керосиновые лампы, и мы продолжили сидеть все в той же душной комнате.

— В прошлый раз вы мне что-то сказали… — решился он наконец промолвить несколько слов после многих косых взглядов, брошенных на меня, — что-то о ритуале повторного освящения алтаря.

Я вспомнил свое замечание о Сидонии Апполинарии.

— Не могли бы вы показать мне этот отрывок? Здесь хорошая библиотека, собранная еще моим прадедом. К сожалению, моя ученость недостаточна, чтобы пользоваться ею должным образом.

Я встал, порылся на полках и вскоре нашел экземпляр Сидония, издание Плантена 1609 года. Затем выбрал отрывок и грубо перевел его. Дюбелле жадно слушал меня и заставил повторить перевод дважды.

— Но он же несет чепуху, — запинаясь, промолвил Дюбелле. — А это все важно?

— Не думаю. Мне кажется, подойдет любой из известных ритуалов.

— Я рад, — просто сказал он. — Я боюсь крови.

— Боже мой, дружище! — вскричал я. — И вы серьезно воспринимаете ту чепуху, что я тут несу? Я только пошутил. Пусть старый Ваунус прилипнет к своему алтарю!

Он посмотрел на меня, как озадаченный и несколько обиженный пес.

— Сидоний был серьезным человеком… — сказал он.

— Он был, а я — нет, — грубо ответил я. — Мы живем в двадцатом веке, а не в третьем. Не пора ли нам лечь спать?

Он не стал возражать и нашел мне в зале свечу. Раздевшись, я задумался о том, в какой сумасшедший дом я попал. Я почувствовал сильнейшее отвращение к этому месту. Захотелось пойти отсюда прямо в гостиницу, однако я не мог, пользуясь старинными рукописями этого человека, оскорблять при этом его гостеприимство. Мне было совершенно ясно, что Дюбелле сошел с ума. Он отдал своему увлечению, своей страсти весь разум без остатка и теперь был в рабстве у этой страсти. Боже милостивый, он говорил о своем драгоценном Ваунусе, как верующий говорит

о Боге! Я понял: человек он был малообразованный, и таким, каков он есть, он постепенно пришел к поклонению какому-то плоду своего воображения.

Думаю, я проспал два часа. Потом я проснулся весь в поту, потому что жарко было, как в печке. Окно мое было распахнуто настежь, я высунул голову, воздух был свежий. Тепло исходило из помещения. Комната находилась на первом этаже возле входа, и я смотрел на заросшие газоны. Ночь была очень темной и совершенно тихой, но я мог поклясться, что слышал шум ветра. Деревья были неподвижны, как мраморные колонны, но где-то рядом я ощутил сильный порыв ветра. Кроме того, хотя на небе не было луны, где-то рядом со мной постоянно мерцал свет; я мог видеть его отражение в конце дома. Это означало, что он исходил из храма. Какие вакханалии устраивал Дюбелле в такой час?

Когда я прокручивал эти мысли в голове, я чувствовал, что, если хочу хоть немного уснуть, нужно что-то предпринять. Уснуть? Об этом не могло быть и речи, потому что какой-то дурак включил паровое отопление и в комнате, повторяю, было жарко, как в печи. Я разгневался не на шутку. Колокольчика не нашлось, поэтому я

зажег свечу и отправился искать слугу.

Я прощупал гипсовые стены внизу и обнаружил комнату, где мы обедали. Затем я исследовал проход, что тянулся под прямым углом, по которому пришел к большой дубовой двери. При свете свечи я увидел, что дверь была новая и что очевидного, явного способа открыть ее не было. Я догадался, что она вела в храм, и, хотя она плотно прилегала к проему и замочной скважины в ней вроде бы не было, я слышал сквозь нее звук, похожий на шум ветра… Затем я открыл дверь справа и очутился в большом стенном шкафу. От него исходил странный, экзотический, пряный запах, а на полу и на полках было великое множество аккуратно расставленных маленьких мешочков и сундучков. На каждом была этикетка, квадрат из плотной бумаги с черной-пречерной надписью. Я прочел: «Pro servido Vauni».

Я уже видел их раньше: моя память подвела бы меня, если бы это были не те самые этикетки, которые слуги Дюбелле прикрепляли к пакетам из телеги извозчика однажды вечером прошлой осенью. Из-за этого открытия мои подозрения переросли в неприятную уверенность. Дюбелле, очевидно, имел в виду, что на этих этикетках красовалась надпись «За службу Ваунусу». Однако в

латыни он мало что смыслил, потому что слово «servitium» было использовано в неправильной форме, но что было взять с человека, который был явным сумасшедшим?

Однако сейчас мне нужно было найти способ хоть как-то заснуть, поэтому я продолжил поиски слуги. Я прошел по другому коридору и обнаружил вторую лестницу. Наверху я увидел открытую дверь и заглянул внутрь. Должно быть, то была дверь в комнату самого Дюбелле, потому что его фланелевая одежда неряшливо валялась на стуле; но самого Дюбелле там не было, и постель не была застлана.

Полагаю, раздражен я был больше, чем встревожен, хотя, должен признаться, немного испугался, потому что по-прежнему не мог найти слугу. Там была еще одна лестница, которая, по-видимому, вела на чердак, и, поднимаясь по ней, я поскользнулся и упал с громким стуком. Когда я поднял голову, я увидел дворецкого, который в ночной рубашке смотрел на меня сверху, и если чье-то ужасное лицо выражало страх, то это было его лицо. Когда он увидел, кто перед ним, он, казалось, немного пришел в себя.

— Послушайте, — сказал я, — ради бога, отключите этот адский горячий воздух! Глаз не могу

сомкнуть… Какой идиот затеял все это?

Он тупо посмотрел на меня.

— Извините, сэр, — сказал он, с трудом подбирая слова, — но в этом доме нет отопительных приборов.

Больше сказать было нечего. Я вернулся в свою спальню, и мне показалось, что там стало прохладнее. Также, когда я выглянул из окна, таинственный ветер, казалось, утих, и зарево исчезло за горизонтом. Я лег в постель, заснул крепким сном и проснулся где-то в половине девятого, когда мне подали воду для бритья. Ванны не было, поэтому я мылся в жестяном тазу.

Это было туманное утро, обещавшее день палящей жары. Спустившись к завтраку, я застал Дюбелле в столовой. При дневном свете он выглядел совсем больным человеком, но, похоже, взял себя в руки, потому что вел себя гораздо менее нервно, чем прошлой ночью. В самом деле, он казался почти нормальным, и я мог бы пересмотреть свое мнение, если бы не выражение его глаз.

Я сказал ему, что собираюсь просидеть над рукописью весь день и на этом закончить дело.

— Ничего, — кивнул он, — у меня самого уйма дел, и я не буду вам мешать.

— Но сначала, — напомнил я, — вы обещали ознакомить меня со своими открытиями.

Он посмотрел в окно, где солнце освещало лавровые кустарники и часть мощеного двора.

— Свет хороший, — изрек он странное замечание. — Давайте отправимся туда сейчас. Для храма есть свое время и свои сезоны.

Он повел меня по проходу, который я обследовал прошлой ночью. Дверь открылась, но не ключом, а каким-то рычагом в стене. Внезапно я обнаружил, что смотрю на бирюзовые воды озера, залитого солнечным светом.

Впечатления, что произвел на меня этот храм, описать непросто. Он было невероятно легким и воздушным, сверкающим, как итальянская колоннада в середине лета. Пропорции были удивительно удачными, потому что колонны парили и плыли в небесном пространстве, а крыша, похожая на крону кедра, высилась изящно, как цветок на стебле. Был использован камень, какой-то местный известняк, который на полу был отполирован, как мрамор. Вокруг виднелись сверкающая вода, летний лес и далекие синие горы.

И все же едва я вошел, как понял, что это тюрьма. Не могу похвастаться богатым воображением

и полагаю, что нервы у меня достаточно крепки, но отвращение мое было столь сильно, что я едва переставлял ноги, продвигаясь вперед. Я почувствовал себя отрезанным от мира, как если бы я попал в темницу или очутился на льдине. И все же я чувствовал, что, хотя мы находимся достаточно далеко от других людей, мы не одиноки.

На внутренней стене было три резных работы. Две были незавершенными фризами, барельефами, по-видимому, посвященными одной и той же теме. На них было изображено ритуальное шествие, жрецы несли ветки, обычное дело *дендрофоров*[66]. Их лица были получеловеческими, и не от недостатка мастерства, потому что художник был мастером. Поразительным было то, что ветви и волосы верховных жрецов развевались сильным ветром, и при этом выражение лица у каждого было таким, словно он терпит муки из самых последних сил, потрясенный до глубины души ужасом и болью.

Между фризами был огромный медальон с

[66] Примечания: 66

Дендрофор — греческое слово, означает «носитель дерева». В древние времена — священнослужители, которые в честь божеств носили по городу деревья, вырванные с корнем.

головой Горгоны[67]. То была не женская голова, какую можно встретить всегда, если речь идет об этом божестве, а мужская голова со змеиным волосами, торчавшими из подбородка и губ. Когда-то голова была окрашена, и в локонах остались кусочки зеленого пигмента. Это было страшно — страшнее быть не могло! — последнее слово жестокости, воплощенное в камне. Я поспешно отвел глаза и взглянул на алтарь.

Он стоял в западной части храма на фронтоне с тремя ступенями. Это была прекрасная работа, время почти не оставило на ней своего губительного следа. На лицевой стороне алтаря были выгравированы два слова: «Аполл.» и «Ваун». Алтарь был сделан из какого-то нездешнего мрамора, его полая вершина потемнела от жертвоприношений. Впрочем, не таких уж и древних, потому что я мог бы поклясться, что видел там отметину недавнего пламени.

Не думаю, что я пробыл там больше пяти минут. Я стремился выбраться оттуда, а Дюбелле захотел мне в этом помочь. Мы не произнесли ни слова, пока не вернулись в библиотеку.

— Бога ради, — сказал я, — бросьте вы это! Ведь

---

[67] Примечания: 67

Горгона Медуза — чудовище со змеями вместо волос: согласно древним мифам, ее взгляд обращал человека в камень.

вы играете с огнем, господин Дюбелле! Вы сами загоняете себя в сумасшедший дом. Отправьте эти проклятые вещи в музей и уезжайте отсюда. Прямо сейчас, сию же минуту! Немедленно идемте со мной в гостиницу и заприте этот дом!

Он взглянул на меня; его губы дрожали, как у ребенка, что вот-вот заплачет.

— Я пойду… Обещаю, что пойду… Но не сейчас… После всего, что случилось нынешней ночью… Завтра я сделаю все, что вы мне скажете… Вы не оставите меня одного?

— Я не оставлю вас, но какая вам от меня польза, если вы не прислушиваетесь к моим советам?

— Сидоний… — начал было он.

— Проклятый Сидоний! Жаль, что я никогда не упоминал о нем. Все это полная ерунда, но она убивает вас.

— Я не очень хорошо себя чувствую. Сегодня так жарко! Пожалуй, я прилягу.

Спорить с ним было бесполезно, потому что, как и все слабые существа, он был ужасно упрям. Я оправился заниматься своими делами; настроение было дурным, дурнее быть не может.

День был таким, каким обещал быть, обжигающе жарким. До полудня солнце скрывала медная мгла, дуновения ветра — ни малейшего. На зав-

трак Дюбелле не явился. Я весь ушел в работу и к шести вечера почти закончил то, что наметил. Это позволяло мне уехать на следующее утро, и я надеялся уговорить хозяина уехать со мной.

Завершение работы привело меня в хорошее настроение, и я решил прогуляться перед обедом. Вечер был очень душным, жаркая дымка еще не рассеялась. В лесу было тихо, как в могиле, птицы умолкли. Когда я вышел из дома на выжженные пастбища, овцы казались слишком вялыми, чтобы пастись. Во время прогулки я осмотрел окрестности вокруг дома и увидел, что до храма можно добраться, лишь совершив длинный переход, и что по-другому добраться будет очень трудно. С одной стороны была масса хозяйственных построек, а затем высокая стена, с другой — самая густая и высокая живая изгородь, какую я когда-либо видел, которая заканчивалась лесом и ограждающей его стеной, покрытой сверху острыми шипами. Я вернулся в свою комнату, принял холодную ванну в жестяном тазу и переоделся.

Дюбелле на обеде не было. Дворецкий сказал, что хозяин плохо себя чувствует и лег спать. Новость меня обрадовала, потому что постель была для него лучшим местом. После этого я одиноко

провел вечер в библиотеке, порылся среди книг и нашел несколько редких изданий, что служили для того, чтобы скоротать время. Я заметил, что Сидоний отсутствует на своем месте.

Думаю, спать я лег где-то около десяти часов вечера — устал так, что словами не передать. Помню, все думал, не пойти ли в гости к Дюбелле, но решил, что лучше оставить его в покое. До сих пор не могу себе простить, что принял такое решение. Теперь я знаю, что должен был силой отвести его в гостиницу.

Сон был тяжелым. Внезапно я вздрогнул: я услышал человеческий крик, столь пронзительный, что, казалось, крик звенел в коридорах моего мозга. Затаив дыхание, я прислушался. Крик раздался снова, ужасный крик того, кто охвачен паникой или находится под пыткой.

Секунда — я вскочил с постели и задержался только для того, чтобы надеть тапочки. Вопль, должно быть, доносился из храма. Я бросился вниз, ожидая услышать шум и крики встревоженных домочадцев. Однако затем все стихло, и ужасный крик больше не повторился.

Как я и ожидал, дверь в коридор была закрыта. За дверью же, казалось, царило столпотворение, потому что там стоял вой, какой можно услы-

шать во время бури, и было что-то еще, из-за чего слышался треск, какой раздается при пожаре. Я направился к входной двери, сбросил цепочку и очутился в тихой безлунной ночи. Да, ночь была тихой, если не считать жестокого ветра, что вовсю бушевал в доме, который я покинул.

После всего, что я увидел во время вечерней прогулки, я понял, что единственный для меня шанс добраться до храма — преодолеть живую изгородь. Я подумал, что, быть может, мне удастся пробраться между краем изгороди и стеной. Я пробрался — ценой большей части своей одежды и ценой собственной кожи. Дальше я увидел еще одну неровную лужайку, где было полным-полно колючих кустов, а затем крутой спуск к озеру. Я начал карабкаться по краю, заросшему осокой, и не посмел поднять глаз, пока не оказался на ступенях храма.

Там было ярче, чем днем. Огонь ревел. Сам воздух казался раскаленным, словно весь он превратился в пылающий эфир. И все же никакого пламени не было — только сияние, горячее сияние. В храм я войти не смог: струя нестерпимого жара, словно безжалостная рука, ударила меня по лицу, и я почувствовал, что волосы мои опалились…

Как вы знаете, я близорук, и, быть может, в чем-то ошибся, но очень похоже, видел я именно это. От алтаря огромный язык пламени устремлялся вверх и лизал крышу, и с его фронтона бежали потоки огня. Перед алтарем лежало тело — обнаженное тело Дюбелле, уже обгоревшее и черное. Больше в храме ничего не было, кроме головы Горгоны в стене, что была похожа на солнце, сиявшее в аду.

Наверное, я пытался войти. Все, что помню, как я отшатнулся назад, сильно опаленный. Я закрыл глаза и, глядя сквозь пальцы увидел, как пламя течет под стеной, где могли быть шкафчики или, возможно, был еще один выход. Затем громадная дубовая дверь вдруг сморщилась, как тряпка и в дом с ревом и грохотом влилась огненная река.

Я нырнул в озеро, чтобы облегчить боль, а потом побежал назад — быстро, как только мог, той дорогой, что сюда пришел. Дюбелле, бедняге, я ничем помочь не мог. Что случилось после этого, мне не совсем понятно, знаю только, что дом сгорел как стог сена. Я нашел одного из слуг на лужайке и, насколько помню, помог другому спуститься из его комнаты по одной из водосточных труб. К тому времени, когда приехали соседи, дом превратился в пепелище, а я был в чем мать

родила. Меня отвели в гостиницу и уложили в постель, и я оставался там до следствия и дознания. Очевидцы были озадачены, но сочли это смертью в результате несчастного случая: в то лето сгорело много загородных домов. От Дюбелле ничего не было найдено; от дома не осталось камня на камне, кроме нескольких почерневших столбов; алтарь и скульптуры потрескались настолько, что ни один музей не захотел взять их себе. К настоящему времени там ничего не перестраивали, и, насколько я знаю, и алтарь, и скульптуры остаются там, где были. Но возвращаться на их поиски я не собиралось.

* * *

На этом Найтингейл закончил свою историю и окинул взглядом аудиторию.

— Не ждите от меня объяснений, — сказал он, — у меня их нет. Можете поверить, если хотите, что бог Ваунус обитал в храме, построенном для него Дюбелле, и когда Дюбелле, его почитателя, все больше и больше начал одолевать страх и он, испугавшись, попытался последовать совету Сидония и изменить имя бога, которому посвящен храм, Ваунус разгневался и убил его огненным ветром. Этот ветер, кажется, и был

основным оружием Ваунуса. Сегодня мы знаем о нем больше, потому что в прошлом году в Уэльсе был найден и раскопан храм Ваунуса.

— Возможно, пожар вспыхнул из-за молнии, — предположил кто-то.

— Ночь была тихая, без грозы, — возразил Найтингейл.

— А разве деревня или село не могут быть расположены на вулканической почве? — спросил Пекуэдер. — А как насчет месторождений природного газа или чего-то в это роде?

— Возможно, вы в чем-то правы. Можете порадовать себя каким-то объяснением, если оно у вас найдется. Боюсь, я вам здесь не помощник. Все, что я знаю, это то, что я больше не собираюсь посещать эту долину!

— Что стало с вашим Феокритом?

— Сгорел, как и все остальное. Однако меня это мало беспокоило. Шесть недель спустя началась война, и у меня возникла куча других проблем, о которых следовало подумать.

V
«DIVUS»[68] ДЖОНСТОН
История лорда Ламанча

In deorum numerum relatus est non ore modo decementium sed et persuasione vulgi[69].

Suetonius

Мы обсуждали капризы честолюбия и пришли к выводу, что большинство прежних наград, за которые боролось человечество, потеряло свою позолоту. Например, королевства, которые младшие сыновья намеревались завоевать. Сошлись на том, что править государством в наши дни — дело тяжкое, а удовольствия от него всего ничего.

— Кроме того, занять трон и удержать его за собой в наши дни невозможно, — сказал Ли-

[68] Примечания: 68

Божественный (*лат*).

[69] Примечания: 69

«Был сопричтен к богам не только словами указов, но и убеждением толпы». Светоний. «Жизнь двенадцати цезарей». Книга первая. Божественный Юлий. Глава 88. *Перевод М. Л. Гаспарова.*

тен, вступая в разговор. — Возьмем Саравак[70]. Верховная власть над этой территорией может быть только в руках британского подданного и осуществляться от имени его величества.

Кто-то, поспорив с ним, заметил, что профессия пророка обладает намного большей реальной властью, чем королевская. Идея, внедренная в массы, никогда еще не являла собой такую силу, какой стала сегодня. Сэнди Арбетнот — он знал Ганди и восхищался им — описал нам этого необычного народного вождя — аскета, гения, мечтателя, ребенка.

— На короткое время, — сказал он, — Ганди стяжал куда большую власть над большей частью человечества, чем кто-либо до него, за исключением Ленина.

— А я когда-то знал Ленина, — сказал Фуллилов, путешественник, и мы все повернулись к нему. — Было это где-то лет двадцать с лишним назад, — продолжил далее Фуллилов. — Я работал в Британском музее и снимал квартиру в Блумсбери, а он жил на верхнем этаже того же

[70] Примечания: 70

Саравак — губернаторство в Малайзии. Расположено в северо-западной части острова Калимантан. В качестве королевства просуществовало с середины XIX до середины XX века. В этот период находилось под управлением британской короны.

дома. «Ильич» было именем, под которым мы его знали. Был он небольшого роста, с нависшими бровями и бледным лицом и в высшей степени удивительными сонными черными глазами, которые внезапно вспыхивали и загорались, когда какая-нибудь мысль приходила ему на ум. Был он весьма приятен и добродушен и мог часами играть с детьми хозяйки нашего дома. Как-то, помню, взял я его с собой на денек за город… Мне показалось, что Ленин — самый веселый человек на свете! Понимал ли я тогда, сколь он велик? Нет, конечно. Для меня он был заурядным марксистом, который хотел воскресить Россию при помощи гидравлики и электрификации. Мне казалось, что он забавно сочетал в себе мечтателя и вполне земного ученого-практика. И все же я понимал, что он может увлечь за собой своих соотечественников. Я бывал с ним на встречах с русскими — я, знаете ли, говорю по-русски, — и меня поразило то, что он мог настроить свою аудиторию так, что она смотрела на него, словно голодная овца. Мне он казался человеком, преисполненным твердого мужества и полной откровенности, а также, я бы сказал, какой-то демонической простоты… Нет, больше мы не встречались, но, как ни странно, я был в Москве на его похоронах.

Тогдашних русских географов весьма интересовало, как проходил старый маршрут Шелкового пути в Китай, и по их просьбе меня пригласили в Россию в качестве консультанта. Время для меня было не очень удобное, но все и каждый были со мной чрезвычайно обходительны. Так я увидел похороны Ленина, и если вы их не видели, вы не можете судить о его силе и мощи. Огромные черные похоронные дроги и сотни, тысячи плачущих людей, которые пришли ради поклонения… да-да, именно поклонения!

— Успешный пророк становится чем-то вроде бога, — сказал Ламанча. — Вы были когда-нибудь знакомы с богом, Сэнди? Нет? Я, признаться, тоже… Однако нынче такой бог живет где-то в Шотландии. У него даже фамилия есть — Джонстон. Однажды я встретился с его весьма близким другом. Расскажу вам эту историю, а уж поверите вы, что так оно было, или нет, ваше дело.

* * *

— Об этом, — начал он, — мне рассказал мой друг мистер Питер Томсон из «Джессивилля», что расположен на Максвелл-авеню в Стратбанго[71].

---

[71] Примечания: 71

Стратбанго — южный пригород Глазго в Шотландии.

Я считаю, что он не способен на ложь, то есть, говоря иными словами, у него нет воображения. Ныне он отставной капитан корабля, человек состоятельный, который в течение недели каждодневно играет два раунда в гольф и каждое воскресенье дважды посещает церковь, ту, что нового типа и с либеральным уклоном. Часто можно увидеть его, упитанного джентльмена, великолепно облаченного в суконный костюм и увенчанного одной из тех квадратных фетровых шляп, что у шотландцев являются символом респектабельности, когда он степенно шествует со своей супругой миссис Томсон по проспекту Бельморалс и Бельвьюз, где обитает аристократия Стратбанго. Однако встретил я его не в Стратбанго, а на клайдском пароходе, плывшем вокруг Малла[72]: там я провел бессонную ночь по дороге в Хайленд, где задумал порыбачить. Дул, как он выразился, «легкий ветришко», а я с отвращением глядел на зловонные койки, что стояли слева и справа на пути в столовую. Сидя позади дымовой трубы, — вокруг пахло яичницей с ветчиной, трюмом и свежим западным бризом, — он открыл мне свое сердце, и вот что я

---

[72] Примечания: 72

Клайд — река в Шотландии, *Малл* — остров на западе Шотландии.

в нем обнаружил.

— Когда мне было лет сорок, — сказал Томсон, — я был капитаном парохода «Арчибальд Маккелви» водоизмещением 1700 тонн, принадлежавшего компании Брок, Раттри и Линклейтер из Гринока. Мы в основном занимались торговлей с Китаем, но время от времени заходили на Малайский архипелаг и один-два раза в Австралию. Судно было построено, как говорят, с умом, им было легко управлять, и, не стану отрицать, не однажды мне казалось, что одной из многочисленных милостей, ниспосланных мне судьбой, было то, что капитаном этого славного судна назначен был именно я. Время от времени я принимал на борт кое-какой случайный груз, и мои комиссионные, что я зарабатывал на этой торговле, регулярно перечисляемые в британский Льняной банк в Мерихилле, постепенно выросли до весьма приличной суммы. Противопоказаний по здоровью для службы на Востоке у меня не было, телосложение было хорошее, а юность со всеми глупостями, ей свойственными, осталась позади. Должность меня вполне устраивала, у меня была приличная доля в акциях корабельной компании, и я бы с удовольствием провел остаток своих дней на «Арчибальде Маккелви».

Но Провидение думало иначе, потому что оно готовило суд тому кораблю — такой суд, о каком вы читали в книгах. Держа курс на Филиппины, мы находились в пяти днях пути до Сингапура, и наткнулись на странное морское мелководье. С неба — ни малейшего дуновения, зажги спичку — пламя не вспыхнет, а будет медленно тлеть, как тлеет гнилое дерево, и всяк из нас покрылся мелким потом с ног до головы. Я прекрасно понимал, что нас ждут ужасы ада, но не имел понятия, каким ужасным может быть ад. Сначала налетел ветер, который снес дымовую трубу с моей посудины с той легкостью, с какой наш судовой повар срезает кожуру с картофелины. Нас понесло вперед, и это было похоже на догонялки, в которые мы играли, когда были мальчишками. В первый момент огромное море отступает назад и смотрит на вас, а затем вы смотрите на него — так, словно вы с вершины Бен-Ломонд взираете вниз на Ласс[73]. Вскоре где-то в промежутке меж водами я увидел землю с громадными кроваво-красными горами и подумал про себя, что, если мы и дальше будем продвигаться в том же темпе, ничто не помешает моей посудине продвинуться

[73] Примечания: 73

Бен-Ломонд — гора в Шотландии, расположена у озера Лох-Ломонд в его восточной части. *Ласс* — деревня на западном побережье этого озера.

по суше на две-три мили вперед и закончить путь в чьем-нибудь огороде. И пока я думал, как нам вернуть «Арчибальда Маккелви» в его родную стихию, верный мой «Арчибальд» ударился о скалу и ушел на дно морское, избавив меня от лишних хлопот.

Я оказался единственным, кто остался в живых, и если спросите, как так получилось, скажу честно: не знаю. Я почувствовал, что задыхаюсь в круговороте, затем меня вышвырнуло наверх, в воздух, потом шлепнуло вниз и потащило в глубокие воды, затем снова вышвырнуло на воздух, но на этот раз, упав вниз, я очутился среди песка и стволов деревьев и, получив удар в голову, потерял сознание.

Когда я пришел в себя, было утро; шторм утих. Я лежал где-то примерно на полпути к берегу с мелким белым песком: волна, что своим течением принесла меня к берегу, вернула мне часть дороги при своем отливе. Всюду вокруг себя я видел последствия мощного удара стихии: деревья, поваленные, как спички, дохлая рыба, а также несколько досок, которые, подозреваю, были сорваны с «Арчибальда Маккелви». На голове у меня была большая шишка, но руки-ноги были целы, я оставался в здравом уме и твердой

памяти, хотя в желудке было пусто, а на сердце тяжело. Увы, я кое-что знал о здешних островах, одним из коих, как я полагал, был вот этот. Они представляли собой либо совершенно бесплодные пустоши, где не было ни пищи, ни воды, либо заселены самыми жестокими людоедами архипелага. Выбор мой, похоже, лежал между тем, чтобы ничего не есть, или быть съеденным самому.

Я встал на ноги и, возблагодарив Создателя, отправился в лес. Там было полно птиц, раскрашенных природой в самые причудливые цвета, и великое множество поваленных деревьев, и карабкаться по ним было чрезвычайно тяжело. Вскоре я набрел на открытое местечко, где протекал ручей, и утолил жажду. Это меня взбодрило, и мне уже стало казаться, что остров не так уж плох, и, осмотревшись, я начал искать что-то вроде кокосового ореха, как вдруг послышался свист, похожий на паровую сирену. То был своего рода сигнал, потому что в следующее мгновение я оказался в плену у дюжины дикарей. Они, крепко связав меня по рукам и ногам, быстро понесли свою добычу через лес.

Путешествие было тяжелое, и неудобства, причиняемые варварским обхождением, не давали времени задуматься о том, в какое отчаянное

положение я попал. Часа через три мы остановились, и я увидел, что мы прибыли в город. На улицах не на что было смотреть, дома были глинобитные с соломенными крышами, а на пригорке в самой середине города стоял огромный храм, мало чем отличавшийся от китайской пагоды. А еще там был человек, который дул в рог, и множество кричавших людей вокруг него, но я не обратил на них внимания, потому что меня сильно беспокоила судорога в левой ноге. Мои похитители отвели меня в одну из хижин и показали знаками, что в ней я переночую. Мне принесли воды, чтобы я мог помыться, и очень приличный обед, в который входили курица и овощи, мало чем отличавшиеся от нашей обычной зелени. Потом меня оставили одного, я лег и проспал целые сутки.

В хижине я пробыл три дня. Еды было много, люди были со мной весьма любезны, но на улицу меня не выпускали, и не было ни одного окна, откуда я мог бы выглянуть. Я никак не мог понять, что им нужно от меня. Я был у них в плену, но они не вели себя так, словно имели на меня какую-то злобу, и если бы не стражники у дверей, я бы даже мог подумать, что я у них почетный гость. Время тянулось медленно и тяжело, потому

что нечего было почитать, и не было света, при котором можно было бы читать. Я перебрал в уме все главы Библии и все шотландские песни, какие мог вспомнить, я даже попытался сочинить стих о своих приключениях, но споткнулся на пятой строке, потому что не смог найти рифму к «Маккелви».

На четвертое утро меня разбудил оглушительный грохот. Через дверь я увидел, что на улицах полно народу в праздничных одеждах, у большинства цветы в волосах и пальмовые ветви в руках. Все очень напоминало иллюстрации к Библии. После того как я позавтракал, пришли четверо местных парней, и, несмотря на мои протесты, сняли с меня одежду, и пока я сгорал со стыда, они натерли меня каким-то маслом, от которого пахло корицей. Затем они выбрили мне подбородок и изобразили на лбу какой-то знак, после чего я стал похож на масона[74]. Затем на меня надели что-то похожее на белую ночную рубаху с красным кушаком посередине, и, пользуясь тем, что я был не в силах в чем-то им помешать, они возложили мне на голову большой венок из

[74] Примечания: 74

Масон — член тайного общества, масонской ложи. По определению Владимира Даля, «масонами зовут у нас вольнодумцев, государственных и церковных». Организация возникла в Великобритании в XVIII веке.

оранжерейных цветов, каким украшают тех, кого собираются предать земле.

И вот тут для меня грянул гром среди ясного неба: я осознал весь ужас моего положения! Меня в самом деле собирались похоронить, принеся в жертву какому-то языческому богу. Ужасная судьба для старосты Свободной Церкви в расцвете всех его жизненных сил!

Меня охватил такой ужас, что я даже не пытался сопротивляться. Да и зачем? Пользы от этого было бы мало, потому что вокруг меня находились две сотни дикарей, вооруженных и обученных по всем правилам их военной науки. Меня посадили в нечто вроде паланкина, мои носильщики рысью двинулись вверх по холму к храму, при этом все население города бежало рядом и распевало песни о своем боге. Меня тошнило от страха, я не решался поднять глаза и не знал, какое жуткое зрелище меня ожидало.

И все же я нашел силы взять себя в руки. «Питер, — сказал я себе, — будь мужчиной. Вспомни своих святых предков, заключивших Договор со Всевышним. Ты был избран, чтобы свидетельствовать о своей религии, хотя не похоже, что эти дикари поймут, что ты говоришь». Поэтому я смолчал и решил перед смертью изложить свои

религиозные принципы, надавав дикарям по зубам своими кулачищами.

Мы остановились у дверей храма. Меня провели через двор и ввели в огромное помещение, похожее на амбар, где под потолком мелькали летучие мыши. Здесь сидели на корточках около трех тысяч язычников. Они распевали гимн, когда увидели меня, и я уже готов был вступить с ними в драку, когда мои носильщики понесли меня в другое место, которое я принял за святая святых[75]. Помещение было примерно вдвое меньше первого, и в его конце от крыши до пола свисал большой занавес из леопардовых шкур. Носильщики оставили меня посреди комнаты, а затем, придя в восторг, стали кататься на животах перед этими шкурами. Через некоторое время они закончили свои молитвы и выползли из этой части храма, оставив меня одного.

Ни разу в жизни мне не было так страшно, как тогда. Я был уверен, что за шкурами был спрятан ужасный идол и что в любую минуту жрец может бесшумно войти и перерезать мне горло. Можете сколько угодно болтать о мужестве, но я вам скажу, что человек, способный без колебаний

---

[75] Примечания: 75

Святая святых — самая священная часть храма.

ожидать своих убийц, стоя посреди мрачного кладбища, это сверхчеловек. Но я не таков, и мне не стыдно признаться в том, что тогда, в те минуты, зубы мои стучали, а пот крупными каплями выступал у меня на лбу.

Но ничего не случилось. Ничего, кроме того, что, пока я там сидел, я мало-помалу почувствовал очень сильный запах. Сначала я подумал, что языческий храм охватил пожар. Потом подумал, что так пахнет ладан, который жгут в католических церквах. Этот запах был мне знаком с той поры, когда однажды я забрел в католический собор в Сантьяго. Однако обе догадки оказались неверными, и я потрудился составить точное описание того, что ударило мне в нос. Спустившись на грешную землю, я вынужден был признать: то было ничем иным, как запахом вагонов поезда из Коатбриджа субботним вечером после футбольного матча, запахом табака, выкуренного в глиняных трубках, которые были плохо почищены. Глаза мои привыкли к свету, и я обнаружил, что место было не совсем уж темным, и когда я осмотрелся в поисках источника запаха, я заметил нечто похожее на дым, выходящий из-за верхней части занавеса.

И тут я увидел, что в занавесе есть дыра — при-

мерно на расстоянии шесть футов от пола, — и в этой дыре я заметил чей-то глаз. Сердце мое остановилось: я подумал, что передо мной жрец Ваала, который прямо сейчас воткнет в меня нож. Долго не мог я набраться смелости, чтобы взглянуть на этот глаз еще раз, и все же набрался. И тут я увидел, что то был не глаз дикаря, который был бы черным и налитым кровью, то был голубой глаз, и когда я посмотрел на него, он подмигнул мне.

Затем из-за дырявого занавеса раздался голос, и вот что я услышал:

— Господи, Питер, это ты? И как ты оставил их в Мери-хилле?

Занавес был отброшен в сторону, из-за него вышел высокий рыжеволосый мужчина крупного телосложения. На нем была розовая накидка, в зубах глиняная трубка. То был бог дикарей, и как вы думаете, кем он оказался? То был Джонстон, тот самый, что жил в Глазго в том же доме, что и я…

Чувства захлестнули мистера Томсона, и он, приняв от меня флягу, отхлебнул здоровенный глоток.

Вытирая слезу — он пролил ее то ли от радости, то ли от умиления, — Джонстон продолжил:

— Можете себе представить, как я обрадовался и удивился, увидев его, и как он, выражаясь высоким языком, пал мне на шею, — пал, подобно отцу блудного сына![76] За четыре минувших года он не видел ни одного шотландца! Он тщательно перебрал своих священников и, подобрав мне одного-двух, сказал им, что делать, и вскоре я со всеми удобствами поселился в той части храма, что близко примыкала к его собственным комнатам. Джонстон и его священники — ах, парень, это было благородное зрелище! Он, здоровенный, рыжеволосый, ростом шесть футов четыре дюйма[77], сильный как бык, голосище, как у норд-оста[78]; когда он появлялся, тамошние туземцы ползли перед ним, как улитки. Сроду в жизни не встречал человека с таким природным талантом — быть богом! Со стороны можно было подумать, что его готовили к этой работе с того самого дня, как он явился на свет, но я-то прекрасно помню времена, когда он держал бакалейную

---

[76] Примечания: 76
Притчу о *блудном сыне* см.: Лк. 15:11–32.

[77] Примечания: 77
Шесть футов четыре дюйма — 1 метр 95 см 7 мм.

[78] Примечания: 78
Норд-ост — северо-восточный ветер.

лавку на Далмарнок-роуд[79].

Той же ночью он рассказал мне свою историю. У него вроде бы наклевывалась должность в торговом доме в Шанхае, и он отправился туда на одной из Богом проклятых германских грузовых посудин, что оскверняют Китайские моря. Как и я, он попал в ураган, и, как у меня, корабль его был обречен. Он был отличным пловцом, и ему удалось удержаться на плаву, пока под руку не подвернулся обломок корабля. Он ухватился за него и, когда ветер стих, поплыл к берегу. Там его схватили дикари, и, как меня, они потащили его к себе в город. Они собрались принести его в жертву, но какой-то вождь, который был поумней своих соплеменников, обратил внимание на телосложение и физическую силу пленника и сказал дикарям, что они сейчас воюют с соседями и от этого здоровяка будет больше пользы в бою, а не на алтаре в храме.

И Джонстона отправили на войну. Он был отличный боец, и вскоре его назначили командиром королевской гвардии, а через пару недель — главнокомандующим всей армии. Он сказал, что никогда в жизни не испытывал радости

---

[79] Примечания: 79
Далмарнок — район в Глазго (Шотландия).

больше той, какую пережил во времена, когда он с войском возвращался с полей тогдашних сражений и население встречало его с песнями и цветами. А затем старый жрец нашел древнее пророчество о Красном Боге, который выйдет из моря и поведет народ к победе. Очень скоро возникла мощная партия, выступавшая за то, чтобы сделать из Джонстона бога, и когда с помощью нескольких динамитных шашек он взорвал столицу враждующей стороны и вернулся домой с триумфом и пленными, чувства народа невозможно было сдержать. Джонстона провозгласили божеством. Он плохо владел местным языком и, поскольку не мог толком объясниться с людьми, счел за лучшее подчиниться обстоятельствам.

— И заметьте, — сказал он, — для этих бедных, неразумных и невежественных людей я был добрым богом.

Он положил конец их самым дурным обычаям, отменил человеческие жертвоприношения; чтобы содержать город в чистоте, учредил что-то вроде городского совета, сделал армию самой боеспособной из всех, о каких когда-либо слышали на островах. А сейчас он готовился к отъезду. Как раз этого люди от него ожидали, потому что в пророчестве говорилось, что Красный Бог,

став спасителем своего народа, придя из-за моря, покинет его, уйдя в море. И потому, следуя его указаниям, ему построили нечто вроде лодки, на которой он надеялся добраться до Сингапура. Кроме того, он скопил немалое состояние — главным образом то были рубины, — потому что у него, у бога, было много возможностей разбогатеть честным путем. Он сказал, что перед его алтарем каждое утро открывалось что-то вроде овощной и мясной лавки, и он попросил одного из священников, у которого были некоторые представления о том, как вести дела, продавать ему, богу, кое-какие товары со скидкой.

Беспокоило мистера Джонстона только одно. Он был добрым христианином, церковным старостой в Коукадденсе[80] и нередко задавался вопросом, не совершает ли он смертный грех, принимая поклонение этих язычников-островитян. Я часто спорил с ним, но, похоже, так и не смог убедить его до конца.

— Видите ли, — говаривал он мне, — если я что и нарушил, так это дух, а не букву заповеди. Я не сотворил себе кумира, потому что вы не можете назвать меня кумиром.

---

[80] Примечания: 80
Коукадденс — район в Глазго.

Возражая ему, я напомнил о том, как вел себя Нееман[81], которому было позволено поклониться в доме Риммона, но Джонстон не принял моего довода.

— Нет-нет! — воскликнул он. — К моему случаю это не имеет никакого отношения! Вопрос не о моем поклонении в доме Риммона, а в том, что я и есть тот старый Риммон[82].

— Очень странная история, мистер Томсон, — сказал я. — И это все правда?

— Правдивей быть не может! Но вы не дослушали историю до конца. Мы покинули с ним это место, мало-помалу добрались до Сингапура, а с течением времени — до родимой земли. Джонстон стал богатым человеком, да и я не остался без своей доли, так что потеря «Арчибальда Маккелви» обернулась для меня самой большой удачей в жизни. Я купил долю в компании «Брокс Лайн», а Джонстон вбил себе в голову, что должен стать джентльменом, на меньшее он был не согласен.

---

[81] Примечания: 81

Неема́н — военачальник сирийского царя.

[82] Примечания: 82

«Только одно-единственное пусть проспит Господь мне, рабу твоему: когда мой владыка пойдет в храм Риммо́на, чтоб совершить там поклонение — а я сопровождаю его, веду под руку, — то и мне придется совершить поклонение в храме Риммона. Когда я буду поклоняться в храме Риммона, пусть Господь простит это мне, рабу твоему». — 4Цар. 5:8.

Он купил обширное поместье в Аннандейле[83], откуда были родом все Джонстоны, и так или иначе вложил в него огромные средства: земля пожирает деньги быстрее, чем море.

— А как его совесть? — спросил я.

— Совесть? Несколько успокоилась, — сказал мистер Томсон. — Он проявляет большой интерес к миссионерским организациям, которые работают за границей, и жертвует на их содержание большие деньги. Мне сообщили, что он дал средства на строительство нескольких новых церквей. А вот еще: его только что приняли в свои ряды либералы, и они выставят его кандидатуру на будущих выборах. Не далее как вчера я получил от него письмо. То, что с ним происходит, он называет своей политической карьерой. В письме он просит никогда ни единым словечком не напоминать о его прошлом. «Если осторожность была необходима и раньше, — пишет он, — то теперь она куда более необходима, потому что какое доверие может испытывать партия прогресса к человеку, если ей станет известно, что некогда он был богом?»

---

[83] Примечания: 83

Аннандейл — историческая область в южной части Шотландии.

VI
НЕУМОЛИМО ПРОТИВОСТОЯЩИЙ
История майора Оливера Пью

Когда же понял он, что перед ним —
Неумолимо противостоящий
Его жестокой, бессердечной цели…

Шекспир. «Король Лир». Акт II, сцена 1

Накануне вечером Бурминстер был на обеде в Гилдхолле[84], где присутствовали многие незнакомые — ему незнакомые — знаменитости. Впервые он видел живых, во плоти, людей, о которых давно знал и заранее судил согласно репутации каждого из них, и в каждом случае, как он заявил, его представление о них жестоко разрушалось. Знаменитый поэт, говорил он, был похож на букмекера, принимавшего начальные ставки, а финансист с мировым именем был, по

[84] Примечания: 84
Гилдхолл — здание, которое в течение долгого времени было резиденцией лорд-мэра Лондона.

его мнению, похож на учителя музыки из его подготовительной школы. Из всего этого Бурминстер сделал глубокий вывод: вещи никогда не бывают такими, какими кажутся.

— Это лишь потому, что у вас слабое воображение, — сказал Сэнди Арбетнот. — Если бы вы в самом деле поняли поэзию Тимсона, вы бы поняли, что она сочеталась с коротко остриженными рыжими волосами и толстым телом автора, и вам нужно бы знать, что у Макинтайра (он был финансистом) был музыкально-метафизический тип мышления. Вот почему он так озадачивает и напрягает Сити. Если вы достаточно ясно представляете себе дело, которым занимается человек, вы очень точно можете угадать, как этот человек будет выглядеть. Я не имею в виду цвет его глаз и волос, я имею в виду общее впечатление.

У Сэнди был милый обычай — подбросить за столом случайный парадокс с тем, чтобы вызвать собеседников на спор. На этот раз он расшевелил Пью, который пришел в военное министерство из Индийского штабного корпуса. Пью был весьма авторитетной фигурой на секретной службе, занимавшейся Востоком, но соответствующим образом не выглядел никак, потому что со сто-

роны походил на младшего офицера кавалерии, играющего в водное поло. Кожа туго обтягивала его скулы, словно костяшки сжатого кулака, и была такой темной, что казалась бронзой для чеканки. У него были черные волосы, черные глаза-бусинки и крючковатый нос, который у кельтов часто сочетается с этим цветом кожи. Сам он был очень хорошим опровержением теории Сэнди.

— Я не согласен, — заявил Пью. — По крайней мере, в качестве общего принципа я этого не принимаю. Та часть человечества, которую я изучал под микроскопом в течение двух мучительных лет, перевернула все мои представления, когда мне пришлось иметь с ней дело.

После этого он рассказал нам эту историю.

* * *

Когда меня перевели в Англию в ноябре 1917 года и поставили руководить ведомством, которое я бы назвал «отдел „тс!“» — служба располагалась на трех этажах дома, построенного на глухой улице еще в восемнадцатом веке, — я многое узнал о своем деле. Узнал вовремя. В мое распоряжение предоставили прекрасный народ — людей, никто из которых в прошлом не был рядовым солдатом.

Все они были образованными людьми — другие на этой работе служить не должны — и выходцами из разных слоев общества. Лучшим из них был лэрд[85] с Шетландских островов[86], другим был королевский адвокат суда Адмиралтейства, и, кроме того, под моим началом были химик-металлург, чемпион по гольфу, автор газетных передовиц, популярный драматург, несколько служащих суда и священник из Ист-Энда. Никто из них не думал ни о чем, кроме работы, и в качестве своего начальника они приняли меня беспрекословно, так, словно я был с ними с самого начала войны, с 1914 года.

О войне в обычном смысле этого слова они особо не задумывались. То же самое вы бы обнаружили во многих других тыловых службах, и это, возьму на себя смелость сказать, было хорошо — это успокаивало нервы и сосредоточивало умственные силы. Мы, в конце концов, должны были только расшифровывать немецкие сообщения и никакого отношения к их использованию не имели. Да, это было весьма любопытное гнез-

---

[85] Примечания: 85

Лэрд — нетитулованный дворянин в Шотландии.

[86] Примечания: 86

Шетландские острова — группа островов на северо-востоке Шотландии.

дышко, и когда наступило перемирие, мои люди были ошеломлены: до них не дошло, что их работа была связана с войной.

Больше всего мне был интересен мой заместитель Филип Ченнелль. Ему было сорок три года, росту в нем было около пяти футов и четырех дюймов[87], весом, по-моему, менее девяти стоунов[88] и почти слепой, как сова. Надев двойные очки, он достаточно разборчиво писал на бумаге, но с трудом узнал бы вас с расстояния трех ярдов[89]. Конечно, его не взяли — он мало подходил по всем физическим показателям и к тому же был значительно старше предельного возраста призыва на военную службу, — но он не согласился с отказом и вскоре начал беспокоиться о том, где бы он мог принести государству наибольшую пользу. К счастью, желанную работу он нашел и весьма преуспел на ней: я в жизни не встречал человека, у которого был бы такой же врожден-

[87] Примечания: 87

Пять футов и четыре дюйма равно 162,56 см. Переводчик, однако, затрудняется указать рост героя этой истории, потому что «около» звучит весьма неопределенно, а цифра приведена с точностью до миллиметров, и ни о каких «около» речи в данном случае быть не может.

[88] Примечания: 88

Девять стоунов равно 57,153 кг.

[89] Примечания: 89

Три ярда составляют 274,32 см.

ный талант к криптографий, как у него.

Не знаю, задумывался ли кто-нибудь из вас об этом умопомрачительном искусстве. Однако вам, конечно, известно, что тайнопись подразделяется на две части — коды и шифры, и что коды — это комбинации слов и шифров чисел. Помню, говорили, что невозможно открыть сколько-нибудь практически полезный код или шифр, и в каком-то смысле это верно, особенно для кодов. Понятно, что система связи, которую используют постоянно, не должна быть слишком сложной, и рабочий код, если у вас найдется достаточно времени, чтобы помозговать над ним, как правило, может быть прочитан. Вот почему пользователи время от времени меняют код. В большинстве кодов есть правила перестановок и составления комбинаций букв, и человек, давно занимающийся этим делом, становится удивительно ловким в области этих манипуляций. Какое-то время вы успешно читаете вражеские сообщения, но внезапно код меняется, и вам приходится заниматься этим заново и с самого начала… Можно, конечно, установить код, который возможно раскрыть только случайно — ключом к нему является страница какой-нибудь книги, — но, к счастью, подобный метод не нашел широкого

применения.

В общем, мы довольно успешно разобрались с кодами неприятеля и читали перехваченные вражеские сообщения, телеграфные и беспроводные, с большой легкостью и точностью. То была дипломатическая переписка, и особой важности она не представляла. Более ценная информация была зашифрована, и то была, как говорят в народе, другая пара ботинок. С помощью кода вы можете постепенно выстраивать некую систему дешифрования, но, имея на руках код, вы либо извлечете сведения, либо нет, и никаких промежуточных стадий здесь не существует. Шифр, поскольку он связан с цифрами, широчайшее поле для математической изобретательности. После того как буквы сообщения вы записали цифрами, есть много способов, при помощи которых вы можете зафиксировать сообщение и дважды заблокировать его. Двумя основными приемами, как вы знаете, здесь являются перестановка и подстановка, и использование того или другого или обоих приемов вместе пределов не имеет. Одним словом, назвать нашу работу отдыхом было бы несправедливо.

Бурминстер с озадаченным видом спросил Пью, как блокируют шифры.

— Слишком долго объяснять, — ответил Пью. — Грубо говоря, вы записываете сообщение по горизонтали цифрами, а затем разносите его по вертикальным столбцам, количество и порядок которых определяется ключевым словом, а затем выписываете содержание сообщения по горизонтали, следуя линиям, идущим поперек. Чтобы расшифровать сообщение, вы должны иметь в наличии ключевое слово, чтобы поместить его обратно в вертикальные столбцы, а затем в исходную горизонтальную форму.

— Это невозможно! — воскликнул Бурминстер, вскрикнув, как от боли. — Только не говорите мне, что человеческий мозг в состоянии разгадать этот фокус-покус!

— Но это делалось, и довольно часто, — возразил Пью.

— Вами?

— Господь с вами, нет, не мной. Я не могу разгадать простой кроссворд. Моими людьми.

— И вы всерьез утверждаете, — глухим голосом промолвил Бурминстер, — что могли погрузиться в мешанину чисел и вернуться назад, сколь бы они ни были перемешаны, вернуться к оригиналу, который имеет смысл?

— Я не мог, а Ченнелль мог — в большинстве

случаев! Видите ли, мы начинали наше дело не на пустом месте, не в темноте. Мы располагали множеством подсказок, что до нас использовал противник, и мы работали с различными уже разгаданными случаями до тех пор, пока не находили то, что нам нужно.

— Уму непостижимо! Пожалуйста, расскажите еще что-нибудь о вашем человеке, о Ченнелле.

— Но это вовсе не история Ченнелля, — возразил Пью. — Он попал в нее по стечению обстоятельств… Был один шифр, который мы никак не могли осилить. Его использовал немецкий Генеральный штаб для связи с войсками на Восточном фронте. То был закрытый шифр, и Ченнелль уделил ему больше времени, чем уделил бы любой дюжине других шифров, потому что эта работа взбодрила его. Однако он признался, что был положен на обе лопатки. Он не захотел признать, что задача неразрешима, но заявил, что ему нужно будет немного настоящей удачи, чтобы решить задачу. Я спросил, в чем может заключаться удача, и он ответил: в том, что неприятель может допустить ошибку или где-то повториться. Он сказал, что это дает шанс вывести уравнение, на основе которого выстроен данный шифр.

Этот особый шифр мы назвали «P.Y.» и ненавидели его всей душой. Мы чувствовали себя пигмеями, бьющимися у основания высокой каменной башни. Ченнелль и я совершенно измучились, пытаясь представить себе того, кому принадлежал мозг, в извилинах которого родился этот проклятый «P.Y.». У нас было довольно полное досье на членов штаба немецкой разведки, но, конечно, мы не могли знать, кто изобрел этот конкретный шифр. Мы знали только то, что его кодовое имя Рейнмар, что им он подписывал более простые сообщения на Восточный фронт, и Ченнелль, весьма романтичный малый, при всей его учености, вбил себе в голову, что Рейнмар был женщиной. Он описывал мне ее так, словно видел ее вживую — чертовку, молодую, красивую, с сильно накрашенным белым лицом и глазами, как у кобры. Похоже было, что в свободное время он попросту начитался дешевых романов.

Я видел картину по-другому. Вначале мне представился один из тех ученых типов, какими их показывают на сцене, тип человека с «безжалостными мозгами», с высоким лбом и челюстью, как у шимпанзе. Но это, похоже, не сработало, и я остановился на портрете офицера первого ранга германского Генерального штаба, такого же кра-

сивого, как Фалькенхайн[90], вышколенного от и до, абсолютно бесстрастного, с умом, что работал с безжалостной точностью хорошо отлаженной машины. Все мы в то время страдали от таких немцев, и когда дела шли плохо, так, как это было в марте 1918 года, я не мог спать от ненависти к нему. Это исчадие ада было водонепроницаемым и бронированным, Голиафом, который презирал камешки, что мы метали в него из наших ничтожных пращей[91].

Короче говоря, в сентябре 1918 года наступил момент, когда «P.Y.» обрел едва ли не общемировую значимость. То, что Германия делала в Сирии, имело огромное значение, и мы знали, что за всем этим стоит «P.Y.». Утром на столе Ченнелля лежала стопка перехваченных немецких радиосообщений, что были для него бессмысленны, как детские каракули. Меня подгоняли мои начальники, я же, в свою очередь, подгонял Ченнелля. У нас была неделя, чтобы найти ключ к шифру, после чего дело должно было продол-

[90] Примечания: 90

Эрих фон *Фалькенхайн* (1861–1922), германский военачальник. С 1915 г. — генерал пехоты. В 1913–1914 гг. занимал должность германского военного министра. Командовал 10-й армией во время германской интервенции в Советскую Россию.

[91] Примечания: 91

Легенду о Давиде и *Голиафе* см.: 1Цар. 17.

житься без нас… Если мы ничего не добились за восемнадцать месяцев спокойной работы, маловероятно, чтобы мы могли добиться успеха за семь лихорадочных дней. У Ченнелля голова шла кругом от переработки и тревоги. Я заходил в его грязную комнату и находил его изрядно поседевшим и сморщенным от усталости.

Да, эта история не про него, хотя есть у меня хорошая история, которую я смог бы рассказать в другой раз. Так получилось, что выиграли мы, выиграли, работая с почтой. «P.Y.» совершил ошибку. Однажды утром мы получили длинное сообщение, составленное en clair[92], затем очень короткое сообщение, а затем третье, почти такое же, как первое. Второе должно было означать: «Ваше сообщение, датированное сегодняшним числом, непонятно; пожалуйста, повторите его». Благодаря всему этому мы получили перевод какой-то — очень небольшой — части шифра. Но эта часть не помогла нам раскрыть шифр, и в течение полусуток Ченнелль был на грани умопомешательства, пока ему не пришло в голову, что Рейнмар мог бы подписать длинное послание своим именем, как делали иногда и мы, когда

---

[92] Примечания: 92
Обычным, открытым, нешифрованным текстом (*франц.*).

дело было чрезвычайно срочным. Он оказался прав, и в последний момент, когда в запасе у нас оставалось три часа, мы завершили операцию. Как я уже сказал, эта история стоит того, чтобы рассказать ее, но сейчас речь совсем не об этом.

Мы оба закончили войну слишком уставшими, чтобы думать о чем-то кроме того, что с этим проклятым делом было покончено. Но Рейнмар так долго был нашим противником, невидимым, но постоянно стоявшим у нас перед глазами, что мы сохранили к нему определенный интерес. Нам хотелось узнать, как он воспринял нашу победу, потому что он не мог не знать, что мы его победили. В большинстве случаев, когда вы побеждаете человека во время игры, вам он скорее нравится, но Рейнмар был мне совсем не по душе. В сущности, я превратил его в своего рода удобрение, питательную почву для всего, что мне не нравилось в немцах. Ченнелль по-прежнему считал, что мы имели дело с дьяволицей, а я бы почти уверен в том, что Рейнмар был молодым человеком, обладавшим интеллектуальным высокомерием, которое нисколько не уменьшилось после того, как его, страна потерпела поражение. Он никогда не признает поражения. Навряд ли я узнаю, кто он такой, но я чувствовал, что,

если бы я это узнал и если бы мы встретились лицом к лицу, моя неприязнь была бы полностью оправданна.

Как вы знаете, в течение года или двух после заключения мира я был довольно больным человеком. Большинство из нас были в таком состоянии. У нас не было стимула, чтобы вернуться к обычным удобствам цивилизации, как у людей, что прошли через окопы. Телесно мы были достаточно здоровы, но умственно утомлены, а от этого нет простого лекарства. Мое пищеварение нарушилось, и я пережил ужасное время, когда мне пришлось отлеживаться в постели, питаясь молоком и оливковым маслом. После этого я вернулся на работу, но проблемы с пищеварением постоянно возобновлялись, и всякий доктор вымогательски навязывал мне свои советы, отличавшиеся от советов таких же вымогателей. Я перепробовал все — сухие корма, легкую закуску каждые два часа, лимонный сок, кислое молоко, голодание, отказ от табака, — но любое из этих средств помогало лишь постольку-поскольку. Я стал обузой для себя и помехой для других, кое-как волочась по жизни с постоянной болью в животе.

Врачи не однажды советовали мне лечь на

операцию, но я относился к этим советам с осторожностью, потому что знал, что несколько моих друзей прооперировались, страдая теми же недугами, но остались такими же больными, как и раньше. Затем один человек рассказал мне о немце по имени Кристоф, сказал, что он мог бы отлично справиться с моими проблемами. Лучший в мире специалист по диагностике, сказал мне этот человек, и при этом никаких причуд и вывертов, потому что каждый случай он рассматривал отдельно и по существу. У доктора Кристофа был скромный курхаус[93] в месте под названием Розензее в Саксонской Швейцарии. К этому времени я совсем отчаялся и поэтому, собрав чемодан, отправился в Розензее.

Это был маленький тихий городок при входе в узкую долину, спрятавшийся под лесистыми холмами, чистое, свежее место с открытыми каналами проточной воды на улицах. Там были большая церковь с лукообразной остроконечной верхушкой, католическая семинария и небольшая кожевенная мастерская. Курхаус был расположен на полпути между основанием и вершиной холма, и я почувствовал себя лучше,

---

[93] Примечания: 93
Курхаус (*нем.* Kurhaus) — курортный дом.

как только увидел свою спальню с вымытыми полами и широкой верандой, выходившей на лесную поляну. Но я почувствовал себя еще лучше, увидев доктора Кристофа. Он был невысокого роста, с седой бородой, высоколобый, хромой, очень похожий, как мне кажется, на апостола Павла. Выглядел он мудрым — мудрым, как старая сова. По-английски он говорил отвратительно, но даже тогда, когда он обнаружил, что я довольно прилично изъясняюсь по-немецки, он не предпринял ничего ради того, чтобы заговорить со мной, клиентом, на моем родном языке хоть чуточку получше. Он не высказал никакого мнения о состоянии моего здоровья до тех пор, пока не понаблюдал за мной по меньшей мере неделю, однако я как-то успокоился, потому что решил, что мной занимается человек первоклассного ума.

Другие пациенты были в основном немцами, также было несколько испанцев, но, к моему удовольствию, я встретил там Ченнелля. С тех пор как мы с ним расстались, он тоже переживал трудные времена. Его бедой были нервы — общая нервная слабость и постоянная бессонница, — и в университете ему дали полгода отпуска для поправки здоровья. Бедняга был тощ, как воробей,

его большие глаза были тусклыми, а губы от бессонницы стали сухими. Сюда он приехал неделей раньше и, как и я, находился под наблюдением. Но его случай отличался от моего, потому что он был психически болен, и доктор Кристоф часами пытался привести в порядок, распутать его нервные клубки.

— Для немца он хороший человек, — сказал он в адрес доктора, — но он на неверном пути. С головой у меня все в порядке. Ультрафиолетовые лучи и массаж — вот что мне нужно, а он все время задает глупые вопросы о моей прабабушке.

Мы с Ченнеллем имели обыкновение совершать прогулки по лесу и, естественно, говорили о годах, когда работали вместе. Он жил преимущественно своим прошлым, потому что война была великим делом в его жизни, и его нынешние служебные обязанности казались ему скучными, тривиальными по сравнению с тем, что было прежде. Когда мы бродили среди увядшего папоротника и вереска, его мысли постоянно возвращались к грязной комнатке, где он курил дешевые сигареты и работал по четырнадцать часов в сутки. В особенности его интересовал наш давний противник Рейнмар, интересовал столь же страстно, как и в 1918 году. Он был более

чем уверен, что Рейнмар был женщиной, и, мне кажется, одной из причин, побудивших его попробовать вылечиться в Германии, была смутная надежда на то, что в Германии он сможет выйти на ее след. Я почти забыл об этом, и Ченнелль в роли неутомимого сыщика очень меня позабавил.

— Вы не найдете ее в курхаусе, — сказал я. — Быть может, она пребывает в каком-нибудь старинном замке здесь по соседству, ожидая вас, словно Спящая Красавица.

— Я серьезно, — жалобно промолвил он. — Это чисто интеллектуальная любознательность, но, признаюсь, я бы многое отдал, чтобы увидеть ее лицом к лицу. Я подумываю о том, что после того, как я пройду здесь курс лечения, я отправлюсь в Берлин, чтобы навести кое-какие справки. Но я обыкновенный инвалид, я никого не знаю, и у меня нет никаких полномочий. Почему бы тебе, у которого большой круг знакомств и куда больший авторитет, не взяться за это дело?

Я сказал ему, что мой интерес к этому делу давно ослабел и угас и я не горю желанием копаться в прошлом, но я пообещал помочь ему выйти на нашего военного атташе, если он действительно решил отправиться в Берлин. Я попытался убедить его в том, чтобы он как можно меньше

думал о войне. Я сказал ему, что должен попытаться закрыть дверь от всего, что способствует его нынешнему упадку сил.

— Доктор Кристоф так не считает, — решительно возразил он. — Наоборот, он поощряет мои разговоры именно о том, что меня тревожит. У меня, видите ли, к этому чисто интеллектуальный интерес. Я не испытываю никаких эмоций по этому поводу. К Рейнмар я испытываю довольно дружеские чувства, кем бы она ни была. Есть в этом, если хотите, какая-то романтика. Не так уж много романтических событий было в моей жизни, чтобы я захотел забыть о Рейнмар.

— Вы рассказали доктору Кристофу о Рейнмар? — спросил я.

— Да, — сказал он, — и его это слегка заинтересовало. Вы знаете, как он смотрит на вас своими мрачными серыми глазами… Сомневаюсь, чтобы он вполне понял, что я имел в виду, потому что скромный провинциальный доктор, даже если он и гений в своем деле, навряд ли много знает о методах и средствах борьбы Генерального штаба. Мне пришлось кое-что рассказать ему, потому что я должен рассказывать ему все свои сны, а мне в последнее время все чаще снится Рейнмар.

— Какая она из себя? — спросил я.

— О, личность она в высшей степени замечательная! Очень красивая, но жуткая. У нее длинные светлые волосы до колен.

Услышав это, я конечно же, рассмеялся.

— Ты путаешь ее с валькирией, — сказал я. — Представляю себе, в какой бы ты попал переплет, если бы встретил эту драконихи во плоти!

Но Ченнелль отнесся к этому весьма серьезно и заявил, что ее образ, как он представляет ее себе, нимало не похож на то, что виделось ему во сне. Он охотнее согласился с той чепухой, что я выложил ему о старом замке. Ему она, вероятно, представлялась знатной особой без гроша в кармане, одиноко живущей в усадьбе, огороженной рвом, где ей не на чем упражнять свой чудесный мозг, и ныне горем и стыдом она разъедает свое сердце. Он нарисовал ее столь привлекательной, что я начал думать, что он влюбился в плод собственного воображения, пока он не закончил свой монолог словами:

— И все же она чертовски отвратительна, и она должна быть проклята!

Через две недели я стал чувствовать себя совсем другим человеком. Доктор Кристоф подумал, что он на верном пути, и, конечно же, благодаря его глубокому массажу и нескольким простым ле-

карствам я обрел больше внутреннего комфорта, чем за минувшие три года. Он был так доволен моими успехами, что отказался обращаться со мной как с инвалидом. Он ободрял и поддерживал меня, когда я начал совершать длительные прогулки на холмы, и вскоре организовал для меня охоту на косулей в компании нескольких местных помещиков.

Прохладным ноябрьским утром я выходил до рассвета и поднимался на вершину одного из гребней, где встречал компанию охотников и загонщиков, которыми руководил парень в зеленой форменной одежде. Мы выстраивались вдоль гребня, и загонщики — с помощью прекрасной своры собак, в том числе охотничьей таксы, — гнали к нам косулю. Было это не очень умно организовано, потому что косуля обычно отступала, и людям было холодно ждать ее в первые часы среди падавшего снега и еловых ветвей, отяжелевших от инея. Но потом, когда солнце поднималось все выше, каждый чувствовал, что все же это был прекрасный способ провести день. Еды в сумках у нас было немного, и всякий раз, когда косуля или глухарь падали на землю, все ружья составлялись в стойку и мы выпивали

по рюмочке киршвассера[94]. Мне дали ружье, одно из тех ужасных штуковин, представляющих собой двуствольный дробовик и ружье одновременно, не приняв во внимание, что для перехода от одной модели к другой требуется математический расчет. Приспособа сия была снабжена курком, срабатывавшим от малейшего прикосновения, и когда я впервые пустил ее в ход, я чуть было не отправил на тот свет добропорядочного саксонского селянина.

Мы вместе обедали в полдень, а вечером, перед тем как разъехаться по домам, лакомились кофе с пирожными то на одной, то на другой ферме. Компания у нас была разношерстная: здоровенные фермеры и хилые, низкорослые местные помещики, хозяин гостиницы (кажется, их было двое), местный доктор и пара адвокатов из ближайшего городка. Вначале они немного стеснялись меня, но потом смягчились, оттаяли, и, проведя вместе целый день, мы стали добрыми друзьями. Они довольно откровенно говорили о войне, в которой принял участие каждый из них, говорили с большим достоинством и чувством здравого смысла.

---

[94] Примечания: 94
Киршвассер — крепкий алкогольный напиток.

Я научился ходить по невысоким саксонским холмам, и вскоре они перестали быть для меня серьезным препятствием. Но для большинства наших стрелков они по-прежнему оставались слишком тяжким испытанием, и вместо того, чтобы идти по склону прямо вверх или вниз, они всегда шли кружным путем, что было намного легче. Однажды вечером, когда мы, как обычно, стали расходиться, и загонщики пошли прямым, а охотники кружным путем, я почувствовал, что мне нужно размяться, и погнал загонщиков вниз, колотя их изо всех сил, и бóльшую часть часа поджидал своих сотоварищей, прежде чем мы собрались, чтобы перекусить на ферме. Загонщики, должно быть, обсуждали темп и скорость моего передвижения, потому что, когда мы уходили, один из наших стрелков, адвокат по фамилии Мейссен, спросил меня, почему я приехал в Розензее это время года, когда здесь совсем немного иностранцев. Я сказал, что остановился у доктора Кристофа.

— Он что, ваш личный друг? — спросил Мейсен.

Я сказал, что нет, что я заболел и приехал в его курхаус на лечение. Глаза моего собеседника выразили вежливый скептицизм: он не был готов к

тому, чтобы считать инвалидом человека, который сходил с холма, подобно снежной лавине.

Но когда мы шли с ним в морозных сумерках, разговор снова зашел о докторе Кристофе, о котором он, Мейсен, ничего не знал, и я лишний раз убедился в том, сколь мало ценят пророка в его собственном отечестве. В Розензее о нем мало что знали, разве только то, что как врач он был привлекателен для иностранных пациентов, что местному народу было непонятно. Мейсену были интересны приемы и методы коллеги, а также он хотел точно знать, в области каких заболеваний специализируется доктор Кристоф.

— Возможно, это избавило бы меня от поездки в Хомбург! — смеясь, воскликнул он. — Хорошо, когда опытный врач проживает в двух шагах от тебя. Доктор, я знаю, в какой-то мере отшельник и, похоже, не приветствует себе подобных и хорошо относится лишь к своим пациентам. Но он, вне сомнений, хороший человек, и есть люди, которые говорят, что на войне он был героем.

То, что он сказал, удивило меня, потому что я никак не мог представить себе доктора Кристофа в роли военного, и, кроме того, для подобной роли он был слишком стар. Я подумал, что Мейсен имеет в виду работу доктора в базовых госпи-

талях, но нет, доктор Кристоф побывал-таки в окопах: хромая нога свидетельствовала о его боевом ранении.

С доктором я беседовал очень мало, так как в моем случае не было нервных осложнений. Утром и вечером он твердил мне о моем питании, и в течение дня никаких серьезных разговоров между нами не было. Такой разговор у нас состоялся накануне моего отъезда. Он прислал записку, в которой сообщил, что хочет встретиться со мной не менее чем на час, и приехал с пачкой выписок и заметок, заглядывая в которые прочел мне что-то вроде лекции о моем заболевании. Только тогда я понял, какое безмерное количество внимания и глубоких размышлений он затратил на меня. Он решил, что его диагноз правилен — моя быстрая поправка свидетельствовала об этом, — однако в течение некоторого времени мне следовало соблюдать простой режим и следить за определенными симптомами. Поэтому он взял со стола листок бумаги и мелким четким почерком написал несколько простых заповедей, что мне следовало соблюдать.

В нем было что-то особенное: честные глаза, рот, который выглядел так, словно его часто сжимали от страдания, суровое доброжелательство

— все это я нашел необычайно привлекательным. Мне стало жаль, что в психическом плане я был похож на Ченнелля, и мне захотелось побыть в обществе доктора чуть подольше. Я втянул его в беседу и сразу почувствовал, что он не против. Мало-помалу мы заговорили о войне, и оказалось, что Мейсен был прав.

В ноябре 1914 года в качестве офицера медицинской службы доктор Кристоф был отправлен с саксонским полком на ипрский выступ[95] и провел там зиму. В 1915 году он был в Шампани, а в первые месяцы 1916-го — в Вердене, где сильно заболел ревматической лихорадкой. То есть он провел около семнадцати месяцев в непрерывных боях в самых гадких условиях, воюя почти без передышки. Для хрупкого невысокого человека средних лет — совсем неплохой послужной список!

В ту пору его семья, жена и маленький мальчик, проживала в Штутгарте. У него ушло много времени на то, чтобы, оправиться после лихорадки, и лишь после этого он перешел на домашний

[95] Примечания: 95

Ипрский выступ — расположен недалеко от бельгийского города Ипр. Здесь во время Первой мировой войны шли тяжелейшие бои. Здесь впервые в мировой истории человечества в апреле 1915 г. германские войска применили отравляющий газ.

режим.

— Война тогда закончилась, — сказал он. — Почти закончилась, но не совсем. Но этого времени мне вполне хватило на то, чтобы вернуться на фронт и получить рану в свою дурацкую ногу.

Должен вам сказать, что всякий раз, когда он упоминал о том, что ему пришлось пережить на войне, на лице его появлялась комическая осуждающая улыбка, словно он заранее соглашался с тем, кто мог подумать, что суровость, подобная той, что присуща ему, должна оставаться в постели.

Я предположил, что его домашний режим был связан с медицинскими процедурами, пока он не сказал что-то о том, что заржавел в своей профессиональной деятельности. Потом выяснилось, что речь идет о какой-то работе, связанной с разведкой.

— Говорят, у меня есть небольшой талант в математике, — сказал он. — Нет, я не ученый-математик, но, если вы меня правильно понимаете, определенные способности к математике у меня есть. Мой разум всегда счастливо бродил среди чисел. Поэтому я был настроен на то, чтобы составлять и толковать шифры, и то был странный антракт, перерыв в шуме войны. Я сидел

в маленькой комнатке, отключался от мира, окружавшего меня, и на короткое время был счастлив.

Он продолжал говорить об анклаве[96] мира, в котором он оказался, и, слушая его мягкий монотонный голос, я почувствовал внезапное вдохновение.

Я взял с подставки лист бумаги для заметок, нацарапал на нем слово «Рейнмар» и сунул ему. Понимаете, у меня была мысль, что я мог бы его удивить, подключив его к помощи, которую оказываю Ченнеллю в его исследованиях.

Но больше всего удивился я сам. Едва его взгляд упал на это слово, для него словно бы прогремел гром среди ясного неба, покраснел каждый дюйм его лица и лысого лба. Он с трудом вдохнул воздух и, выдохнув его с таким же трудом, промолвил:

— Откуда вы это знаете?

Ничего я, конечно, не знал, но теперь, когда узнал, мое знание лишило меня дара речи. То был «неумолимо противостоящий», к которому Ченнелль и я тогда, во время войны, питали нашу ненависть. Когда я вышел из оцепенения, я обнаружил, что он восстановил душевное равно-

---

[96] Примечания: 96

Анклав — территория государства, полностью или частично окруженная другим государством.

весие и говорит медленно и отчетливо, словно священник-формалист на исповеди.

— Вы были среди моих противников… меня это глубоко интересует… Я часто задавал себе вопрос… Но вы в конце концов победили меня. Вы знаете об этом?

Я кивнул:

— Только потому, что вы совершили ошибку, — сказал я.

— Да, совершил. И я виноват, очень серьезно виноват, потому что позволил своему личному горю затуманить мой разум.

Он, казалось, колебался, словно ему не хотелось пробуждать в своей памяти что-то очень трагичное.

— Ладно, я вам скажу, пожалуй, — промолвил он наконец. — Мне часто хотелось — то было ребяческое желание — оправдать свою неудачу перед теми, кто ею воспользовался. Мои начальники это, конечно, понимали, но не понимали мои противники. В тот месяц, когда я потерпел неудачу, я пребывал в глубокой скорби. У меня был маленький сын, его звали Рейнмар, помните, я взял это имя в качестве кодовой подписи? — В этот момент его глаза смотрели сквозь меня, всматриваясь в какое-то видение прошлого. — Он

был, как вы говорите, моим талисманом. Он был для меня всей моей семьей, и я обожал его. Но в те дни съестного было совсем мало. Мы жили не лучше многих миллионов немцев, и ребенок он был хилый. В последнее лето войны он заболел чахоткой от недоедания и в сентябре умер. А потом я подвел свою родную страну, потому что вместе с сыном мой разум покинуло какое-то очень важное свойство. Видите ли, моя работа была, так сказать, и его работой, потому что мое имя было его именем, и когда он покинул меня, он забрал мой талант вместе с собой. Я начал делать ошибки — одну за другой. Остальное вы знаете.

Он сидел, глядя куда-то мимо меня, такой маленький и одинокий, что я чуть не взвыл от жалости и тоски. Я положил ему руку на плечо и пробормотал какую-то банальность насчет того, что мне жаль, что я сожалею о том, что произошло. Минуту или две мы сидели совершенно неподвижно, а потом я вспомнил Ченнелля. Ченнелль, наверное, излил бы доктору Кристофу всю свою душу до самого дна, повествуя о человеке по имени Рейнмар. Я спросил доктора, знает ли он Ченнелля.

На его лице мелькнула улыбка.

— Нет, конечно. И я потребую от вас дать обе-

щание никогда не передавать ему то, что я сказал вам. Он мой пациент, и сначала я должен изучить его случай. В настоящее время он думает, что Рейнмар — злая и красивая женщина, с которой он когда-нибудь встретится… Все это, конечно, чистая романтика, но для него хорошо, что он так думает… Если бы кто-нибудь рассказал ему правду, его положение стало бы совсем жалким, а в положении герра Ченнелля важно, чтобы его не раздражали такие эмоции, как жалость.

VII
СПОЙ ПЕСНЮ ЗА ШЕСТЬ ПЕНСОВ
История сэра Эдварда Лейтена

Воздействие ночи, любой текущей воды, городов, залитых светом, проблеска дня, кораблей и открытого океана вызывает в уме армию безымянных желаний и удовольствий. Что-то, мы это чувствуем, должно произойти. Мы не знаем, что, но продолжаем поиски того, чего не знаем.

Роберт Луис Стивенсон

Челюсть резко выдавалась вперед, губы сжаты, — так было всегда, когда Лейтен одерживал большой судебный успех. Кроме того, у него, хлебнувшего немецкого газа в 1918 году, кожа была бледной, что со временем стало привычным и для него, и для окружающих и воспринималось не как проявление нездоровья, а как признак того, что он городской житель. На самом деле он был одним из самых стойких и мужественных людей, каких я знал в своей жизни, но случайный наблюдатель мог бы догадаться по цвету его лица, что он редко покидает городские мостовые.

Бурминстер, вернувшийся через месяц из тех благословенных мест, где под ногами не булыжник, а зеленая трава — при этом лицо его было обветрено, как у настоящего моряка, — выразил свое мнение по этому поводу однажды вечером.

— Вы всегда выглядите, как самый настоящий житель Сити. Как вам это удается, Нэд? — спросил он. — Вы, прямо ни дать ни взять, такой же лондонец, как парижанин — парижанин, если вы понимаете, что я имею в виду.

В ответ Лейтен сказал, что ему не стыдно за это, и начал восхвалять столицу.

— В Лондоне, — сказал он, — вы всегда рано или поздно встретите всех, кого знали раньше; вы можете приложить руку к любому знанию, какое вам нужно; вы можете дергать за ниточки, которые управляют самой внутренней Сахарой и самым верхним Памиром. Романтика поджидает вас на каждом уличном углу. Лондон — настоящий город халифов.

— Да, так говорят, — с грустью промолвил Сэнди Арбетнот, — но я так никогда не считал. В Лондоне я просто зеваю от скуки. Ничто забавное не ищет, не находит меня, я сам должен идти и искать его, и всякий раз, когда нахожу, оно мне обходится черт знает во сколько!

— Однажды судьба уделила мне довольно щедрую порцию романтики, — сказал Лейтен, — и это обошлось мне ровнехонько в шесть пенсов.

И он рассказал нам вот эту историю.

* * *

Случилось это много лет назад, как раз тогда, когда я начал преуспевать в адвокатуре. Весь по уши в делах, я проводил целые дни в суде и в палатах, но я был молод и у меня был юношеский аппетит к обществу, поэтому я ужинал, как правило, вне дома и посещал больше танцевальных вечеров, чем мне было нужно. После тяжелого дня было приятно окунуться в другую жизнь. Жил я в то время на Даун-стрит в том же доме, что живу теперь, только двумя этажами выше.

В один из февральских вечеров я обедал в Брайанстон-сквер с представителями семейства Нэнтли. Молли Нэнтли была моим давним другом, и приглашала меня, одинокого холостяка, на свои большие ужины. Она была молодой хозяйкой, полной амбиций, и в ее доме можно было встретить людей самого разного рода. Конечно, то были в основном политики, но также бывали редкие представители искусства и литературы, и любой заезжий лев был желанным гостем в этом

доме. Молли была весьма невинной охотницей на львов и питала к ним особое пристрастие.

Я мало что помню о том ужине, кроме того, что главный гость подвел ее. Молли горько плакала. Он был южноамериканским президентом, который за год до этого устроил веселенький государственный переворот, а сейчас был в Англии по делу, касающемуся финансирования его государства. Возможно, вы помните его имя — Рамон Пелем; за год-два он наделал много шума в этом мире. Я читал о нем в газетах и с нетерпением ждал встречи с ним, потому что он проложил себе путь к власти необычайной смелостью и отвагой и был совсем молод. Ходили слухи, что он наполовину был англичанином и что его дедушку звали Пелем. Не знаю, было ли это правдой, но он хорошо знал Англию, и англичанам он пришелся по душе.

Обстоятельства сложились так, что за час до ужина он позвонил по телефону и отказался от визита. Молли была чрезвычайно огорчена. Другие гости перенесли потерю более сдержанно: похоже, они думали, что «Пелем» это всего лишь сорт сигар.

В те дни ужины начинались раньше, а танцы позже, чем теперь. Я не собирался задерживаться

надолго, но решил пораньше уйти и, вернувшись туда, где проживал, прочесть сводки, а затем побывать на балу у леди Сэмплер между одиннадцатью и двенадцатью. Итак, в половине десятого вечера я ушел.

Джервис, старый дворецкий, мой друг и союзник с детства, стоял на пороге, меж тем как на площади перед домом собралась большая толпа, которая к тому моменту, когда я там появился, редела у меня на глазах. Я спросил, что случилось.

— Случился арест, мистер Эдвард, — ответил дворецкий с благоговейным страхом. — Я как раз был в столовой и подавал кофе, но наш Альберт все видел. Он сказал, что арестовали двух иностранцев — по виду самые настоящие мошенники, — полиция застукала их прямо у этих дверей. Констебли, проворные ребята, похватали их за шкирки до того, как они успели пустить в ход пистолеты, а пистолеты у них точно были, в том нет сомнения. Альберт говорит, что видел при них оружие.

— Они намеревались ограбить вас? — спросил я.

— Не могу сказать, мистер Эдвард. Но я распоряжусь, чтобы на нынешнюю ночь все было заперто особо тщательно.

Извозчиков поблизости не было, и я решил прогуляться и поймать какой-никакой транспорт по дороге. Когда я добрался до Грейт-Камберленд-плейс, начался сильный дождь. Я уже был готов сесть в любой экипаж, проезжавший мимо, и сунул руку в карман. Там я обнаружил одии-единственный шестипенсовик.

Конечно, я мог бы заплатить извозчику после, добравшись до своей квартиры. Однако дождь вроде бы ослаб, и я предпочел погулять еще. У Молли в столовой было душно, весь день я провел в суде… Короче, захотелось подышать свежим воздухом.

Однако еще до того, как я добрался до Мраморной арки, хлынул нешуточный ливень. Я вошел в парк, потому что даже в феврале там можно хоть как-то укрыться под деревьями.

Я прошел мимо одного-двух торопливых пешеходов, но место было почти пустынным. Случайные фонари отбрасывали лишь пятна света во тьме, насыщенной каплями дождя, и мне пришло в голову, что эта странная часть великого города, где сошлись мрак и одиночество, находится так близко к людным улицам, потому что с дождем сюда пришел негустой туман. Мне было жаль бедняг, для которых это место стало

их единственным домом. Один из них сидел на скамейке, мимо которой я прошел. Воротник его тонкого потрепанного пальто был поднят вверх, а жалкая старая фетровая шляпа опущена вниз, так что со стороны были видны лишь несколько квадратных дюймов его бледного лица. Пальцы его ног торчали из ботинок, и он, казалось, был погружен в отчаяние.

Я прошел мимо него, а затем повернул назад. Случайная благотворительность — легкая добыча для совести, и я, надо признаться, слишком часто предаюсь ей, попадаясь на удочку, заброшенную самим собой. Когда я подошел к человеку, он, похоже, напрягся, и его руки зашевелились в карманах.

— Поганая ночь, — сказал я. — Вот шесть пенсов. Возьмете?

С этими словами я протянул свою единственную монету.

Он поднял лицо, и я вздрогнул. Глаза, смотревшие на меня, не были глазами бездомного никудышного человека. Они были яркими, проницательными, в них чувствовались достоинство и авторитет, и они были молоды. Я почувствовал, что они увидели во мне больше, чем я в нем.

— Большое спасибо, — сказал он, взяв монету,

и это был голос образованного человека. — Но, боюсь, мне нужно гораздо больше, чем шесть пенсов.

— Сколько же вам нужно? — спросил я.

Передо мной был явный оригинал.

— Если быть точным, пять миллионов фунтов.

Он, конечно, был сумасшедшим, но меня очаровал этот образчик рода человеческого.

— Пока ваш корабль не вернется домой, — торжественно промолвил я, — вам нужны крыша над головой и постель, Шесть пенсов — это все, что у меня есть. Но если вы последуете за мной туда, где я живу, я дам вам столько, сколько нужно заплатить за то, чтобы переночевать одну ночь. Думаю, я смогу найти для вас что-нибудь из старой одежды.

— Где вы живете? — спросил он.

— Здесь недалеко, на Даун-стрит. — И сообщил ему номер дома.

Казалось, он задумался, а затем бросил взгляд в обе стороны — в сумрак за дорогой. Быть может, то была моя фантазия, но мне почудилось, что я увидел, как что-то шевельнулось в темноте.

— Кто вы? — спросил он.

Я ужасно промок, но тем не менее подвергся допросу этого бездомного бродяги. Чудеса!

— Я юрист, — сказал я.

Он снова взглянул на меня, причем довольно пристально.

— У вас есть телефон? — спросил он.

Я кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Вы мне кажетесь добрым малым, и я поверю вам на слово. Я последую за вами… Только не оглядывайтесь, пожалуйста. Это важно… Я буду на Даун-стрит, как только вы… *Marchons*[97].

Звучит нелепо, но я сделал именно так, как мне было велено. Я никогда не оглядывался назад, но на звук шагов, если кто-то шел за мной следом, держал ухо востро. Мне показалось, я услышал эти шаги, но потом они стихли. Я свернул у парка Гросвенор-гейт и пошел по Парк-лейн. Когда я дошел до дома, где была моя квартира, я осмотрел улицу, но она была пуста; на ней не было ничего, кроме четырехколесного экипажа, который кого-то ждал. Но едва я повернулся, я увидел, что кто-то бежит в конце Хартфорд-стрит. Внезапно бежавший остановился, и я увидел, что это не тот человек, которого я оставил.

К моему удивлению, я обнаружил бродягу на

---

[97] Примечания: 97
Пойдемте! (*франц.*).

площадке перед своей квартирой. Я хотел было сказать ему, чтобы он остался снаружи, но едва я открыл дверь, он прошел мимо меня и вошел. Мой слуга, который не оставался на ночь в квартире, оставил свет в маленькой прихожей.

— Заприте дверь, — сказал бродяга властным тоном. — Извините, что я здесь командую, но, уверяю вас, это важно.

Затем — здесь мне пришлось удивиться во второй раз — он скинул промокшее пальто и сбросил свои позорные ботинки. То были странные ботинки: со стороны они выглядели так, словно его пальцы торчали из них, но на самом деле совершенно целые, они были частью камуфляжа. Он предстал передо мной в нижнем белье, и я заметил, что оно из тончайшей ткани.

— А теперь ведите меня к вашему телефону, — сказал он.

Свобода, с какой он вел себя, стала меня раздражать.

— Кто вы такой, черт побери? — спросил я.

— Я президент Пелем, — с достоинством ответил он. — А вы?

— Я? О, я германский император!

Он засмеялся.

— Вы сами пригласили меня сюда, — сказал

он. — Пригласили — терпите. — Затем он пристально взглянул на меня: — Послушайте, а ведь я раньше встречал вас. Вы Лейтен. Я видел, как вы играли у Лорда. В тот год я играл за Харроу под двенадцатым номером… А сейчас проведите меня к вашему телефону.

Было что-то в этом парне, что-то дерзкое, жизнерадостное и молодое, что остановило все протесты с моей стороны. Он мог быть президентом Пелемом, а мог и не быть, но никудышным бродягой он точно не был. Кроме того, в тот момент он показался мне необычно взволнованным, как будто то, что происходило в те минуты, было чрезвычайно важно, и он заразил меня тем же чувством. Не промолвив больше ни слова, я повел его в гостиную. Он бросился к телефону, назвал номер, его тут же соединили, и он начал разговор, из которого до моего слуха не доходило ничего, кроме односложных реплик.

Монолог показался мне сумбурным и беспорядочным. Были упомянуты Брайан-сквер и парк, кому-то был передан номер моего дома. Слышались иностранные имена, Педро и Алехандро, Мануэль и Альказа, слышались короткие вопросы. Потом я услышал:

— Хороший парень, похоже, может быть поле-

зен в заварухе.

И я подумал, что, быть может, речь шла обо мне.

Потом мой гость что-то очень быстро проговорил по-испански, а затем:

— Явитесь сюда не мешкая — они будут здесь раньше вас. Пусть полицейские будут внизу, но не позволяйте им приближаться. Мы должны найти в себе силы справиться с этим делом сами. Да, скажите Бертону, пусть позвонит сюда, как только у него будут новости.

Затем он продиктовал номер моего телефона.

Я подложил угля в камин, переоделся в твидовый пиджак и закурил трубку. Затем принес из спальни халат и бросил его на диван.

— Лучше наденьте вот это, — сказал я, когда он кончил разговор.

Он покачал головой.

— В том виде, в каком я сейчас, я чувствую себя свободнее, — сказал он. — Но очень хотелось бы выкурить сигарету… и выпить ликера-коньяка, если у вас есть такая штука. В этом вашем парке чертовски холодно.

Я предоставил ему все, что ему было нужно, и он растянулся в кресле, вытянув ноги в чулках к огню.

— У вас добрая душа, Лейтен, — сказал он. — Вальдес — это мой адъютант — скоро будет здесь, и до него, вероятно, придут другие гости. Но я думаю, у меня есть время для того, чтобы ввести вас в курс дела хотя бы вкратце. Мой к вам вопрос: вы верите тому, что я вам сказал?

Я кивнул.

— Хорошо. Итак, сэр, я приехал в Лондон три недели назад, чтобы взять заем. Это был вопрос жизни или смерти для моей большой и бестолковой страны. Но мне это удалось. Сегодня днем соглашение было подписано. Сумму я вам, кажется, назвал — пять миллионов фунтов стерлингов. — Он счастливо улыбнулся и выпустил в воздух кольцо дыма. — Должен сказать вам, что у меня есть враги. Среди тех, кого я осчастливил своим президентством, много негодяев, и мне пришлось жестоко расправиться с ними. «Столь грязное небо не очищается без бури»[98]. Это Шекспир, не так ли? Я учил это в школе. За мной, видите ли, стояла святая церковь, и потому против меня выступило все мелкопоместное дворянство, провозгласившее себя освободителями. Красные масоны, анархисты, коммунисты

---

[98] Примечания: 98

В оригинале — «So foul a sky clears not without a storm». Шекспир, «Король Иоанн», акт IV, сцена 2.

и тому подобные. Многие из них ныне вкушают покой под могильным дерном, но некоторые — из худших — уцелели. Когда я отправился в Англию, за мной последовали шестеро, которым было дано задание — сделать все, чтобы я не вернулся на родину. Могу откровенно признаться, Лейтен: самым скверным временем для меня были последние три недели. Самым важным было то, что до погашения займа со мной ничего не должно случиться, и я вынужден был вести очень замкнутый образ жизни. Это никак не отвечало моей натуре, потому что, уверяю вас, я предпочитаю наступление обороне. Английская полиция была очень дружелюбна, и я шагу не ступал без охраны ваших и моих людей. Шестерка хотела убить меня, и если вы не возражаете против того, чтобы вас убили, сделать это очень легко, и потому мы приняли тщательно продуманные меры предосторожности. И тем не менее здесь, в Англии, я дважды чуть не погиб. В первый раз таинственно сломалась моя двухколесная повозка, тут же собралась толпа, и если бы не извозчик, проезжавший мимо, мне бы точно всадили нож под ребра. Во второй раз дело было на общественном ужине: угостили некачественным кайенским перцем, подаваемым с устрицами, и

один из моих сотрудников до сих пор серьезно болен. — Он вытянул руки. — Итак, первый этап пройден. Что бы со мной ни случилось, повлиять на заем, отменить его они уже не смогут. Теперь я волен избрать иную тактику и перейти в наступление. В моей родной стране я этих шестерых не боюсь. Здесь я могу принять меры предосторожности, и им будет трудно пересечь границу или прожить хотя бы шесть часов, если им это удастся. Но здесь вы свободные люди, и принять меры предосторожности не так-то просто. И все же я не хочу покидать Англию. Я сделал свою работу и заслужил небольшое послабление. Я знаю вашу страну, люблю ее и с нетерпением жду встречи со своими друзьями. Также я хочу побывать на больших национальных охотничьих скачках. Поэтому нужно сделать так, чтобы мои враги немного посидели в тюрьме, пока я отдыхаю. Я перешел в наступление. Я намеренно подставился, подверг себя опасности, исходящей от моих врагов.

Он обратил ко мне свои танцующие глаза, и, должен признаться, редко кто в моей жизни производил на меня впечатление такой дикой и веселой дерзости.

— У нас превосходная система разведки, — про-

должал он, — и за шестеркой ведется тщательная слежка. Но, как я уже говорил вам, никакие меры предосторожности против фанатиков не действуют, и я не хочу, чтобы меня убили во время моего маленького отпуска. И я решил навлечь на себя их огонь, выставить себя, так сказать, наживкой, чтобы иметь возможность поймать их сетью. Шестерка обычно ведет охоту попарно, так что в этой пьесе нужно было подготовить три отдельных акта, если бы понадобилось собрать их всех вместе. В первом акте…

— Он состоялся на Брайанстон-сквер, — не сдержавшись, перебил я его, — возле дома леди Нэнтли, не так ли?

— Верно. А вы откуда это знаете?

— Я только что отужинал там и слышал, что вас ждут. Когда уходил, я видел толпу на площади.

— Кажется, все прошло, как надо. Мы приложили все усилия для того, чтобы стало известно, где я ужинаю. Шестерка заподозрила меня в том, что я вожу ее за нос, и отрядила для этой работы только двоих. Они никогда не кладут все яйца в одну корзину. Двум джентльменам было велено устроить сцену, и, поскольку они оказались хорошо вооруженными, их взяли под стражу, и они могут получить шесть месяцев заключения. Все получи-

лось мило и славно, однако эти двое — наименее ценные агенты. Мы зовем их Маленький Педро и Алехандро Грамотей. Оба — нетерпеливые, неловкие дети. Остались четверо.

В этот момент зазвонил телефон, и он протянул к трубке свою левую руку.

Новости, что он получил, по-видимому, были добрыми, потому что он повернул ко мне улыбающееся лицо:

— Мое маленькое предприятие в парке имело блестящий успех… Но мне следует кое-что объяснить. Я должен был стать приманкой для моих врагов, поэтому я появился перед остальными четырьмя. Они потеряли меня у Мраморной арки и не узнали меня в том чучеле, что сидело на скамье под дождем. Но они знали, что я ушел от них, как сквозь землю провалился, где-то в том месте, и цеплялись за след, как терьеры. Вот-вот они должны были обнаружить меня, вот-вот должна была начаться стрельба… Тем временем некоторые из моих людей прятались в тени между дорогой и оградой.

— Когда я вас увидел, ваши враги были рядом? — спросил я.

— Двое были на противоположной стороне дороги. Один стоял под фонарным столбом у ворот.

Не знаю, где в тот момент был четвертый. Но все они так или иначе проходили мимо меня, и не раз. Кстати, вас и самого могли подстрелить, вы же понимаете… Когда вы спросили, устроят ли меня шесть пенсов… Случилось так, что это был их пароль. Я очень доволен тем, что сразу сообразил, что вы человек безобидный.

— Почему же вы покинули парк, если так хорошо расставили ловушку? — спросил я.

— Потому что это означало, что мне придется иметь дело со всеми четырьмя сразу, и я делаю им честь, тратя нервы на их гоп-компанию. А пушки у них, надо сказать, всегда наготове. Мне нужен был шанс разбить эту стаю, и ваше появление дало мне его. Когда я ушел, двое, как я и предполагал, увязались за мной. Моя машина стояла на Парк-лейн, меня подвезли, и один из них увидел меня в ней. Я их немного поводил за нос, но к данному моменту они должны были быть во всем уверены. Моя машина, видите ли, уже несколько минут ждала меня возле этого дома.

— А как насчет двух других? — спросил я.

— Бертон сразу позвонил, сообщил, что была небольшая захватывающая стычка и компанию таки загребли. Вашей полиции, должно быть, показалось, что это серьезный случай ограбления на

дороге: два парня, по виду настоящие хулиганы, задерживают мирного пожилого джентльмена, который возвращается с ужина. На работу я беру старых солдат, ветеранов индийских войн, а уж они-то умеют двигаться мягко… Я только хотел знать, кто были те, кого взяла полиция. Бертон этого точно не знал. Одним был Алькаса, а насчет второго я не могу быть уверен. Надеюсь, он не ирландец.

В этот момент громко и ровно зазвенел мой дверной звонок.

— Через несколько секунд я решу эту проблему, — весело сказал президент. — Боюсь, мне придется побеспокоить вас, чтобы вы открыли дверь, Лейтен.

— Это ваш адъютант?

— Нет, Вальдесу я приказал постучать. Это те, что остались от шести. А теперь послушайте меня, мой друг. Эти двое, кем бы они ни были, пришли сюда, чтобы убить меня, а я вовсе не хочу, чтобы меня убили… Мой первый план состоял в том, чтобы Вальдес и другие были здесь и чтобы двое моих врагов попали в ловушку. Но перед тем, как позвонить по телефону, я передумал. Враги мои — люди умные, и к этому времени они будут очень и очень осторожны. Поэтому я придумал

нечто иное.

Звонок прозвонил во второй раз и — очень настойчиво — в третий.

— Возьмите это. — И он протянул пару маленьких пистолетов с голубоватым отливом. — Когда вы откроете дверь, вы скажете, что президент дома и в знак доверия предлагает вам эти штучки. «Une espèce d'Irlandais, Messieurs. Vous commencez trop tard, et vous finissez trop tôt»[99]. А затем приведете их сюда. А теперь быстро! Надеюсь, Корбалли — один из них.

Я сделал все в точности, как мне было сказано. Не скажу, что мне понравилось это дело, но я, совершенно очарованный молодым человеком, смирился с тем, что моя квартира превратилась в место свидания отчаянных людей. Перед этим я запер дверь на замок и вставил цепи, и мне потребовалось несколько минут, чтобы открыть ее.

Мне показалось, что я смотрю в пустоту.

— Кто это? — спросил я. — Кто звонил?

Мне ответили сзади. Впервые в жизни я увидел, что люди могут перемещаться так быстро. Должно быть, они проскользнули мимо меня в тот момент, когда мои глаза были ослеплены перехо-

---

[99] Примечания: 99

«Вы похожи на ирландцев, господа. Начинаете слишком поздно и заканчиваете слишком рано» (*франц.*).

дом от тусклого света зала к сиянию лестничной площадки. Это дало мне некоторое представление о тех, с кем нам приходится иметь дело.

— Мы здесь, услышал я чей-то голос.

Я обернулся и увидел двух мужчин в непромокаемых плащах и фетровых шляпах. Они держали руки в карманах и украдкой, исподволь поглядывали на пару пистолетов, что я вертел в руках.

— Господин президент будет рад видеть вас, джентльмены, — сказал я.

Я протянул им пистолеты, они выхватили их в мгновение ока и тут же попрятали по карманам. После этого я медленно и веско выдал им французское ругательство.

Один из мужчин рассмеялся.

— Рамон не забывает, — сказал он.

Это был молодой человек с волосами песочного цвета, горящими голубыми глазами и странным изгибом длинного висячего носа. Другой был жилист и невысокого роста, с седой бородой и негнущейся ногой.

Я не догадывался о том, что задумал мой друг, и сосредоточился на том, чтобы сделать в точности все что он мне велел. Я открыл дверь гостиной и увидел, что президент растянулся на моем

диване и лежит лицом к двери. Он курил и был по-прежнему в нижнем белье. Когда двое мужчин, что были позади меня, увидели, что он явно безоружен, они по-кошачьи быстро проскользнули в комнату и встали спинами к двери.

— Привет, Корбалли, — любезно сказал президент, — и тебе привет, Мануэль. Ты выглядишь моложе, чем тогда, когда я видел тебя в последний раз. Хотите закурить?

И он кивнул в сторону моей коробки с сигаретами на столе позади него. Оба покачали головами.

— Рад, что вы пришли. Вы, наверное, видели в вечерних газетах новость о займе. Это должно стать праздником для вас, как стало для меня. Нет больше нужды в лихорадочной слежке друг за другом, которая отнимает силы и уйму времени.

— Нет, — сказал тот, кого звали Мануэль. В его спокойном тоне было что-то мрачное. — Мы предпримем меры к тому, чтобы предотвратить необходимость в подобных ссудах в будущем.

— Фу ты, господи! — воскликнул президент. — Ты слишком любишь мелодрамы, Мануэль, чтобы быть артистом. В душе ты священник.

— У твоего смертного одра не будет священника! — зарычал Мануэль. Потом, обращаясь к своему спутнику, он сказал: — Давай покончим

с этим фарсом!

Президент не обратил ни малейшего внимания на слова Мануэля, но пристально посмотрел на ирландца:

— Ты когда-то был спортсменом, Майк. Вы пришли, чтобы разделить вкус Мануэля к тому, чтобы приканчивать кролика, смирно сидящего на месте?

— Мы не спортсмены, мы палачи правосудия, — сказал Мануэль.

Президент весело засмеялся:

— Великолепно! Какой стиль! Ни дать ни взять древний римлянин!

При этом он по-прежнему не сводил глаз с Корбалли.

— Черт побери, в чем твоя игра, Рамон? — спросил ирландец. Его веснушчатое лицо стало совсем красным.

— В том, что просто хочу предложить краткое перемирие. Хочу в отпуск. Хочу пойти на большие национальные охотничьи скачки.

— Я тоже.

— Ну вот и давайте заключим перемирие. Месяца, скажем, на два или пока я не покину Англию, в зависимости от того, на что уйдет меньше времени. После этого вы сможете снова заняться

своим делом.

Тот, которого он звал Мануэлем, захлебнулся потоком испанского, и какое-то время все они говорили на этом языке. То, что говорили эти двое, звучало как своего рода напутствие президенту, на которое он добродушно ответил. Никогда прежде не видел я поганцев, для которых убить человека было так же просто, как подстрелить куропатку, и я с любопытством отметил для себя тощие руки, беспокойные настороженные глаза и уродливые губы этого типа. Насколько я мог судить о том, что происходило на моих глазах, президент, похоже, вполне поладил с ирландцем, но у него остались проблемы с Мануэлем.

— На вас в самом деле ничего нет? — спросил Корбалли.

Президент вытянул руки и показал свою стройную фигуру в обтягивающих брюках и жилете.

— А при нем ничего нет? — спросил он, кивнув в мою сторону.

— Он юрист, он не пользуется оружием.

— Тогда будь я проклят, если трону тебя хоть пальцем, — сказал Корбалли. — Прошло два месяца. Что тебе понадобилось в Ливерпуле?

Здесь Мануэлю, видимо, показалось, что напарник перешел все границы. Я увидел, как одним

движением его рука выскользнула из кармана, а рука Корбалли сделала круг, и гипсовый бюст Юлия Цезаря упал с моего книжного шкафа. Затем между ними начались разборки.

— Ты — поганый коротышка! — сказал Корбалли, по-медвежьи прижав Мануэля к своей груди.

— Ах ты предатель! — закричал Мануэль. — Как мы посмотрим в глаза остальным? Что скажут Алехандро и Алькаса?

— Думаю, на этот вопрос я смогу ответить, — любезно промолвил президент. — Если вы сами им не расскажете, то какое-то время они ничего не узнают. На данный момент вы, двое джентльменов, это все, что осталось от вашей патриотической компании. Остальные четверо стали жертвами английской полиции: двое на Брайанстон-сквер, а еще двое в парке рядом с Мраморной аркой.

— Да что вы говорите! — воскликнул Корбалли с восхищением в голосе. — Честное слово, умно сработано!

— У них тоже будет небольшой отпуск. Несколько месяцев на размышления о политике, пока вы и я будем на больших национальных охотничьих скачках.

Внезапно в мою дверь резко постучали. Это

было похоже на стук в «Макбете» для драматического эффекта. Корбалли мгновенно приставил пистолет к моему уху, а Мануэль прикрыл президента.

— Все в порядке, — сказал президент, не шевельнув ни единым мускулом. — Это генерал Вальдес, которого вы, я думаю, знаете. Это был еще один аргумент, к которому я собирался обратиться, если бы мне не посчастливилось воззвать к высшей природе мистера Корбалли. Я знаю, что вы поклялись убить меня, но, как я понимаю, всякий убийца хочет иметь шанс на побег. Здесь и сейчас у вас нет ни единого шанса, ни даже тени шанса на побег. Вальдес стоит у двери, а английская полиция внизу. Вы храбрые ребята, я знаю, но даже храбрецы не любят холодную, бездушную виселицу.

Снова раздался стук.

— Впусти его, Лейтен, — сказал Мануэль, — или он повредит твою ценную дверь. У него нет северной флегмы, как у тебя, у меня или у мистера Корбалли.

На пороге стоял высокий мужчина в длинном свободном пальто, которое выглядело так, словно прикрывало мундир. Кто-то заслонил свет на лестничной площадке, так что на лестнице было

темно, но я мог разглядеть в полумраке другие фигуры.

— Президент Пелем… — начал он.

— Президент здесь, — сказал я. — С ним все в порядке, он в отличной форме. Сейчас он принимает еще двоих гостей.

Генерал прошел в мою гостиную. Я был позади него и не видел его лица, но нисколько не сомневаюсь в том, что оно выразило великое удивление, когда он узнал гостей. Мануэль стоял угрюмо и вызывающе, засунув руки в карманы, а светлые глаза Корбалли смеялись.

— Боже мой! — У Вальдеса, казалось, перехватило дыхание от этого зрелища. — Что за сволочи! Ваше превосходительство, у меня есть…

— Ничего подобного у вас нет, — перебил президент. — На следующие два месяца это мои друзья, а мистер Корбалли и я собираемся вместе побывать на больших национальных охотничьих скачках. Не будете ли вы столь любезны, чтобы проводить их вниз по лестнице и сообщить инспектору полиции внизу, что все прошло хорошо, и что я совершенно удовлетворен, и что известие обо мне он получит утром?.. Минуточку! А как насчет того, чтобы выпить на дорожку? Лейтен, у вас найдется виски с содовой?

Виски с содовой, конечно, нашлись. Мы все выпили, и кажется, я чокнулся с Мануэлем.

* * *

Я побывал на балу у леди Сэмплер, как и собирался. Вскоре я увидел воочию прибытие блистательной персоны, президента с лентой Золотой Звезды Боливара на груди[100]. Он больше не был словоохотливым студентом, он был ответственным государственным деятелем, отцом своей страны. Когда я подошел к нему, вокруг него уже собралась большая толпа, и он извинялся перед Молли Нэнтли. Увидев меня, она настояла на том, чтобы меня представили президенту:

— Я так хотела, чтобы вы встретились! Я надеялась, что это произойдет за моим ужином, но, как бы там ни было, мне это удалось.

Думаю, она была немного удивлена, когда президент взял меня за руку обеими руками.

— Я видел, как мистер Лейтен играл у Лорда в 1897 году, — сказал он. — Я в тот год играл за Харроу под двенадцатым номером. Приятно

---

[100] Примечания: 100

Симон *Боливар* (1783–1830), активный участник Войны за независимость испанских колоний в Америке, один из ее руководителей. В его честь названа Республика Боливия (1825).

познакомиться с ним, я никогда не забуду эту встречу.

— Какой же он англичанин! — прошептала мне Молли, когда мы выбирались из толпы.

Они убили его в следующем году. Убили потому, что в деле, которому он себя посвятил, нет реальной защиты. Но прежде чем он пал, он успел поставить свою страну на ноги. Нет, то были не Мануэль и не Корбалли. Думаю, то был Алехандро Грамотей.

VIII
КОРАБЛЬ В ФАРСИС[101]
История Ральфа Коллатта

И было слово Господне к Ионе, сыну Амафиину: встань, иди в Ниневию… И встал Иона… и нашел корабль, отправлявшийся в Фарсис, и вошел в него, чтобы плыть с ними в Фарсис от лица Господа.

Иона. 1:1-3

Однажды вечером зашел разговор о метафизике мужества. Это тема, обсуждать которую большинство людей немного стесняется. Люди будут искренне аплодировать отваге друга, но любопытно, как редко они готовы назвать человека трусом. Возможно, причина заключается в том, что все мы представляем собой причудливую смесь силы и слабости — храбрые в чем-то одном, мы робки в другом, — и, так как всякий из нас склонен помнить о своих личных страхах более живо и ярко, чем о том, в чем он дерзок и смел, мы сдержанно относимся к догматизации.

---

[101] Примечания: 101
Согласно иудейской традиции, город назывался Таршиш.

Ламанча выдвинул тезис о том, что у каждого есть желтая полоса[102]. Все мы, сказал он, время от времени уклоняемся от неприятных обязанностей и придумываем благородное оправдание, которое — в глубине души мы это знаем, — является ложью.

Сэнди Арбетнот заметил, что самые безрассудные поступки совершаются людьми, которые начинали с робости и боязни, а затем, подавленные собственным срамом и бесславием, делают гораздо больше, чем те, у кого не было никаких сомнений.

— Человек, — сказал Сэнди, — который говорит, я не пойду, а затем раскаивается и идет, обычно совершает чертовски долгий путь.

— Как Иона, — подхватил Ламанча, — Иона, которому не понравилось то, что ему было велено свыше, и он, уклоняясь от исполнения воли Божьей, удалился в Фарсис, а затем раскаялся и явился в Ниневию, словно разъяренный лев!

Коллатт, который был моряком и героем, служившим во время войны на одном из кораб-

---

[102] Примечания: 102

В европейской культуре, а также в Канаде и США желтый цвет традиционно ассоциируется с двуличием, завистью, предательством, малодушием и трусостью.

лей-ловушек[103], возразил:

— Интересно, была ли Ниневия такой же неприятной, как чрево кита? — сказал он.

И затем в качестве примера он рассказал нам историю, но не из бурных морских воспоминаний, а из своего опыта, который он получил в Сити, где в настоящее время работал вексельным маркером.

* * *

— Впервые я познакомился с Джимом Холлуордом, когда он только что окончил университет. Это был высокий, стройный, светловолосый парень с тихим голосом и такими манерами, что рядом с ним обычный человек поневоле чувствует себя хамом. Итон и Крайст-Чёрч[104]

---

[103] Примечания: 103

Внешне *корабль-ловушка* выглядел, как обычное торговое судно, но был мощно вооружен, причем вооружение было скрыто. Провоцировал подводные лодки на всплытие для атаки и уничтожал их. В ходе Первой мировой войны корабли-ловушки использовались Великобританией и, в меньшей степени, Германией. В ходе Второй мировой войны — Великобританией и США.

[104] Примечания: 104

В *Итоне* находится мужской колледж для выходцев из аристократических семейств Англии. Этот колледж окончили большинство премьер-министров Великобритании. Основан в 1440 г.

Крайст-Чёрч — колледж Оксфордского университета для аристократии, один из самых крупных. Основан в 1524 г.

отполировали его до блеска. Его одежда была строгим и взвешенным произведением искусства, и он был самым чистоплотным существом из всех, кого вы могли бы встретить на белом свете, — всегда казалось, что он только что побрился и принял ванну после двух часов усердной работы над совершенством собственной персоны. Нам всем он нравился, но в Сити он был почти бесполезен, как лилия в живой изгороди. Кто-то назвал его аполостическим эпиценом, что прозвучало точно, хотя я не знаю, что означают эти слова[105]. Обычно он приходил по делам где-то к одиннадцати утра и уходил в четыре часа дня, причем летом уходил раньше, потому что играл в поло в Херлингеме.

Это приятное ничегонеделание длилось два года. Его отец был главой «Холлуордз», торгово-банкирской компании, существовавшей еще до наполеоновских войн. Это была старомодная частная фирма с потрясающей репутацией, но в течение нескольких лет она несколько потеряла лидирующие позиции. И хотя компания считалась столь же солидным учреждением,

[105] Примечания: 105

Аполостический — посвятивший себя удовольствиям, *эпицен* — бесполый (от *лат.* epicoenus, «относящийся к обоим полам», и от *греч.* ἐπίκοινος, «общий для многих»).

сколь и Банк Англии, она едва успевала поспевать за прогрессом. Но как раз примерно к тому времени, когда Джим вернулся из Оксфорда, его отец, казалось, впервые за долгое время задышал полной грудью. «Холлуордз» вдруг стала сверхпрогрессивной, наняла управляющего из одного из крупных акционерных банков и ринулась в такое дело, которое прежде не удостоила бы вниманием. Я полагаю, старик перед смертью захотел поднять компанию на новую высоту, чтобы передать ее, сильную и жизнеспособную, своему единственному отпрыску.

В деле обновления компании пользы от Джима было мало. Другие его занятия не оставляли ему много времени, необходимого для того, чтобы справиться со сложными делами такой компании, как «Холлуордз». О своих связях с Сити Джим говорил с некоторым отвращением. В состав студенческой группы, в которую он попал, входили в основном старшие сыновья богатейших семейств, молодые люди с политическими амбициями, и если у Джима и были какие-то более или менее серьезные склонности к политике, то речь шла о парламенте, членом которого он собирался стать через год или два. Что до остального, то он играл в поло, охотился, немного занимался

скачками с препятствиями и усердно танцевал. Танцы были единственным делом, в котором он действительно преуспевал, потому что наездником он был весьма посредственным, а говорить о его способностях к политике было просто несерьезно. Таким образом, он был совершенным flâneur[106], приятным, широко известным, прекрасно воспитанным, весьма нарядным и самым бесполезным существом на земле. Ничего полезного в жизни он так и не сделал.

Осенью 192* года о «Холлуордз» поползли нехорошие слухи. Похоже было, что компания занимается весьма рискованным делом, и те, кто знал об этом, лишь пожимали плечами. Но никто не был готов к великому краху, который случился в начале нового года. «Холлуордз» попыталась получить контроль над колониальной железной дорогой и для этого стала незаметно скупать обычные акции. Но американская группа с неограниченным капиталом пошла по тому же пути, цена акций подскочила, однако руководство «Холлуордз», проявив невероятную глупость, продолжило скупать акции. Потом до директоров дошло, что они делают, но дошло, увы, слишком

[106] Примечания: 106

Фланер, зевака, человек, бродящий по городским улицам без всякой цели (*франц.*).

поздно. Если бы об этом стало известно вовремя, Сити, быть может, приложил бы усилия, чтобы удержать знаменитую старую компанию на ногах, но все произошло внезапно, как удар грома. «Холлуордз» потерпела крах, американцы приобрели железнодорожные акции по бросовой цене, а у старого мистера Холлуорда, который болел несколько месяцев, случился паралич, и он умер.

Мне было ужасно жаль Джима. Основы его бытия рухнули, и он не имел понятия, что ему делать, как поступить. Он, видите ли, не знал даже основ дела, и его невозможно было заставить их понять. Он ходил, словно во сне, с широко раскрытыми невидящими глазами и был похож на озадаченного ребенка. Сначала он с большим трудом предпринимал какие-то усилия, чтобы что-то изменить. Он думал, что у него много друзей, которые могли бы ему помочь; он стал обращаться к ним с самыми разными предложениями, но все было тщетно, безнадежно тщетно. Очень скоро он обнаружил, что его популярность в Мейфэре[107] не дает ему никаких преимуществ. Он, должно быть, понял, что к богатому молодому человеку люди относятся совсем не так, как к бед-

---

[107] Примечания: 107
Мейфэр — район в центральной части Лондона.

няку, и, похоже, его обращения были встречены резкими отказами. Во всяком случае, надежду он потерял через неделю. Он почувствовал себя преступником и повел себя соответствующим образом. Вокруг себя он не видел никого, кроме своих адвокатов, и, встретив на улице кого-то из друзей, поворачивался и убегал. Им овладело совершенно безрассудное чувство позора, и был момент, когда я стал бояться, что он покончит с собой.

Это продолжалось большую часть месяца, и в это время я и еще один-два человека попытались хоть что-то спасти после краха. Мы сколотили фонд и скупили часть того, что осталось от «Холлуордз», с идеей организовать небольшую компанию, чтобы управлять тем, что мы скупили. Важно было что-то предпринять, потому что, хотя Джим был единственным ребенком в семье, а его мать умерла, у него было множество пожилых родственниц, которые получали доход от «Холлуордз». Фирма была весьма уважаемой, старый Холлуорд был широко известен, и у Джима не было врагов. В Сити царил дух товарищества, и многие из нас были готовы объединиться и сделать все, чтобы Джим остался на плаву. Мы все были готовы помочь ему, от него же требовалось

сосредоточиться и включиться в работу.

Но именно этого Джим делать не стал. Он испытывал ужас перед Сити и чувствовал себя изгоем всякий раз, когда встречал кого-нибудь из тех, кто знал о его крахе. У него были глаза, как у затравленного зайца, и толку от него не было никакого. Не думаю, чтобы в душе его поселился протест против изменения уровня его жизни, отказа от поло, охоты и политики, а также дешевого жилья и долгих рабочих часов. Полагаю, он приветствовал все это как своего рода искупление и расплату за все, что произошло. И то, что он приветствовал, стало позором и срамом всего, что встало между ним и его бездействием. О Сити он знал ровно столько, сколько нужно для того, чтобы составить неверное представление о его стандартах, и вообразил, что там все показывают на него пальцем как на дурака и, возможно, мошенника.

В том, чтобы вразумить его, смысла было очень мало. Я указал ему, что для него было бы правильным взвалить на плечи бремя забот и восстановить доверие отца. На это Джим лишь горько рассмеялся:

— А толку? Вы знаете, что в бизнесе я сущее дитя, хотя, конечно, вы слишком вежливы, чтобы

сказать мне об этом вслух.

— Вы можете попробовать, — сказал я. — Мы все протянем вам руку помощи.

Увы, все было бесполезно. Его просто трясло, когда он слышал об отце, старинном престиже фирмы и старых двоюродных бабушках. Было видно, что несчастье сделало его слепым и глухим ко всем аргументам. А потом я почувствовал, что терпение мое на исходе. Я сказал ему, что долг каждого мужчины — уметь расплачиваться за свои поступки. А затем спросил, что он собирается делать дальше.

Он сказал, что собирается уехать в Канаду и начать жизнь заново. Возможно даже, что сменит свое имя. При этих его словах я просто вышел из себя от его глупости.

— Здесь вам предлагают шанс поправить ваши дела, — сказал я. — А в Канаде вам самому придется искать такой шанс. Как, скажите ради бога, вы будете его искать? С вашим воспитанием невозможно преуспеть в доминионах[108]. Вам, вполне вероятно, придется голодать.

— Очень может быть, — последовал мрачный ответ. — Ничего не имею против того, чтобы до

---

[108] Примечания: 108

Доминионы — государства, входившие в состав Британской империи (с 1947 г. преобразована в Британское Содружество наций).

поры до времени пожить там, где меня никто не знает.

— Помните, что вы уклоняетесь, — сказал я, — уклоняетесь от того, что я считаю вашим прямым долгом. Вы не можете рассчитывать на победу, если начинаете с трусливого поступка.

— Я знаю… знаю… — запричитал он. — Я — трус!

Больше я ничего не сказал, потому что, когда человек готов признать, что он трус, это значит, что его нервы взяли верх над его разумом. Кончилось тем, что Джим отплыл в Канаду, имея в кармане чуть меньше двухсот фунтов — все, что у него осталось после всех его злоключений. Казалось, он решил похоронить себя заживо, и возьму на себя смелость сказать, что от трудностей, которые он испытывал, он получал болезненное удовольствие. У него по-прежнему сохранилось абсурдное представление о позоре, и он по-прежнему считал, что любая потеря и любой ущерб, к которым он приговорил себя, являются своего рода расплатой за его трусость.

Он добрался до Монреаля[109] в ту пору, когда начинается весенняя оттепель, наихудший об-

---

[109] Примечания: 109

Монреаль — город в Канаде в провинции Квебек (восток Канады). Расположен на реке Святого Лаврентия.

разчик погоды из всех, какие бывают на земном шаре, и те несколько недель, что выпали на время его переезда в Канаду, были очень слякотными. Джим не раздобыл никакой специальной одежды и сошел на берег с джентльменским комплектом, состоявшим из двух элегантных твидовых костюмов, костюма из фланели и бриджей для верховой езды. Все это были остатки его лондонского гардероба. Он появился в месте, не совсем подходившем для поиска работы. Он совершал поездки в третьем классе и, как и следовало ожидать от человека в его положении, не завел друзей, но завел прохладное знакомство с ирландцем, который занимался лесозаготовками. Парень был дружелюбен, его поразили образованность и воспитанность Джима, и когда он услышал, что Джиму нужна работа, он предложил ему место клерка в той фирме, где работал сам.

Джим подал заявление, и его взяли клерком, отвечающим за права на вырубку леса в Восточном Квебеке. Работа была чисто механической и заключалась в ведении учета пронумерованных участков, отметке их на карте и внесении сведений в реестр по мере их поступления. Однако все это требовало аккуратности и строгого внимания, а Джиму явно недоставало и того, и

другого. Кроме того, у него был отвратительный почерк, что является особой привилегией наших государственных школ. Короче говоря, он продержался на этой должности две недели, а затем был уволен.

Он нашел дешевое жилье в пансионе, расположенном в восточной части Монреаля, и, отправляясь на работу, был вынужден тащиться по слякоти две мили. Те, кто жил с ним в том же пансионе, были настроены вполне дружелюбно; большинство из них были клерки, продавцы, машинистки и газетные репортеры. Джим не был снобом, но быстро стал отшельником, потому что его нервы были обнажены, и он отшатнулся от людей. Его застенчивость сочли чисто английским высокомерием, ему стали придумывать прозвища и хихикать, когда он появлялся. К счастью, он был слишком несчастен, чтобы обращать на это внимание. Его не интересовали их игры, их походы в кино и дешевые танцевальные залы, их томные перегляды и их любовь-морковь. Он не смог освоить их коммерческий жаргон. Его считали снобом, а он шарахался от людей, как от варваров.

Но был среди его соседей один постоялец, младший редактор газеты, которую я назову

«Вечерний Ястреб»; он видел немного зорче и дальше остальных. Он понял, что Джим — человек образованный, «ученый», как он его назвал, и ему удалось войти в доверие к Джиму. Поэтому, как только Джим потерял работу лесозаготовителя, ему предложили место в «Ястребе». В местной журналистике не было избытка людей такого типа, и редактор подумал, что, если бы в штате был кто-то, кто мог бы писать на приличном английском языке, это могло бы придать вес его газете и заткнуть рты европейским критиканам. По традициям и литературному стилю «Ястреб» был весьма американизированным изданием, он только-только приобрел некоторое политическое влияние и жаждал большего.

Но Джим не добился успеха и в журналистике. Его пробовали на разных должностях — в качестве репортера, специального корреспондента, помощника редактора, — ни на одной он не показал желаемого результата. Прежде всего у него не было никакого чувства новостей. В его нынешнем состоянии его мало что интересовало, и он понятия не имел, что может заинтересовать читателей «Ястреба». Он не мог сочинять остроумных заголовков, более того, ему это было просто противно. Стиль у него, вне всякого сомне-

ния, был гораздо грамотнее, чему у его коллег, но при всем том гораздо скучнее. Вдобавок ко всему он был отчаянно небрежным. И дело не в том, что он был ленив, а в том, что у него не было стимула, что заставил бы его сосредоточить на чем-то свое внимание, и, мне кажется, он был самым худшим заместителем редактора в истории прессы.

Наступило лето, мокрый снег и ледяной ветер сменились пылью и жарой. Джим брел по раскаленным улицам, чувствуя лишь сильную тоску по дому. Ему пришлось облачиться в твидовый костюм, потому что фланелевый затерялся в поездках между пансионами, и, вытирая лоб в душных комнатах, пропахших типографской краской и сотрясаемых огромными прессами, он думал о зеленых лужайках в Херлингеме, о прохладных заводях Айзиса, о подстриженных живых изгородях из тиса в старых садах, об окне клуба, выходящем на Сент-Джеймс-стрит. Он изголодался по свежему воздуху, но когда воскресным утром он устроил себе долгую прогулку, он не нашел удовольствия в окрестных пейзажах: все показалось ему пыльным, взлохмаченным и неуютным. Он не жаловался, потому что видел в этом часть справедливого искупления, но он был очень одинок и несчастен.

Я уже сказал, что он сошел на берег с парой сотен фунтов, и могу лишь добавить, что эти деньги ему удалось сохранить в целости. Однажды в закусочной он разговорился с человеком по фамилии Макни, уроженцем Манитобы[110], который участвовал в европейской войне и кое-что понимал в лошадях. Макни, как и Джим, не любил городскую жизнь, ему осточертела его работа в автомобильной компании, и он искал в жизни чего-то лучшего. Между ними было мало общего, Кроме неприязни к Монреалю, потому что Макни представляется мне необработанным алмазом, деятельным и предприимчивым парнем, которому свыше было предначертано стать обитателем лесной глуши. Он слышал о большой плотине, что возвели где-то в районе Гаспе в связи с тем, что рядом решили построить завод по переработке древесины. Он знал одного из тамошних прорабов и считал, что деньги может заработать любой, кто вложит небольшой капитал и откроет магазин в строительном поселке. Он сказал, что это чудесная дикая местность, и, помимо того, что владелец магазина может легко зарабатывать деньги, он сможет вести жизнь белого человека.

[110] Примечания: 110

Манитоба — провинция в Канаде, расположена в ее центральной части.

В дело нужно вложить тысячу долларов, а ему удалось наскрести только две сотни. Джиму в его душной ночлежке эта идея Макни давала чудесный выход из положения. Он хотел зарабатывать деньги, он хотел дышать свежим воздухом, ему не хватало деревьев и проточной воды, потому что наш англичанин, хотя и горожанин, всегда тоскует по деревне. Поэтому Джим бросил работу в «Ястребе» как раз тогда, когда там собирались уволить его, и начал дело с Макни.

Место, куда привела его судьба на этот раз, стало его первым разочарованием. Это была унылая поляна в бесконечном лесу унылых елей, который непрерывно тянулся к Нью-Браунсуику[111]. Сколь далеко вы ни зашли бы в эту местность, вы ничего не видели, кроме низких холмов и однообразной зелени елей. Под магазин партнерам выделили большой сарай, и в одном его конце они устроили себе спальню. Перед открытием дела они изрядно запаслись консервами, табаком, рубашками, носками и обувью, а также различными музыкальными инструментами. Но

[111] Примечания: 111

Нью-Брансуик — провинция в Канаде, расположена на востоке страны. Интересно, что в давней русской традиции этому «Брансуик» соответствует «Брауншвейг». Брауншвейг — город в Германии, основанный в XI в. (земля Нижняя Саксония).

они обнаружили, что большая часть их товаров не пользуется спросом, потому что компания хорошо кормила и одевала своих рабочих, и через неделю магазин превратился в кафе, где продавались хот-доги, мороженое и безалкогольные напитки. Макни бесконечно гордился своим заведением и украсил стены «идеальными лицами» из американских журналов. Он был прирожденным владельцем ресторана, но, как говорится, не судьба, а от кока-колы и имбирного пива, увы, большой прибыли не было.

Недели через две это место стало наполовину трактиром и наполовину клубом, где по вечерам рабочие собирались играть в карты. Макни был в своей стихии, а от Джима пользы было не больше, чем от больного щенка. Он не понимал жаргона, а его застенчивость и погруженность в собственные переживания делали его таким же непопулярным, как и в монреальских пансионах. Он видел, как ускользает его маленький капитал, но не получил никакого возмещения в виде приятной жизни. Он попытался скопировать Макни, изображая сердечное дружелюбие, но с треском провалился. Макни был хорошим парнем и заступился за него, когда разгневанный землекоп едва не убил его, обозвав «долбаным

лондонским чуваком». При этом хорошее настроение Джима и чувство, что он получает только то, что заслужил, каким-то образом защитили его. Но вскоре он понял, что, как ни крути, он был и по-прежнему остается ужасным неудачником. И это помешало ему упрекать того, кто был рядом, в его очевидных недостатках. А Макни меж тем ждал скорый успех — публичный оглушительный успех! В Гаспе не действовал «сухой закон», и в магазине употребляли не только безалкогольные напитки, особенно совладелец строившегося завода и его друг прораб. Кроме того, Макни был картежником — хотя и не азартным, но все же картежником, — и, чтобы покрыть свои потери, он время от времени занимал денежки у Джима, а у того за минувшее время их не стало больше.

Время от времени Джим брал отпуск и весь долгий летний день бродил по окрестностям. Их он обследовал лишь частично; карты под рукой не было, и он постоянно терялся. Однажды он наткнулся на лагерь лесозаготовителей, и веселые франкоканадцы, чей patois[112] он не понял, угостили его свининой и бобами. В другой раз у него был почти счастливый день, когда он увидел

[112] Примечания: 112
Местный говор (*франц.*).

своего первого лося. Но обычно он возвращался после душных встреч с болотами, окруженными кедром и bois brulé[113], усталым, но не освеженным. Не тот он был человек, чтобы получать утешение от канадской глуши, потому что всегда мучился от тоски по другим пейзажам.

Рекой, у которой был разбит лагерь, была знаменитая Мауши, а в двенадцати милях от берега залива Святого Лаврентия был возведен большой дом, принадлежавший богатому жителю Нью-Йорка, который увлекался рыбной ловлей. Джим часто видел там веселую компанию, молодых людей в чудесных бриджах и молодых женщин в джемперах, подобных одежде Иосифа[114], и при виде их тут же прятался. Время от времени мимо магазина проезжал большой автомобиль, доставлявший рыбаков к некоторым из верхних озер. Как-то после долгого жаркого дня, когда Джим чувствовал себя особенно подавленным, у дверей остановилась машина и из нее вышли молодой мужчина и девушка. Они зашли в ма-

[113] Примечания: 113

Обожженная древесина (*франц.*).

[114] Примечания: 114

Иосиф — согласно Библии, любимый сын Иакова, библейского праотца, у которого было двенадцать сыновей. В знак предпочтения Иаков даровал Иосифу разноцветный халат.

газин, и молодой человек попросил лимонаду. К счастью, их обслуживал Макни, меж тем как Джин в это время прятался за занавесью спальни. Он знал обоих. Молодой человек был младшим офицером-кавалеристом, с которым он когда-то играл в бридж в клубе, а с девушкой он когда-то танцевал. Их безупречная английская одежда, их чистый английский выговор вызвали у него сильную тоску по дому. Они возвращаются, подумал он, к ваннам с горячей водой, к чистой одежде, к вкусной пище, к культурным беседам… На мгновение ему стало противно от кислых затхлых испарений столовой и вонючего запаха свинины, которую там жарили. После этого он проклял себя за то, что повел себя глупо и по-детски.

Осенью работы на плотине свернули и магазин закрыли. Партнеры не смогли вывезти свой неликвидный товар, поэтому весь запас был распродан по бросовым ценам в ближайших деревнях. Джим обнаружил, что у него в наличии около трехсот долларов, что впереди долгая канадская зима, которую еще нужно пережить. Осень по ту сторону Атлантики — пик года, и красота пылающих склонов немного подняла ему настроение. Макни захотел вернуться в Манитобу, где, как он слышал, есть работа, а Джим

решил попытать счастья в Торонто, который, как считалось, был для англичан более здоровым местом, чем другие города[115]. Итак, они вдвоем отправились на запад, и Джим настоял на том, чтобы оплатить проезд Макни до Виннипега[116], тем самым оставив себе около ста пятидесяти долларов, чтобы снова выйти в мир и встретиться с ним лицом к лицу.

Торонто — самое дружелюбное место на земле для человека, который знает, как чувствовать себя там как дома. Если бы он искал тех, кто может ему помочь, он мог бы найти великое множество желающих, потому что там на квадратную милю приходится наибольшее количество самых сердечных людей. Но и там застенчивость и колючесть Джима поставили его вне общества. Он не предпринимал никаких усилий для того, чтобы афишировать те немногие активы, что у него еще оставались, он был крайне неразговорчив, и его погруженность в себя вполне естественно принималась за пунктик. Также он совершил ошибку, позволив себе скатиться вниз по соци-

[115] Примечания: 115

Город *Торонто* расположен на озере Онтарио и является административным центром одноименной провинции.

[116] Примечания: 116

Виннипег — административный центр провинции Манитоба.

альной лестнице. Одежда его сильно обветшала, сапоги износились; когда в ноябре выпал первый снег, он купил себе пальто, и у него не осталось денег, чтобы обновить остальной гардероб, так что к Рождеству он почти не отличался от обыкновенного бродяги.

Сначала он попробовал себя в журналистике, но он не мог сообщить о себе ничего, кроме того, что несколько недель работал в монреальском «Ястребе», и найти работу ему было трудно. Наконец он нашел место в каком-то еженедельном листке просто потому, что имел некоторое представление о грамматике. Это продолжалось ровно две недели. Затем он попробовал заняться репетиторством и потратил на рекламу часть своих последних долларов. Он получил несколько откликов, но всякий раз проваливался при собеседовании с возможными клиентами. Один родитель насмехался над его превосходными манерами, другой — над его плохой одеждой. После этого стал перескакивать с одной временной работы на другую: торговал книгами, подрабатывал в галантерейном магазине на рождественской неделе, где прилавок скрывал недостатки его одежды, работал временным клерком во время муниципальных выборов, упаковщиком кан-

целярских товаров и, наконец, носильщиком в гостинице третьего класса. Работал он не постоянно, а с перерывами, и во время этих перерывов, он, должно быть, почти голодал. Начинал он в обычном дешевом пансионе, но, прежде чем нашел жилье на чердаке гостиницы, в которой работал, опустился до убогой ночлежки.

Физически он чувствовал себя довольно плохо. Дурно одетый и полуголодный, он ходил по улицам и видел вокруг зажиточных людей в мехах, видел веселые молодые компании, видел комнаты, освещенные каминами и заставленные книгами. Но морально он чувствовал себя еще хуже. Иногда, когда дела шли совсем плохо, ему удавалось ограничиться мыслями о добыче пищи и тепла. Но в иные дни его мучило чувство, что его несчастья заслуженны и что судьба тяжкой рукой бьет его за то, что он трус. Его угнетало не идиотское чувство вины из-за банкротства отца; то было гораздо более осмысленное и продуманное раскаяние, потому что он начал понимать, что я был прав и что он поступал дурно, уклоняясь от своего прямого долга. Сначала он подавлял эту мысль, но всю ту печальную зиму она росла в нем. Его бедствия были прямой карой Всевышнего, наказанием того, кто проявил малодушие, и

он переживал это почти мистически. Он чувствовал, что его заклеймили, словно Каина, потому что все знали, что он устрашился, сробел, и все же он понимал, что поганая болезненная гордыня, пав перед ним, словно железный занавес, мешает ему вернуться на путь истинный.

Вторая весна застала его худым от плохого питания и с отвратным кашлем. У него хватило ума понять, что лето для него в его нынешнем жилище может стать последним, и, хотя он достиг дна своего отчаяния, инстинкт самосохранения подтолкнул его к действию. Ему захотелось уехать в деревню, но устроиться на ферму, приехав из Торонто, было невозможно, и денег на железнодорожный билету него не было. В конце концов его взяли землекопом на мелкие работы по строительству железной дороги в дебрях северного Онтарио. Ему дали столько, сколько было нужно, чтобы заплатить за билет, и десять долларов аванса из его жалованья, и однажды в конце апреля он обнаружил, что его высадили на железнодорожной станции у голубого озера, и вокруг, насколько хватало глаз, были ели, ели, одни сплошные ели… Но была весна, спариваясь, кричали дикие птицы, земля зазеленела, и Джим, глубоко и досыта надышавшись свежего

воздуха, почувствовал, что умирать ему совсем не хочется.

Но лагерь был суровым обиталищем, и рядом не было Макни, который мог бы его защитить. Там собрались хулиганы и авантюристы всех мастей, а с общительностью и гибкостью у Джима, как известно, были большие проблемы. Его плохое физическое состояние делало его плохим работником, и те, кто работал рядом с ним, всячески унижали его, браня беднягу на все корки. Начальником участка был ирландец по фамилии Мэлоун. Он был острым на язык и нашел множество возможностей применить свой дар к Джиму. Но человек он был справедливый и, увидев, что лицо Джима становится белым от его внушений, велел ему показать руки. Джим так и не смог привыкнуть к кирке, и руки его все были в мозолях. Подвергнув его пристрастному допросу, Мэлоун выяснил, что некогда Джим учился в колледже, и, отстранив его от строительства, назначил ответственным за магазины.

Там ему жилось полегче, но более чем когда-либо он стал предметом насмешек в столовой и в спальных местах. Все его преступление заключалось в том, что он говорил на чистом английском языке и его считали любимчиком босса. Его драз-

нили, с ним скандалили, постепенно это стало невыносимым, и после того, как за один обед у него трижды выбили из рук чашку кофе, Джим вышел из себя и ударил обидчика. Затем последовала схватка, которую он с треском проиграл. Он был неплохим спортсменом, но после окончания частной школы он ни разу не боксировал, и ему следовало бы дважды подумать, прежде чем бросить вызов парню, который, сколько жил на белом свете, зарабатывал себе на жизнь мускулами. Но Джим отважно выступил против него и вынес жестокую трепку, прежде чем был нокаутирован, и впоследствии он не испытывал по отношению к обидчику никаких дурных чувств. Случай этот значительно улучшил его положение. Мэлоун, который слышал о том, что произошло, спросил его, где, бога ради, его такого вырастили, если он не смог найти своим рукам лучшее применение, но при этом он не выглядел недовольным. Драка имела еще одно последствие. Она не только дала Джиму чуточку самоуверенности, но и помогла выйти на путь к решению, к которому его медленно подталкивала сама жизнь.

Неделю спустя его отправили за сотню миль в лес, чтобы доставить припасы передовой экс-

педиции. То, что Мэлоун взял для этой работы именно его, было чем-то вроде комплимента, но Джим этого не понял. Из-за личной его беды мозг его бился, как маятник, оттого что он сбежал, и что все его несчастья были наказанием за его трусость, и что, хотя он и признал свою трусость, он уже не мог вернуться в прошлое, не мог там что-то изменить. Англия действительно представлялась ему Эдемом, но с ангелами и огненными мечами у каждых ворот. Когда он, крадучись, пробирался на свою работу клерка, ему мерещились поднятые брови и пожатие плечами, и его угнетал не только позор его отца, но добавлялось бремя стыда за собственное бегство. Еще год назад казалось невозможным оставаться в Лондоне, но теперь возвращение домой стало в тысячу раз невозможнее.

Мысль эта не давала ему покоя ни днем ни ночью. В его отряде было шесть человек, двое из них полукровки, и передвигались они частично на каноэ, с тяжелыми мешками, и частично пешком, с припасами во вьюках. Шел проливной дождь, река разлилась, и в первый день они прошли всего двадцать миль. Полукровки были тертыми купцами, что прошли огонь, воду и медные трубы, а остальным четырем рассчитывать было

не на что. На третий день, когда им пришлось тащить рюкзаки и самим пробираться по скользкой тропе через болотистый лес, отгоняя от себя тучи мух, эти четверо решили, что с них хватит. Не так давно неподалеку от тех мест открыли новый золотоносный район, и они объявили, что кое-что они возьмут из запасов, а затем отправятся прямиком на рудники. Ребята они были скверные, но крепкие и физически могли дать фору Джиму и его полукровкам.

Положение было поганое, но оно отвлекло Джима от его личных переживаний. Он вступил с ними в переговоры и без долгих предисловий предложил разбить лагерь, где, отдохнув денек, обсудить все как есть. Не ставя никого в известность, он отправил вперед одного из полукровок в разведывательную группу за помощью, а сам тем временем постарался отвлечь своих головорезов. К счастью, у него было с собой немного виски, он втянул их в выпивку и картежную игру, и, лишь когда было уже далеко за полдень, его бандюки обнаружили отсутствие полукровки и не поверили рассказу Джима о том, что полукровка ушел за свежим мясом. Его единственный шанс состоял в том, чтобы блефовать по-крупному, и поскольку ему уже было все равно, что с ним случится, он

преуспел. В ту ночь Джим лег спать, и рядом с ним расположился один из бандюков, который заявил, что если он соврал и что-то пойдет не так, то получит пулю в голову. Где-то после полуночи посланец прибыл с подмогой, и, к счастью, обещанная пуля прошла мимо. Запасы, малость оскудевшие, были благополучно доставлены, и когда Джим вернулся на базу, он получил от шефа нагоняй за все ошибки, допущенные в этом походе. Но закончил он похвалой, на которые был весьма скуп.

— Из тебя выйдет толк, сынок, — сказал Мэлоун. — Физиономия у тебя глуповатая, но в тебе есть мужество.

Этот случай положил конец нерешительности Джима. Время, что он прожил в Канаде, стало непрерывной полосой бедствий, и он был уверен, что они ниспосланы ему свыше как наказание. Канаду он ненавидел, но при мысли о возвращении в Англию он содрогался от мрачных предчувствий. И все же ему было ясно, что он должен покинуть страну, иначе у него никогда не будет ни минуты покоя. Поэтому Джим написал мне письмо, где в частности отметил, что в течение года он все обдумал и пришел к выводу, что вел себя как последний хам. Он вернется и

наденет любую упряжь, на какую я ему укажу, и в конце он спросил, не могу ли я дать ему взаймы тридцать фунтов на дорогу.

К тому времени дела у небольшой фирмы, что мы организовали для того, чтобы сохранить от «Холлуордз» хоть что-то, шли очень и очень неплохо. При этом на содержание незамужних тетушек денег вполне хватало, и похоже было на то, что на ближайшее время для Джима наклевывалось выгодное дельце. Он покинул Канаду, не оставив адреса, поэтому у меня не было возможности связаться с ним. Я переслал ему сто фунтов по телеграфу и попросил явиться немедленно, как только он прибудет в Англию.

И вот как-то днем ближе к концу июня он появился в моем кабинете. Он пересек Атлантический океан в третьем классе, и одежда у него была, как у докера, что был без работы несколько месяцев. Первое, что он сделал, это положил восемьдесят фунтов мне на стол.

— Вы послали слишком много, — сказал он. — Не хочу иметь долги больше необходимого. Можете удержать двадцать фунтов из моего жалованья.

Взглянув на него, я сначала подумал, что лицом он изменился очень мало. Он загорел, был

невероятно худой и заросший, но у него были все те же застенчивые глаза и затравленный взгляд того мальчика, что сбежал год назад. Казалось, он не обрел никакой уверенности в себе, за исключением того, что выражение его рта стало немного тверже.

— Хочу приступить к работе немедленно, — сказал он. — Я вернулся домой, чтобы искупить свои грехи.

Мне потребовалось немало времени, чтобы заставить его понять положение дел, что он уже сейчас может рассчитывать на солидный доход, если будет стараться. «Холлуордз» может обрести в Сити прежний авторитет.

— Я ждал, когда вы вернетесь, — сказал я, — чтобы возродить старое имя. «Холлуордз» звучит лучше, чем «Компания „Англо-Ориент“».

— Но я не могу взять ни пенни, — сказал он. — А как насчет людей, что пострадали от банкротства?

— Их было совсем немного, — заверил я его. — Никаких вдов и сирот. Банки были надежно защищены. Больше всего пострадали ваши тетушки и вы сами, но теперь все будет в порядке.

Он слушал меня, широко раскрыв глаза, и постепенно недоумение сменилось облегчением, а

облегчение — восторгом.

— Первое, что вам нужно сделать, это пойти к портному и обновить свою одежду. Пока не найдете квартиру, вам лучше остановиться в отеле. А я тем временем займусь вашим членством в клубе. Если хотите играть в поло, я одолжу вам пару пони. Приходите поужинать со мной сегодня вечером, и за ужином вы расскажете мне свою историю.

— Боже мой! — пробормотал он. — Да я целый год проходил в лохмотьях, вот и вся моя история.

Остаток лета Джим пребывал в счастливом замешательстве. Как только он прилично оделся, я увидел, что Канада пошла ему на пользу. Он стал красивее, крепче и мужественнее, его застенчивость превратилась в осмотрительность, и у него появился новый, более здравый кодекс ценностей. В конторе он работал усердно, как бобр, и, хотя в некоторых вещах он был на удивление медлителен и неповоротлив, я начал замечать, что у него были мозги отца, а также то, чего у старого Холлуорда никогда не было, — тонкое, восприимчивое воображение. Во всем остальном он просто наслаждался жизнью. В клуб игры в поло он пришел в конце сезона, и его встретили так, словно ничего не произошло.

Потом мы с ним долго не виделись. Я сильно переутомился и нуждался в длительном отпуске, поэтому в середине августа я отправился в Шотландию, в лес, где водятся олени, и не возвращался до начала октября. Джим крепко держался за контору; он сказал, что за год или два побывал во всех отпусках, каких только хотел.

На второй день после моего возвращения он вошел в мою комнату и сказал, что хочет поговорить со мной наедине. Он заявил, что не хочет ничего делать для восстановления названия «Холлуордз» и чтобы «Компания „Англо-Ориент“» оставалась такой же, какой была до его возвращения, и чтобы руководство в ней осталось прежним.

— Это почему же? — спросил я с удивлением.

— Потому что я собираюсь уехать, и отсутствовать я могу очень долго.

У меня ушло некоторое время на то, чтобы найти нужные слова, и когда я их нашел, я спросил, не устал ли он от Англии.

— Да нет, что вы! Нет и тысячу раз нет! Англия — мое самое любимое место на земле. Уже чувствуются осенние запахи, Лондон улыбается приходу благословенной зимы, скоро начнется охота, и в прошлое воскресенье я слышал, как

кричат старые фазаны…

— Куда вы собрались? В Канаду?

Он кивнул.

— Вы влюбились в нее?

— Я ненавижу ее больше, чем ад, — торжественно промолвил он и, продолжая, наговорил много такого, о чем я промолчу ради сохранения целостности Британской империи.

— Тогда вы, должно быть, сошли с ума!

— Нет, — сказал он, — я вполне в здравом уме. Все очень просто, я все продумал. Вы знаете, что от исполнения своего долга я уклонился восемнадцать месяцев назад. За это я был наказан. В Канаде я был полным неудачником… О том, что там было, я не рассказал вам даже половины… Я изрядно голодал… Я не мог удержаться ни на одной работе… Я был никому не нужен, я стал всеобщим посмешищем. И я ненавидел все это, боже мой, как я ненавидел это! Но я не мог вернуться: одна мыслью встрече с Лондоном вызывала во мне жестокую боль. Мне потребовался год, чтобы набраться смелости и исполнить то, что, как я знал, было моим несомненным долгом. И вот я вернулся…

— Тогда все в порядке, не так ли? — спросил я и тут же почувствовал, что вопрос мой прозвучал

бестолково и глупо. — Вы находите Лондон лучше, чем вы думали?

— Я нахожу его раем, — ответил Джим с грустной улыбкой. — Но это рай, который я не заслужил. Понимаете, я потерпел неудачу в Канаде, и я не могу оставить все как есть. Я ненавижу само название этого места и большинство людей, что там живут… И это вполне нормально, потому что всегда ненавидишь место, где ты был дураком… Я должен вернуться и преуспеть там, где потерпел крах. С собой я возьму двести фунтов, ровно столько, сколько у меня было, когда я впервые появился в этой стране. — Я лишь смотрел, не отводя глаз, а он продолжал: — Я испугался один раз, и это можно простить. Но человек, который испугался дважды, трус. Я боюсь Канаду, как черт ладана, и именно поэтому я возвращаюсь. Там был один человек — только один человек, который сказал, что во мне есть мужество. И я хочу доказать всему этому проклятому доминиону, что во мне есть мужество, но прежде всего я должен доказать это самому себе… После этого я вернусь к вам, и мы поговорим о делах.

Сказать я ничего не мог да и не хотел ничего говорить. Джим пытался показать своего рода храбрость, опережая в этом библейского Иону.

Он вернулся в Ниневию, обнаружил, что никаких ужасов в ней нет, и ныне он возвращается к Фарсису, китам и ко всему прочему[117].

[117] Примечания: 117
Согласно библейской легенде, пророк Иона побывал во чреве кита.

IX
СКУЛЕ СКЕРРИ[118]
История Энтони Харрелла

Эй, кто тут, кроме бури?[119]

Шекспир. «Король Лир»

Мистер Энтони Харрелл был невысокого роста, худым до истощения, но прямым, как шомпол, и жилистым, как керн-терьер[120]. В волосах его не было седины, и в его бледных дальнозорких глазах светилась юношеская живость, но непогода проложила на его тощем лице такие морщины, что при определенном освещении оно выглядело почти так, как выглядит у человека в солидном

---

[118] Примечания: 118

«Скуле Скерри» дословно переводится «шхера Скуле». Варианты: «Суле-Скерри», «Сул-Скерри», «Скула-Скерри». Далее в тексте встречается «Скули».

[119] Примечания: 119

Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

[120] Примечания: 120

Керн-терьер — порода собак, выведенная на северо-западе Горной Шотландии для охоты в условиях каменистой местности. Пользуясь случаем, отметим, что на горношотландском (га́льском или гаэ́льском) языке «керн» означает «груда камней». Родом из Горной Шотландии были предки генерал-лейтенанта Ермолая Фёдоровича Керна (1765–1841), супруга Анны Петровны Керн (в девичестве Полторацкой) (1800–1879), которой Александр Пушкин посвятил знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье…» (1825).

возрасте, и молодые люди, что с первого взгляда принимали его за своего ровесника, тут же переводили его в разряд тех, обращение к которым требует слова «сэр», предназначенного для лиц бесспорно старшего поколения. На самом деле ему, как мне кажется, было лет около сорока. Он получил в наследство небольшое поместье в Нортумберленде, где собрал коллекцию редких диких птиц, но большая часть его жизни прошла в местах, отдаленных настолько, что его друзья находили их на карте лишь с большим трудом. Он написал дюжину монографий по орнитологии, был вторым редактором главного современного трактата о британских птицах и первым человеком, посетившим енисейскую тундру. Говорил он мало и с приятной нерешительностью, но улыбка, что легко появлялась на его лице, его живой интерес и впечатление, которое производил он, обладатель бездонных знаний о странных формах жизни, сделали его популярной и интригующей фигурой в кругу его друзей. О том, чем он занимался во время войны, он нам ничего не рассказал, и о делах его — а они, по нашему всеобщему мнению, были просто сенсационными, — мы узнали со стороны. Из привычного молчания его вывела история Генри

Найтингейла[121]. За ужином, что последовал за этой историей, он выдал кое-какие комментарии о современных объяснениях сверхъестественного.

— Помню, как-то раз… — начал он, и прежде чем мы узнали, что же он помнит, он удивил нас, приступив к собственной истории.

Но, едва начав, он остановился.

— Я вас утомляю., — сказал он извиняющимся тоном. — В истории нет ничего особенного… Все это случилось, так сказать, в моей голове… Не хочу выглядеть эготистом…[122]

— Не будьте ослом, Тони, — сказал Ламанча. — Каждое приключение происходит главным образом в чьей-то голове. Продолжайте! Мы все внимание.

— Случилось это много лет назад, — продолжил Харрелл, — когда я был совсем молод. Тогда я еще не был тем холодным ученым, каким, как мне видится, являюсь сегодня. Птицами я занялся главным образом потому, что они разжигали мое

---

[121] Примечания: 121

Из привычного молчания его вывела история Генри Найтингейла. — См. Историю IV «Ветер в галерее».

[122] Примечания: 122

Эготист — самовлюбленный человек, который слишком высокого мнения о себе.

воображение. Очаровали они меня потому, что из всех сотворенных существ казались мне наиболее близкими к чистому духу, маленькие существа с обычной температурой 125°[123]. Вы только подумайте: желтоголовый королек с желудком не более фасолины перелетает через Северное море! Краснозобик, что гнездится на севере так далеко, что лишь человека три видели его гнездо, отправляется на свои птичьи праздники в Тасманию! Поэтому на охоту за птицами я всякий раз уходил со странным чувством ожидания и некоторой долей страха, словно очень близко подходил к границам того, что нам не дано знать. В сезон миграций я чувствовал это особенно. Крохотные, словно атомы, приходящие бог знает откуда и уходящие бог знает куда, были чистой воды загадкой: они принадлежали миру, построенному в измерениях, совершенно отличных от наших. Не знаю, чего я ожидал, но я всегда чего-то ожидал — так же трепетно, как девушка на своем первом балу. Вы должны осознать мое настроение, чтобы понять, что случилось дальше.

Как-то я отправился на Норландские острова в пору весенней миграции. Многие люди делают то

---

[123] Примечания: 123
125° по Фаренгейту — 51,67° по Цельсию.

же самое, но я имел в виду совершить несколько иное. Согласно моей теории мигранты отправляются на север и на юг по довольно узкой дороге. В воздухе у них есть коридоры, что можно четко определить как шоссе, и они хранят в унаследованной памяти эти коридоры и в этом смысле являются ярыми консерваторами. Поэтому я не отправился ни на Голубые Берега, ни на Нун, ни на Херманесс[124], ни в другие места, где можно было ожидать первой посадки птиц на сушу.

В то время я усердно читал древние саги и для этого выучил исландский язык. В «Саге об ярле Скули», что является частью «Jarla Saga» или «Саги о ярлах»[125], написано, что этот Скули, когда создавал себе графство на островах скоттов, много сил и средств потратил на освоение места, именуемого Островом Птиц. Место упоминается неоднократно, и создатель саги рассказывает о том, что птиц там невиданное множество. То не могло быть обычным местом гнездования или насестом чаек, потому что северяне видели их

[124] Примечания: 124

Херманесс — имеется в виду мыс Херманесс. См. Шетландские острова, остров Анст; Херманесс — его крайняя северная точка.

[125] Примечания: 125

Ярл — так в англосаксонских хрониках называли военачальника викингов. Кроме того, *ярл* у древних скандинавов — наместник конунга, то есть короля.

слишком много, чтобы счесть достойными упоминания. Мне пришло в голову, что это должно быть одним из мест, где садятся мигрирующие птицы, и очень может быть, что птиц там сейчас столь же много, сколь в одиннадцатом веке. В саге говорится, что место было невдалеке от Хальмарснесса, то есть на западе острова Уна, поэтому я решил отправиться на этот остров. Я прекрасно запомнил Остров Птиц. Судя по карте, то могла быть одна из дюжины шхер в районе Хальмарснесса.

Помню, что, прежде чем начать это дело, я провел немало времени в Британском музее, разыскивая немногочисленные записи об этих краях. Я обнаружил — кажется у Адама из Бремена, — что на острове жила целая череда святых людей, что там была часовня, которую построил и подарил верующим ярл Рёгнвальд[126], что часовня прекратила существование во времена Мализа графа Стратхерна. Место было лишь упомянуто, но летописец оставил любопытное примечание. «Insula Avium, — говорилось в тексте, — quæ est

[126] Примечания: 126

Рёгнвальд — имеется в виду Рёгнвальд Эйстейнссон, который, согласно сагам, являлся сыном Эйстейна Грохота, основателя графства Оркни. Ушел из жизни в 890 г. н. э.

ultima insula et proxima Abysso»[127]. Я поинтересовался, какую землю имел в виду летописец. Это место не было крайним ни в каком географическом смысле, ни крайне северным, ни крайне западным по отношению к Норланду. А что такое «Abyss»? На монашеской латыни слово обычно означает Ад — Бездонную Яму Беньяна[128], — а иногда могилу, но ни то, ни другое не имело ничего общего с обычной морской шхерой.

Я прибыл на остров Уна майским вечером около восьми часов. Из Восса меня доставили туда на лодке. Был тихий вечер, на небе ни облачка, но оно было таким бледным, что казалось почти серым. Море тоже было серым, однако с некоторыми переливами, и низкие контуры суши представляли собой сочетание серых и янтарных оттенков, прорезанных белизной света, испускаемого маяком. Мне никогда не найти слов, чтобы описать странное качество света, что можно наблюдать на Севере. Иногда оно напоминает

---

[127] Примечания: 127

Остров Птиц, который есть последний остров и ближайший к Бездне (*лат.*).

[128] Примечания: 128

Джон *Беньян* (1628–1688) — автор знаменитого аллегорического романа «Путь паломника», написанного, по преданию, во время тюремного заключения. Впервые опубликован в 1678 г. Роман переведен более чем на сто языков.

то, что видится из глубокой воды. Фаркарсон[129] называл такой свет молочным, и всякий понимал, что он имел в виду. Как правило, это своего рода сущность света, холодная, чистая, дистиллированная, словно отраженная снегом. Она, эта сущность, бесцветна и создает тонкие тени. Некоторые считают, что она действует ужасно угнетающе. Фаркарсон сказал, что она напоминает ему о кладбище ранним утром, где похоронены все его друзья, но лично я нахожу ее бодрящей и успокаивающей. Однако она заставила меня почувствовать, что я нахожусь недалеко от края света.

Гостиницы здесь не было, поэтому я поселился в почтовом отделении, которое находилось на дамбе между пресноводным озером и узким заливом, так что прямо с порога можно было ловить озерную форель на одной стороне и морскую форель — на другой. На следующее утро я отправился в Хальмарснесс, который лежал в пяти милях к западу от плоской вересковой пустоши, сплошь усеянной крошечными озерцами. Суши, казалось, там было столько же, сколько воды. Я тут же двинулся к озеру, что было побольше дру-

---

[129] Примечания: 129
Джозеф *Фаркарсон* (1846–1935) — шотландский художник-пейзажист.

гих, за которым возвышался участок земли; это и был Хальмарснесс. В гребне была расщелина; сквозь нее я взглянул прямо на Атлантический океан… Где-то посередине, я безотчетно знал это, находился остров, ради которого я сюда прибыл.

Остров был где-то с четверть мили длиной, по большей части невысокий, но на севере приподнимался, образуя небольшой холмик, поросший травой, не досягаемый ни для каких приливов. Местами он сужался до нескольких ярдов в ширину, и его нижние уровни, должно быть, часто затапливало. Но это был остров, а не риф, и мне показалось, что я вижу остатки монашеской обители. Я вскарабкался на Хальсмарснесс, и оттуда, где гнездящиеся поморники сердито пикировали вокруг моей головы, я получил лучший обзор. То был, конечно же, мой остров, потому что остальную часть архипелага составляли мелкие шхеры, и я понял, что они вполне могут быть местом отдыха мигрирующих птиц, потому что скалы материка были слишком переполнены поморниками, которые по-пиратски захватывали эти места, и другими птицами, ревниво оберегавшими свое место под солнцем, чтобы быть удобными для усталых путешественников.

Я долго сидел на мысе, глядя вниз с базальто-

вой скалы высотой триста футов[130] на остров в полумиле от меня, — последний кусочек твердой земли между мной и Гренландией. Море — по норландским нормам — было спокойным, но снежная кромка прибоя на шхерах говорила о наступлении прилива. В двух милях южнее мне был виден вход в знаменитый Насест Уны, где при столкновении прилива и ветра образуется стена величиной с дом, так что небольшой пароход не может преодолеть это место. Единственным признаком человеческого обитания была маленькая ферма в низине по направлению к Насесту, но свидетельств о присутствии человека было более чем достаточно: стадо норландских пони, где каждый был помечен именем своего хозяина, здесь же паслись пегие овцы норландской породы, с края утеса свисал сломанный забор из колючей проволоки. Я был всего лишь в часе ходьбы до телеграфа и деревни, где газету получали не позже трех дней после выхода. Был прекрасный весенний день, и на пустой земле, ярко освещенной солнцем, почти не было тени… И все же, глядя на остров, я не удивлялся тому, что именно он привлек внимание скальда, что

---

[130] Примечания: 130
Триста футов — 91,44 метра.

именно он считался священным. Было такое впечатление, что он что-то скрывает, хотя он был пуст, как бильярдный стол. Он был пришельцем, что не вписывался в общую картину и появился здесь по капризу небесных сил. Я немедленно решил разбить свой лагерь в том месте, и это решение, достаточно непоследовательное, показалось мне чем-то похожим на авантюру.

Такого же мнения был Джон Рональдсон, когда я поговорил с ним после обеда. Джон был сыном почтмейстерши, скорее рыбаком, чем земледельцем, и, как и все норландцы, искусным моряком — отлично управлял люгером[131], — известным своим знанием западного берега. Ему было трудно понять, в чем состоит мой план, а когда до него дошло, о каком острове идет речь, он бурно запротестовал.

— Только не Скуле Скерри! — закричал он. — Что вы там потеряли? Птиц, что вам нужны, вы найдете на Хальмарнессе или присмотрите местечко получше. Если поднимется ветер, вас снесет в шхеры!

Я, как мог, привел ему свои доводы и соображения, а в ответ на его опасения по поводу шторма,

---

[131] Примечания: 131

Люгер — парусное судно, предназначенное для каботажного (прибрежного) плавания.

указал, что от преобладающих ветров остров защищен скалами, и ветры могут бить по нему только с юга, юго-запада или запада, то есть оттуда, откуда ветер редко дует в мае.

— Там будет холодно, — сказал он, — и дождливо.

Я сказал, что у меня есть палатка и я привык к походному образу жизни.

— Вам будет голодно, — продолжил он.

На это я изложил ему свои методы снабжения продовольствием.

— Вам тяжко будет мотаться туда-сюда, — не унимался он.

В ответ я устроил ему допрос, и он признал, что приливы, как правило, не создают больших трудностей и что я мог бы подогнать гребную лодку к берегу ниже того места, где стоит ферма, которую я уже видел. Ферма называется Сгуравво. Но и после того, как мы все обсудили, он по-прежнему возражал против моей поездки, пока я не спросил его — откровенно, прямо, без обиняков, — что не так со Скуле Скерри.

— Туда никто не ездит, — прохрипел он.

— Правильно, что не ездит, — сказал я. — Кому и что там делать? Лично я буду только наблюдать за птицами.

Но тот факт, что остров никто не посещает, похоже, застрял у него в мозгу, и он проворчал что-то такое, что удивило меня.

— У него дурное название, — сказал он.

Я снова устроил ему допрос, и он признался, что записей о кораблекрушении или каком другом бедствии, что подтверждало бы дурное название острова, не существует. При этом он с отвращением повторил «Скуле Скерри».

— Народ туда не ездит. Название — дурное. Как говорил мой дед, «такое место, что чокнуться можно».

Нынче в норландце не осталось ничего от кельта, и он отличается от гебридца так, как нортумбриец отличается от корнуоллца[132]. Это здоровая, честная и практичная порода людей, в жилах которых течет почти чистая скандинавская кровь, но в них так же мало поэзии, как в манчестерских радикалах. Я бы сказал, что они

---

[132] Примечания: 132

Кельты — древние племена индоевропейского происхождения, заселявшие значительную часть европейского континента со второй половины 1-го тысячелетия до н. э. до середины I в. н. э.

Гебридец — житель Гебридских островов, архипелага в составе Великобритании, расположенного в Атлантическом океане.

Нортумбриец — житель Нортумбрии, англосаксонского королевства периода раннего средневековья, В VII в, н. э. занимало территорию от Северного до Ирландского морей.

Ко́рнуоллец — житель Корнуолла, полуострова на юго-западе Великобритании.

совершенно свободны от суеверий, и за все время моих неоднократных посещений островов я не услышал от них ни одной народной сказки и даже исторической легенды. А тут еще Джон Рональдсон, человек с обветренным лицом, жестким подбородком и проницательными голубыми глазами, заявил, что от невинного на вид острова «чокнуться можно», и выказал явное и абсолютное нежелание приближаться к нему.

Все это, конечно, лишь усилило мое любопытство. Помимо того, что остров назывался Скуле Скерри — это название могло иметь отношение только к эрлу Скуле, — оно было достоверно связано с разрозненными сведениями, что я собрал в Британском музее — в «Саге о Ярле», в рукописи Адама Бременского[133] и в других подобных сочинениях. Джон в конце концов согласился отвезти меня на лодке утром следующего дня, и остаток дня я собирал снаряжение. У меня были небольшая палатка, сумка Уолсли и полудюжина пледов, и поскольку я привез из магазина боль-

[133] Примечания: 133

Адам Бременский (IX в. — после 1081 г. или 12 октября 1085 г.) — хронист из Северной Германии, каноник Бременского собора. Автор сочинения «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (1075/76), которое содержит сведения, связанные с историей народов Северной Европы; первое сочинение в Европе, где упоминаются Исландия, Гренландия и Ньюфаундленд.

шую коробку консервированной снеди, то мука, крупа и еще кое-какие простые продукты — это все, что мне было нужно. Узнал я, что на острове есть родник и что я могу рассчитывать на то, что у меня будет достаточно коряг для разжигания костра, но на всякий случай я прихватил с собой мешок с угольями и еще один мешок с торфом. На следующий день я отправился в путь с Джоном в его лодке, мы минули с попутным ветром Насест Уны, когда прилив был вполне благоприятен, причалили к берегу и пришли в шхеру сразу после полудня.

По всему было видно, что Джон действительно ненавидел это место. Мы устремились в бухту с восточной стороны, и он, разбрасывая брызги во все стороны, устремился на берег с такой решительностью, словно ожидал, что кто-то воспротивится его высадке, и при этом он все время зорко осматривался вокруг себя. Когда он нес мои вещи в лощину под холмом, образовавшим надежное укрытие, он по-прежнему крутил головой во все стороны. Мне же это место казалось последним словом забытого покоя. Волны нежно накатывались на рифы и маленькие пляжи, усеянные галькой, и лишь крики чаек с Хальмарснесса нарушали тишину.

Джону явно хотелось уйти, но свой долг по отношению ко мне он выполнил. Он помог мне поставить палатку, нашел удобное место для моих ящиков, показал мне, где протекает родник, наполнил бадью водой и выложил каменную изгородь для защиты моего лагеря со стороны океана. Мы взяли с собой маленькую лодку, и она должна была остаться со мной, чтобы всегда, когда захочу, я мог бы добраться до берега Сгурраво. Потом, оказав мне последнюю услугу, он установил старую кадку между двумя валунами на вершине холма и наполнил его маслянистыми отходами, чтобы его можно было превратить в сигнальный огонь.

— Может, вы захотите смыться отсюда, — сказал он, — а лодки, может, не будет. Зажгите огонь, в Сгурраво его увидят и сообщат мне, и я прибуду за вами, даже если Большой Черный Силки засядет на шхере[134].

Затем он поднял глаза и понюхал воздух.

— Не нравится мне нынче закат, — заявил

[134] Примечания: 134

Большой Черный Силки (Muckle Black Silkie) — герой народной баллады шотландского происхождения «Великий Си́лки из Суле Скерри» (The Great Silkie of Sule Skerry). «Си́лки» (или «се́лки») — волшебный тюлень, который, выбираясь на сушу, принимает облик человека.

он. — А вот и вторичная радуга...[135] Это плохо. В ближайшие двадцать четыре часа ветер будет сильнее, чем мне хотелось бы.

С этими словами он поднял парус, и вскоре, направляясь к Насесту Уны, превратился в малюсенькое пятнышко на фоне воды. Торопиться ему было незачем, потому что прилив сейчас был не тот, что нужен, и прежде чем он сможет пройти через Насест, ему придется подождать три часа на этой стороне острова Малл[136]. Однако Джон Рональдсон, обычно такой осторожный и невозмутимый, лихорадочно торопился отойти от острова и убраться подальше как можно быстрее.

Его отъезд оставил меня в странном состоянии счастливого одиночества и приятной надежды. Я был оставлен один на один с морем и птицами. Я засмеялся, подумав, что нашел жилку суеверия в твердокаменном Джоне. Он и его Большой

---

[135] Примечания: 135

Вторичная радуга — так называют радугу, свет которой образует ее, дважды отразившись в каплях. Внутри она красная, снаружи фиолетовая. Такой порядок считается перевернутым.

[136] Примечания: 136

Это место у Джона Бакена совершенно непонятно: the Mull может означать только «остров Малл». Но этот остров входит в состав архипелага Внутренние Гебриды (западная часть Шотландии), а Скуле Скерри — в состав Оркнейских островов (вблизи северной оконечности Шотландии). Расстояние огромное, и преодолеть его на лодке невозможно.

Черный Силки! Я знал старинную легенду, что сложили на Севере, в которой рассказывается, как вампиры, живущие в океанских глубинах, иногда могут надевать тюленью шкуру и выходить на сушу, чтобы сеять разор и разрушение среди простых смертных. Но diablerie[137] и этот мой остров были совершенно отдельными мирами. Я смотрел на него, когда солнце, дремавшее в опаловых приливах, опускалось под небом, где бледные облака образовывали полосы, подобные призрачному aurora borealis[138], и я подумал, что попал в одно из тех мест, где кажется, что Природа приглашает к ее тайнам. Когда свет угас, небо покрылось пятнами, напоминавшими корни и ветви огромного туманного дерева. Это, возможно, и была «вторичная радуга», о которой толковал Джон Рональдсон.

Я разжег огонь, приготовил ужин и все, что нужно для ночлега. Я был прав в своих догадках насчет перелетных птиц. Было где-то около десяти часов, когда они начали слетаться — после того, как мой костер погас, а я выкуривал свою последнюю трубку, прежде чем залезть в спаль-

---

[137] Примечания: 137
Чертовщина, черная магия, нечистая сила (*франц.*).

[138] Примечания: 138
Полярное сияние (*лат.*).

ный мешок. Рябинники — великое множество — плавно опустились на южную часть шхеры. Слабый свет не гас до и после полуночи, но различать маленькие создания было нелегко, потому что они знали о моем присутствии и не садились ближе, чем в дюжине ярдов от меня[139]. Но я разглядел юрков, овсянок и, как мне показалось, гренландскую каменку, бекаса и песчанку; также по их голосам я понял, что здесь были краснозобики и средние кроншнепы. Взволнованный до крайности, я отправился спать, пообещав себе, что завтрашний день потрачу на плодотворную работу.

Спал я плохо, как это часто бывает в первую ночь под открытым небом. Несколько раз я вздрагивал и просыпался с таким чувством, словно сижу в лодке и быстро гребу по течению. И всякий раз, просыпаясь, я слышал, как машут крыльями мириады птиц, словно по дубовому полу медленно влачился бархатный занавес. Наконец я погрузился в глубокий сон, и когда открыл глаза, день был в самом разгаре.

Первое, что меня поразило, — внезапно стало холодно. Небо на востоке стало красно-бордовым,

---

[139] Примечания: 139
Дюжина *ярдов* — без малого 11 метров.

а на севере нависали массы пушистых облаков. Онемевшими пальцами я разжег костер и торопливо заварил чай. Я мог видеть морских птиц, образовавших над Хальмарснессом своеобразный ореол, но на мою шхеру села одна-единственная птица. По ее раздвоенному хвосту я был уверен, что это вилохвостая чайка, но прежде чем я успел достать бинокль, она, взлетев, устремилась на север и исчезла в тумане. Это зрелище развеселило и воодушевило меня, и я приготовил завтрак в добром расположении духа.

То была в полном смысле слова последняя птица, что приблизилась ко мне, если не считать обычных буревестников, чаек и бакланов, что гнездились вокруг Хальмарснесса. (На острове не было ни одного гнезда. Об этом я слышал раньше в тех местах, где постоянно останавливались перелетные птицы.) Сейчас крылатые путешественницы, должно быть, предчувствовали близкую непогоду и пережидали ее где-то далеко на юге. Часов в девять подул ветер. Боже, как сильно он подул! Если хотите узнать, каким бывает ветер, отправляйтесь в Норландию[140]. Вам покажется, что вы находитесь на вершине

[140] Примечания: 140

Имеется в виду плоскогорье Норландия (по-шведски «северная страна») на северо-востоке Скандинавского полуострова.

горы, потому что рядом нет ни единой возвышенности, что могла бы защитить вас от ветра. Дождя не было, но прибой разбивался с брызгами, что заливали каждый фут шхеры. Хальмарснесс вмиг скрылся, и я, казалось, очутился в центре водоворота, захлестнутый пеной и со всех сторон избиваемый бурлящими водами.

Палатка упала сразу. Я боролся с очумелым брезентом и получил от шеста синяк под глазом, но то, что осталось, мне удалось утащить в укрытие за каменную изгородь, которую построил Джон, и навалить на свое жалкое добро несколько больших валунов… Брезент лег там, трепыхаясь, как больной альбатрос. Вода попала в мои коробки с продовольствием, пропитала топливо и промочила каждый дюйм моей одежды… Я с нетерпением ждал дня, когда займусь наблюдениями и размышлениями, когда смогу заняться своими заметками, а вместо этого провел утро, слово участник схватки в регби. Мне бы это понравилось, если бы я не так промок, и мне было не так холодно, и если бы на обед мне досталось что-нибудь получше, чем несколько липких кусков из консервной банки… Кто-то, рассказывая о своих приключениях, не моргнув глазом говорит, что его, дескать, сдуло с места, и, как правило, это

всего лишь досужее преувеличение, но в тот день я был очень близок к действительности. Несколько раз мне пришлось изо всех сил цепляться за один из самых больших камней, чтобы меня не унесло во вспенившееся море.

Где-то часа в два шторм начал стихать, и тогда я впервые подумал о лодке. Сердце мое замирало от ужаса, когда я пополз к бухте, где мы с Джоном вытащили ее на берег. Вытащили и затащили туда, где было высоко и сухо, и ее носовой фалинь[141] прикрепили к массивному валуну. Но теперь от лодки не осталось ничего, кроме оборванного конца веревки, обмотанной вокруг камня. Прилив поднялся до своего уровня, а затем волны и ветер разломали прогнивший фалинь. К тому времени все, что осталось от лодки, должно было качаться на волнах близ Насеста Уны.

Положение сложилось незавидное. Джон должен был навестить меня на следующий день, но перед этим мне предстояло промерзнуть двадцать четыре часа. Конечно, он оставил мне сигнальный огонь, но у меня не было желания использовать его. Этим я признал бы свое пораже-

[141] Примечания: 141

Носовой, фалинь — трос для привязывания шлюпки. Ввязывается в носовой рым. Рым — круглое кольцо, подвижное, продетое через проушину обуха.

ние, признал бы, что моя экспедиция оказалась фарсом. Я почувствовал себя несчастным, но решил держаться изо всех сил, и поскольку погода явно улучшалась, решил сделать все возможное ради дела, из-за которого прибыл сюда. Поэтому я вернулся к тому, что осталось от моего лагеря, и попытался привести место в порядок. Ветер по-прежнему был слишком силен, чтобы что-то сделать с палаткой, но морских брызг уже не было, и я смог разложить постельные принадлежности и часть провианта на просушку. Я достал из рюкзака сухой свитер, и, поскольку на мне были рыбацкие ботинки и штормовка, мне удалось восстановить какой-никакой комфорт. Также мне удалось наконец разжечь трубку. Я нашел уголок под холмом, обеспечив себе небольшое убежище, и настроился на то, чтобы скоротать время наедине с табаком и своими мыслями.

Примерно в три часа ветер совсем утих. Мне это не понравилось, потому что часто на Норландских островах мертвое затишье — предвестник новой бури. В самом деле, не помню времени, чтобы не дул какой-нибудь ветер, и я слышал, что если такое случалось, люди выходили из домов, чтобы спросить друг друга, что случилось. Но сейчас здесь царило гробовое спокойствие. Море

все еще было бурным, волны носились туда-сюда и приливы неслись, словно потоки, крутящие мельничное колесо. Туман, постепенно скрывавший Хальмарснесс, сгущался, пока не закрыл все вокруг, кроме узкого круга серой воды. Шум шторма прекратился, стало необыкновенно тихо. Нынешнее волнение моря по сравнению с его утренним шумом казалось не более чем бормотанием и эхом.

Когда я сидел там, у меня возникло странное ощущение. Мне показалось, что я более одинок и более отрезан не только от своих собратьев, но и от обитаемой земли, чем когда-либо прежде. Я словно бы сидел в маленькой лодке посреди Атлантического океана, и, если вы меня понимаете, мне было еще хуже; то было одиночество посреди пустоты, которая, тем не менее, была окружена и пересечена творениями человека, меж тем как ныне я чувствовал себя вне человеческого поля зрения. Каким-то образом я пришел на край того мира, где есть жизнь, и был совсем близко от мира, где нет ничего, кроме смерти.

Сначала я не думал, чтобы в этом ощущении было много страха, в основном неизвестность, но такая неизвестность, что вселяет трепет, но не внушает волнения. Я попытался стряхнуть с

себя это настроение и встал, чтобы потянуться. Места для упражнений там было мало, и я, двигая затекшими ногами вдоль рифов, соскользнул в воду и намочил руки. Было невероятно холодно — сама сущность и воплощение смертоносного арктического льда, такого холодного, что, казалось, он обжигал и отбеливал кожу.

С того момента я отсчитываю время самого неприятного опыта в моей жизни. Внезапно я стал добычей черной тоски, пронзенный красными огнями ужаса. Но то был не ужас, вызывающий оцепенение, потому что мозг мой работал остро и живо… У меня хватило ума попытаться заварить чай, но топливо все еще было слишком влажным, поэтому лучшее, что я мог сделать, это перелить полфляги с бренди в чашку и проглотить эту гадость. Это не согрело как следует мое замерзшее тело, но, поскольку я человек очень выдержанный, ускорило мои мысли вместо того, чтобы успокоить их. Я почувствовал себя на грани детской паники.

Одно, как мне казалось, я понимал ясно — значение Скуле Скерри. Согласно какой-то алхимии природы — какой, я мог лишь догадываться, — он оказался на пути, где Север пускает в ход свои чары, подвесной дорогой для магнетизма, для

привлекательности жестокой морозной Крайности, в которую человек может проникнуть, но подчинить или понять — никогда. Хотя широта была всего 61°, пространство составляли сплошные складки и остров был краем мира. Птицы это знали, и пожилые северяне, примитивные, как птицы, знали это. Вот почему шхере, не заслуживающей внимания, дали имя воинственного ярла. Старая Церковь знала это и основала часовню для изгнания демонов тьмы. Мне было интересно, что представало взору отшельника, чья обитель располагалась как раз на том месте, где нынче сжимался от холода я, что видел отшельник в зимних сумерках.

Быть может, отчасти оттого, что бренди подействовал на пустой желудок, отчасти из-за отчаянного холода, но мой мозг, несмотря на усилия мыслить рационально, начал работать со скоростью динамо-машины. Трудно объяснить мое настроение, но во мне, казалось, жили два человека: один — разумный и современный, пытающийся сохранить здравомыслие и с презрением отвергающий фантазии, которые другой, устремленный назад, в давнее прошлое к чему-то элементарному, плел яростно и неутомимо. Но второй взял верх… Я почувствовал, что меня

сорвало со всех моих якорей, и я стал обычным бродягой в неизведанных морях. Как там говорят немцы? Urdummhet[142] — первобытный идиотизм? Вот что со мной случилось тогда. Я выпал из цивилизации и попал в Запределье, ощутил его чары… Я утратил способность думать, но не утратил способность помнить, и то, что я читал о скандинавских путешественниках, вернулось ко мне с потрясающей настойчивостью. Эти люди познали запредельные ужасы — Морские Стены там, в самом конце мира, Океан, Леденящий Кровь, с его странными тварями. Эти люди не уплывали на север, как мы, на пароходах с современной пищей и с современным оборудованием, сколачивая команды и экспедиции. Они уходили в море почти в одиночку на хрупких галерах и узнали о мире то, что мы так никогда и не смогли узнать.

А затем меня осенило. Я искал пароль, и внезапно нашел его. То было «proxima Abysso»[143] Адама Бременского. Этот остров находился рядом с Бездной, а Бездна была тем бледным миром Севера, что был отрицанием жизни.

---

[142] Примечания: 142
Глупость на ура (*нем.*).

[143] Примечания: 143
Ближайший к Бездне (*лат.*).

Это злополучное воспоминание стало последней каплей. Помню, я заставил себя встать и попытался снова разжечь огонь. Но дрова по-прежнему были слишком влажными, и тут я с ужасом понял, что у меня осталось слишком мало спичек, причем несколько коробок было испорчено в то утро. Шатаясь, я прошел несколько шагов и увидел старую кадку с маслянистыми отходами, что Джон оставил для меня, и чуть было не зажег ее. Но какие-то остатки мужества помешали мне сделать это, — я не мог признать свое поражение таким ребяческим способом, — я должен был подождать, пока Джон Рональдсон не прибудет за мной на следующее утро. Вместо этого я сделал еще один глоток бренди и попробовал съесть несколько размокших сухарей. Но я едва мог глотать; адский холод, вместо того чтобы возбудить голод, вызвал во мне лишь неистовую жажду.

Я заставил себя снова сесть лицом к земле. Я, видите ли, с каждым мгновением становился все более ребячливым. Мне пришла в голову идея — мыслью назвать ее не могу, — что по дороге с севера должно прийти нечто страшное и странное. Должно быть, с нервами у меня было совсем плохо, потому что, хотя мне было холодно, голодно и

я жутко устал, я почти не осознавал стесненности своего физического состояния. Сердце у меня трепетало, как у испуганного мальчика, а другая часть меня все время стояла в стороне и твердила мне, чтобы я не был чертовым дураком… Думаю, что, если бы я услышал шорох стаи перелетных птиц, я, возможно, взял бы себя в руки, но ни одна благословенная птица не приблизилась ко мне в течение целого дня. Я провалился в мир, что убил жизнь, во что-то вроде Долины, где царила Тень Смерти.

Туман подавил долгие северные сумерки, и вскоре стало почти темно. Сначала я подумал, что это мне поможет, и, вытащив несколько полусухих пледов, устроил себе спальное место… Но даже если бы зубы у меня перестали стучать, уснуть я бы все равно не смог, потому что мной овладела новая совершенно идиотская идея. Пришла она, когда я вспомнил слова, сказанные Джоном Рональдсоном на прощание. Что он там сказал о Черном Силки, что всплывал из глубины и сидел на корточках вот на этой шхере? Бред сумасшедшего! Но на этом затерянном острове, где ночь становилась все темнее и где вокруг плескались ледяные волны, был ли еще такой ужас, в какой невозможно было поверить?

Тем не менее явный идиотизм идеи вызвал во мне реакцию. Я схватился за голову обеими руками и обозвал себя дураком. Я даже смог раскинуть умом и порассуждать о собственной глупости. Я знал, что именно со мной не так. Я страдал от *паники* — физического заболевания, порожденного естественными причинами, объяснимого, но до конца так и не объясненного. От него страдали двое моих друзей. Один из них заболел в одинокой узкой долине в Ётунхейме[144], да так, что пробежал целых десять миль по каменным холмам, пока не нашел себе пристанище и какое-никакое человеческое сообщество. Другой — в баварском лесу, где он и его проводник часами продирались через чащу, пока не упали, как бревна, выйдя на большую дорогу. Подумав, я нашел силы взять себя в руки и прикинуть, что со мной будет в самом недалеком будущем. Если мои страдания были физическими, то ничего не было постыдного в том, чтобы поискать способ вылечиться как можно быстрее. Не медля более ни минуты, я должен был покинуть этот богом

[144] Примечания: 144

Ётунхейм — земля, которую населяют ётуны (великаны), герои германо-скандинавской мифологии. Почему Джон Бакен отправил одного вскользь упоминаемого персонажа в сказочную страну, а другого — в совершенно реальный баварский лес, непонятно.

забытый остров.

С местом, обустроенным под сигнальный огонь, все было в порядке: Джон установил его в самой высокой точке острова и покрыл торфом. Одной из немногих спичек, оставшихся у меня, я поджег маслянистые отходы, и в небо взметнулось огромное дымное пламя.

Жуткой была полутьма, но эта внезапная яркость была еще более жуткой. На какой-то момент сигнальный огонь придал мне уверенности, но когда я посмотрел на воды, которые, зловеще освещенные, двигались вокруг меня, все мои ужасы и страхи вернулись ко мне… Сколько времени понадобится Джону, чтобы добраться до меня? Огонь немедленно увидят в Сгурраво, и Джон не станет медлить, потому что он пытался отговорить меня от поездки сюда, и плыть сюда он будет час, самое большее два.

Я поймал себя на том, что не могу оторвать глаз от вод. Казалось, они плывут с севера мощным потоком, черным, как сердце старого льда, непреодолимым, как судьба, жестоким, как преисподняя. В них словно бы плавали какие-то неуклюжие фигуры, что были не просто мелькающими тенями от сигнального огня… Нечто зловещее могло в любой момент поплыть по этой

реке смерти… Кто-то…

И тут колени мои подкосились, сердце сжалось, как горошина, потому что я увидел, что этот кто-то… Пришел!

Он тяжко вытащил свои телеса из моря, чуть повалялся по берегу, а затем поднял голову и с расстояния пяти ярдов[145] слепым взглядом посмотрел мне в лицо. Сигнальный огонь быстро угасал, но даже при этом со столь короткого расстояния огонь источал сильный свет, и глаза ужасного существа, пораженные им, казалось, выражали полное ошеломление. Я увидел огромную темную голову, похожую на бычью, старое лицо, сморщенное, словно от боли, блеск огромных зубов — причем все были сломаны, — бороду, с которой капала морская вода, — все было создано не так, как создал Бог смертные существа. На горле справа была рана — огромная, алая. Казалось, существо стонало, а затем оно издало звук — тоски или гнева, не могу сказать, — но мне показалось, то был крик пытаемого демона.

Я почувствовал, что с меня хватит. Падая в обморок, я повалился вперед, ударился головой о камень, и в таком состоянии Джон Рональдсон

---

[145] Примечания: 145
Пять ярдов — 4 м 57 см.

нашел меня три часа спустя.

В Сгурраво меня уложили в постель, обложив горячими глиняными бутылками, а на следующий день доктор из Восса залатал мне голову и дал снотворное. Он заявил, что ничего серьезного со мной не произошло, кроме шока от удара головой, и пообещал, что поставит меня на ноги через неделю.

Три дня я чувствовал себя настолько несчастным, насколько человек в состоянии быть несчастным, и приложил все усилия, чтобы довести себя до лихорадки. Я не сказал ни слова о том, что пережил, и сделал все, чтобы мои спасители поверили в то, что единственными моими проблемами были только голод и холод, что сигнальный огонь я зажег лишь потому, что потерял лодку. Но в эти дни я был в критическом состоянии. Я знал, что с телом у меня все в порядке, но я серьезно беспокоился за свой разум.

Трудности мои заключались именно в этом. Если бы весь пережитый ужас порожден был только моим мозгом, то лучше бы сразу признали, что я сошел с ума. Ни один нормальный, здравомыслящий человек не мог бы впасть в такое состояние, чтобы видеть такие знаки и приметы с уверенностью, с какой видел я, как это существо вышло из

ночи. С другой стороны, если это существо имело место быть на самом деле, то я увидел что-то вне законов природы, и мой интеллектуальный мир был разбит на куски. Я был ученым, а ученый не может допустить, что в природе возможно сверхъестественное. Если чудовище, в которое верил Адам Бременский, чудовище, изгнанное святыми людьми, от которого содрогались даже умные и практичные норландцы, потому что были уверены, что это и есть Черный Силки, я увидел собственными глазами, я должен был сжечь свои книги и пересмотреть свои убеждения. Я мог бы увлечься поэзией или теософией, но в науке я бы уже не преуспел никогда.

На третий день я попытался задремать и, закрыв глаза, стал отбиваться от картин, терзавших мой мозг. Джон Рональдсон и фермер из Сгурраво беседовали у кухонной двери. Фермер задал какой-то вопрос и Джон ответил:

— Да, то был промах, а не ошибка. Морж выполз на берег в Глуп-Несс, и Сэнди Фрэйзер содрал с него шкуру. Морж был мертв, но мертв совсем недавно. Бедное животное несло на юг, где оно могло прибиться к какой-нибудь льдине, но у него была ужасная рана. Сэнди сказал, что в горле у него была такая дыра, что в нее можно было

вставить кулак. А моржей не бывало в Уне со времен моего деда.

Я повернул лицо к стене и заснул. Теперь я точно знал, что был в своем уме и мне не нужно отказываться от науки.

X
«TENDEBANT MANUS»[146]
История Артура Уорклиффа

Не вводи души в обман,
Не гони ее в туман,
Не оставь своих одежд
У несбывшихся надежд.

А. Э. Хаусмен[147]

Как-то вечером мы обсуждали Соулдерна, который умер за неделю до этого, а поминальная служба по нему прошла в то утро в соборе Святой Маргариты[148]. Он добился поразительного успеха в парламенте; то был один из внезапных взлетов, нередких для тех первых послевоенных

---

[146] Примечания: 146

«Они протянули руки» (*лат.*).

[147] Примечания: 147

Эпиграфом взято четверостишие (строки 29–32) из стихотворения Альфреда Эдварда Хаусмена (1859–1936) «Запад», опубликованного в сборнике «Последние стихи», увидевшем свет в 1923 г. В сборнике 41 стихотворение; «Запад» помещено первым. В качестве приложения к Истории X «Tendebant Manus» стихотворение в переводе Евгения Фельдмана приводится полностью.

[148] Примечания: 148

Собор Святой Маргариты — католический собор на юго-западе Шотландии, в городе Эйре в епархии Галлоуэя.

лет, когда репутации пожилых людей ставились под сомнение, а молодые были слишком заняты зарабатыванием средств к существованию, чтобы иметь время на какие-то развлечения. Его речи, его членство в комиссии, где он проявил и оригинальность, и смелость, и его известный отказ по весьма уважительным причинам от места в кабинете министров придали ему в сознании людей дух исключительности и тайны. Газеты уделили ему много места, и, согласно всеобщему мнению, его смерть в результате автокатастрофы нанесла стране урон, превысивший его действительные достижения.

— Я никогда не встречался с ним, — сказал Паллисер-Йейтс. — Но я учился в одной школе с его братом. Помните Реджи[149] Соулдерна, Чарльз? Хороший парень — необыкновенно! В нем были задатки отличного солдата; он пропал — сгинул с большей частью своего батальона в марте 18-го года, и с той поры о нем ничего не слышно. Прекрасная земля Франции приняла его останки, но точное место неизвестно, и это похоже на погребение в море.

— Джорджа Соулдерна я знал достаточно

---

[149] Примечания: 149

Реджи — уменьшительная форма имени Реджинальд.

хорошо, — сказал Ламанча, к которому он обратился. — Я заседал с ним в парламенте два года перед войной. То есть я знал о нем столько же, сколько все другие, но из того, что знал, мало за что можно было ухватиться. Он был суетливым и бестолковым парнем: идей — через край, но он их никогда не обдумывал и всегда вспугивал зайцев, на которых не охотился. Но совсем недавно ему, кажется, позвонили, и у него был такой вид, будто он вот-вот пойдет в гору, начнет делать карьеру. Невезение, крутой поворот и мотоциклист-поганец положили этому конец. — Он повернулся к своему соседу: — Разве он не был вашим родственником, сэр Артур?

Человек, к которому он обратился, был самым старым и, безусловно, самым выдающимся членом клуба «Непокорные». Сэр Артур Уорклифф был заметной фигурой уже тогда, когда большинство из нас были в колыбели. Свой жизненный путь он начал в королевских саперных войсках, и до того, как ему исполнилось тридцать лет, он побывал командиром во главе небольшой, но весьма хлопотной операции в Сомали. Затем он был управляющим в самых разнообразных местах и с таким успехом, что пошли серьезные разговоры о его назначении в Индию. Во время

мировой войны он хотел вернуться в армию, но его использовали в кабинете министров в качестве мастера на все руки, и ему приходилось браться за самую тяжелую дипломатическую и административную работу. За что он ни брался, он, въедливо вникая в подробности, должен был претворять общие принципы политики в жизнь. Он никогда, как говорят в народе, не выпендривался, так что для общественности он был всего лишь именем, но громким именем, которое представители всех партий произносили с уважением. К настоящему времени он вышел на пенсию и жил один со своим мальчиком, у которого не было матери. При всем том, что ему было шестьдесят пять лет, он никогда не выглядел стариком, потому что был на редкость молод сердцем, и мы, глядя на его мудрое, украшенное морщинами лицо, понимали, кто он был и есть, и с восхищением признавали его старшинство.

— Да, — сказал он в ответ Ламанче. — Джордж Соулдерн приходился двоюродным братом моей жене, и я хорошо знал его последние два десятка лет. После войны я узнал его лучше, и, думаю, в течение последних полутора лет я был его единственным близким другом.

— Был ли он в самом деле великим челове-

ком? — спросил Сэнди Арбетнот. — Я не особо ценю его профессию, но мне показалось — всего на мгновение, — что в том ирландском скандале я мельком увидел что-то необычное.

— У него были первоклассные мозги.

Сэнди рассмеялся.

— Это мало о чем говорит, — сказал он, потому что выражение «первоклассные мозги» в ту пору имело весьма комичный оттенок.

— Нет, говорит. Если бы вы задали мне этот вопрос шесть лет назад, я бы сказал, что Джордж блестящий неудачник. На свой лад невероятно умен, действительно хорошо образован — а таких среди нас очень мало, — трудолюбив, как бобр, но все напрасно. Заяц, которого всегда обгонит любая черепаха. У него было все, что нужно для успеха, но у него никогда не получалось так, как он хотел. Я познакомился с ним после того, как он окончил Оксфорд, но думаю, что в университете ему не было равных.

— У меня с ним были добрые отношения, — сказал Пекуэдер, историк. — О да, он был достаточно крупной фигурой. Он был большим человеком в Уинчестере и старшим научным сотрудником колледжа Баллиол, с ходу получил две первые и несколько университетских премий, он держал

позу человека, которому все дается легко, и то была разновидность великой манеры в его исполнении. Он был самым беспокойным студентом. Когда он произносил политические речи, у него был такой вид, словно он только что покинул заседание кабинета министров.

— Пользовался ли он популярностью? — спросил кто-кто.

— Нисколько, — ответил Пекуэдер. — Несмотря на все его успехи, мы в него не верили. Он прошел огонь, воду и медные трубы — мы привыкли называть его «banausic»[150] — и слишком стремился к успеху. Мы чувствовали, что он, выставив все товары на витрину, в запасе не оставил ничего.

Сэр Артур улыбнулся:

— Современники молодого человека — довольно проницательные судьи. Когда я встретил его в первый раз, я почувствовал то же самое. Он не был педантом, он понимал юмор и обладал

---

[150] Примечания: 150

Слово *banausic* имеет греческое происхождение. Вот что говорится в словаре «Merriam-Webster» об этом слове: «Древние греки высоко ценили интеллектуальные занятия и считали идеальной неторопливую жизнь, полную созерцания. Большое количество рабов позволило многим гражданам Греции вести такой образ жизни. Те, за кого тяжелую работу выполняли другие, обычно относились к профессиональному труду с презрением. Их предубеждение в отношении тех, кто вынужден тяжело трудиться, чтобы заработать на жизнь, отражено в греческом прилагательном βαναυσικός, которое означает не только „ремесленник“ (βάναυσος), но также „неинтеллектуальный“».

множеством чувств, присущих приличному человеку. Он был не из тех, кто может забыться и поступить необдуманно, махнув рукой на последствия. Никто не смог согреть его… Но, в отличие от вас, я думал, что он все же добьется успеха. Не хватало только денег, но за два года он исправил положение. Он женился на богатой, дама умерла, и состояние досталось ему. Думаю, то был честный брак по любви: он долго не мог оправиться после потери, а когда выздоровел, весь погрузился в работу. Вы, конечно, могли бы сказать, что из всего этого все равно должно было что-то получиться. Молодой, богатый, здоровый, невероятно трудолюбивый, способный, респектабельный — любой округ приветствовал бы его, его партия должна была бы просто наброситься на него, и он мог бы добиться потрясающего успеха. Но ничего не получилось. Он был плохим кандидатом, и, прежде чем попасть в парламент, ему пришлось баллотироваться трижды. В парламенте он не производил никакого впечатления, хотя говорил обдуманно и всегда о том, что хорошо знал. Он написал книгу о смысле колониального национализма, написал не занудно, хорошим языком, толково и местами даже красноречиво, но книгу почему-то не читали. Он всегда произносил речи

на общественных обедах и на ежегодных собраниях разного рода ассоциаций, но, похоже, то, что он говорил, значения не имело, и в газетах о нем почти не сообщали. Не было никакого заговора молчания, чтобы заставить его замолчать, потому что людям он скорее нравился. Создавалось впечатление, что он не имел ясных и четких границ, что он был оторван от окружавшей его среды. Почему так, я не мог понять.

— Отсутствие индивидуальности, — сказал Ламанча. — Я помню, что чувствовал это.

— Да, но что такое индивидуальность? У него было то, что ее составляет, — мозги и цель. Он нравился, впечатляли его достижения, но, если вы меня понимаете, человек не впечатлял… В нем не было того, что вызывает чувство постоянного доверия, потому что при случае он мог быть и агрессивным. У него не было достаточной *веры* в то, что он делал. Вот почему он, как вы сказали, всегда вспугивал зайцев, на которых не охотился. При этом он находил превосходную и неопровержимую причину, почему он должен расслабиться. Он был тем, кого, я думаю, вы называете хорошим партийцем, потому что он всегда голосовал так, как нужно партии, но, прозаседав четыре года в парламенте, он, вместо того чтобы

выйти в лидеры, быстро стал обычным винтиком партийной машины. Непохоже было, что он из тех, кто способен заставить считаться с собой. В таком положении он был восемь лет назад, и от этого положения до трагедии было совсем недалеко. Способностей у него было столько же, сколько у любого члена кабинета министров, но ему не хватало демонической силы, которой иногда обладают даже глупые люди. Описать его я могу только при помощи парадоксов. Он был одновременно тщеславным и застенчивым, непомерно честолюбивым и с горечью сознающим, что никогда не получал от жизни того, чего стоил по своим способностям… А потом пришла война.

— Он служил, не так ли? — спросил Лейтен. — Помню, я столкнулся с ним в штаб-квартире.

— Можете назвать это службой, если имеете в виду, что он ни разу не снял форму за четыре года. Но в боях он не участвовал. А мне хотелось, чтоб он повоевал. Я думал, что линейный батальон сделал бы из него мужчину, но он отшатнулся от этой идеи. Это не было недостатком мужества — я убедился в этом. У него не хватило смелости встать в ряды простых людей. Вы понимаете, почему? Это означало бы осмысление того, что было глубочайшим, сокровенным страхом его

сердца. Он должен был поддерживать обман, иллюзию, что он некая важная шишка, и ему нужен был авторитет, чтобы подкрепить свое зыбкое тщеславие. У него была возможность подобрать себе какую-нибудь пустяковую штабную должность — помощник по связям с тем и с этим, заместитель помощника любого встречного-поперечного, совершенно бесполезный, но имеющий право распоряжаться специальными пропусками и штабными автомобилями. Кажется, у него было звание полковника, меж тем как любой рядовой корпуса армейской службы был ценнее десятка таких, как он. Он был несчастен настолько, насколько может быть несчастен человек. Ему нравилось, что люди думали, что его тревожность вызвана драмой войны, но истинная драма заключалась в том, что не было в нем никакой драмы. Он знал, что он никто и ничто. Знал потому, что был по крайней мере откровенен с самим собой и время от времени со мной. Он, я полагаю, надеялся на то, что я вовлеку его в какое-нибудь стоящее дело, но я, положа руку на сердце, не мог на это решиться, потому что и я утратил в него всякую веру. Продолжалось это до марта 1918-го, когда его брат Реджи был убит во время наступления немцев. Он служил в 9-й

дивизии, не так ли?

— В 9-й южноафриканской бригаде, — кивнул Паллисер-Йейтс. — Он пал в Марльерском лесу, но он и его люди сдерживали врага большую часть воскресенья, и я свято верю в то, что они спасли весь наш фронт. Они были в критической точке, на распутье между Гофом и Бингом. Тело его так и не нашли[151].

— Я знаю, — сказал сэр Артур, — и это как раз то, о чем я хочу рассказать в моей истории. — Здесь он сделал паузу, а затем продолжил: — Реджи оставил указание, согласно которому, если что-то случится, мне должны передать его дневник. Он, конечно, не имел в виду, что я должен хранить дневник в тайне… Нет, я думаю, ему хотелось, чтобы один-два человека все же знали о дневни-

---

[151] Примечания: 151

Подробности этого сражения:(24 марта 1918 г.) см.: URL: http://samilitaryhistory.org/jnl2/voll82hp.html (дата обращения: 05.04.2024). Сведения предоставлены Южноафриканским военно-историческим обществом. Опубликованы в «Military History Journal» в июне 2018 г. (том 18, № 2), то есть к 100-летию со времени события. В связи с участием Южной Африки в Первой мировой войне Джон Бакен написал статью «The South African Forces in France» (reprinted 1992, Imperial War Museum, London, and Battery Press, Nashville). Внимательный читатель, конечно, обратит внимание на то, что Бакена не стало в 1940 г., а его статья вышла в свет во второй раз 52 года спустя. Это говорит о том, что то, о чем в Истории X «Tendebant Manus» Бакен упоминает мельком, он знал досконально. Нелишне напомнить, что в течение всей Первой мировой войны Джон Бакен был корреспондентом ежедневной британской газеты «Таймс».

ке. — Он посмотрел на Паллисера-Йейтса: — Вы знали Реджи Соулдерна? Как бы вы его описали?

— Наилучший образец британского полкового офицера! — последовал решительный ответ.

— Умный?

— Нисколечко. Мозги средние, но каждая унция[152] была полезной. Всегда жизнерадостен, всегда в курсе дела, и, главное, прирожденный лидер. В пору, когда он погиб, он вполне мог командовать бригадой, а если бы война продлилась еще пару лет, он вполне мог бы дорасти до командира корпуса. Я никогда не встречался с другим Соулдерном, его братом, но судя по тому, что вы говорите, он был полной противоположностью Реджи.

— Именно так. Джордж был высокого мнения о своем брате. Кроме обычной братской любви, здесь имело значение и то, что на свете их было только двое. Я думал, что известие о смерти брата сломит Джорджа совсем. Но этого не произошло. Известие он воспринял с необыкновенным спокойствием, и вскоре он как будто даже повеселел… Тело, видите ли, так и не нашли. Он никогда не видел брата мертвым, он даже не видел моги-

---

[152] Примечания: 152
Унция — 28,35 грамма.

лы, где он был похоронен, и не встречался ни с кем, кто бы ее видел. Реджи был таинственным образом перенесен из этого мира в мир иной, но печальных и бесспорных признаков его смерти не было.

— Вы имеете в виду, Джордж думал, что он просто пропал без вести и, быть может, когда-нибудь объявится?

— Нет, он *знал*, что Реджи умер: доказательство было слишком убедительным, вероятность — слишком велика. И хотя этого было достаточно, чтобы убедить его разум, этого было слишком мало для его воображения, — ни белого лица, ни застывшего тела, ни деревянного креста на кладбище. Он мог *представить* его по-прежнему живым — для этого у Джорджа было странное чувствительное воображение, о котором большинство людей ничего не знали. — Сэр Артур окинул взором сидевших за столом и увидел, что мы озадачены. — Это трудно объяснить… Вы помните историю о том, как французы атаковали участок земли, за который они бились несколько месяцев? Они пошли в бой с криком: «En avant, les morts!»[153], потому что верили, что

[153] Примечания: 153
«Вперед, мертвецы!» (*франц.*).

духи мертвых ответят им и восстановят равновесие между французами и немцами. Видимо, то было последнее сражение при Во… Не думаю, что poilu[154] рассчитывал на то, что мертвые вернутся, чтобы помочь ему, но он вбил себе в голову, что мертвые по-прежнему были в строю, и получил духовную поддержку от своей фантазии… Очень похоже на то, что случилось с Джорджем Соулдерном. Если бы вы спросили его, вы бы обнаружили, что он нисколько не сомневается в том, что то, что осталось от Реджи, пребывает где-то в глуши на вспаханном поле к северу от Перона[155]. Он никогда не нес чепухи насчет визитов мертвых или посланий от них… Но отсутствие *видимых* доказательств позволяло его воображению представлять Реджи по-прежнему живым и набирающим силу. Он баюкал эту свою фантазию до тех пор, пока она не стала для него такой же реальностью, как все, что окружало его в обычной жизни… Вот Реджи становится великим человеком, и скоро станет самым известным человеком в мире, что-то от Реджи достанется

[154] Примечания: 154

Волосатый (*франц.*), насмешливое прозвище французского солдата конца XVIII — начала XX в.

[155] Примечания: 155

Перон — коммуна на севере Франции.

и ему, и он разделит славу Реджи. В марте 18-го года началось сотрудничество Джорджа Соулдерна с его мертвым братом, и мертвый, что был и оставался в его воображении живым и победоносным, поднял его из липкой борозды, которую он пахал с тех пор, как окончил Оксфорд.

Мы все молчали, все, кроме Пью, который сказал, что столкнулся с тем же на Востоке — видимо, он имел в виду какого-нибудь раджпутанского князя[156].

— Как вы узнали об этом? — спросил Ламанча.

— Из дневника. Джордж самым подробным образом описал каждый этап своего нового жизненного периода. Но я почти догадался сам. Зная его таким, каким я его знал, я должен был допустить возможность внезапной и ошеломляющей перемены.

— Как скоро она наступила?

— Через неделю после того, как пришло известие. Я был в Париже и по возвращении, встретив Джорджа в «Travellers»[157], сказал ему несколько обычных слов сочувствия. Он странно посмотрел на меня, когда благодарил, и если бы я не знал,

---

[156] Примечания: 156

Раджпутана (или Раджастан) — историческая область в Индии.

[157] Примечания: 157

«Travellers» — кофейня.

сколь сильно братья были привязаны друг к другу, я бы сказал, что он был подбодрен своей потерей. Это выглядело почти так, словно ему дали лекарство для укрепления артерий. Он вдруг показался мне более солидным, более спокойным, более умиротворенным. «У старины Реджи есть шанс, — сказал он, и затем как бы с некоторым вызовом: — Я имею в виду, он получил шанс, который хотел».

В июне стало ясно, что в Джорджем Соулдерном что-то случилось. Вы помните, как в это время по всем странам-союзницам прошла волна уныния? Отчасти тому причиной были неразбериха в России, отчасти — некоторая потеря доверия правительству Великобритании, которое, казалось, поссорилось с солдатами, но самое главное — «усталость», что приходит со всеми войнами. То же самое было во время Гражданской войны в США перед Геттисбергом[158]. Фош топтался на месте и выжидал, но делал он это, довольно быстро отступая к Эне[159]. Что ж, нашим людям нужно

[158] Примечания: 158

Сражение при *Геттисберге,* решающее в ходе Гражданской войны в США (1861–1865), произошло 1–3 июля 1863 г.

[159] Примечания: 159

Фердинанд *Фош* (1851–1929) — начальник штаба в 1917–1918 гг., верховный главнокомандующий союзными войсками с апреля 1918 г. *Э́на* — река в северной части Франции.

было немного взбодриться, и наши политики попробовали в этом свои силы. В парламенте развернулись дебаты, и лучшей была речь Джорджа. Остальные — просто набор банальностей и пустая риторика, а он все бил и бил в одну точку, как паровой молот.

— Я знаю, — сказал Ламанча. — Я прочел речь в «Таймс» в полевом госпитале в Палестине.

— В его прежние дни никто не обратил бы на это особого внимания. Впервые в жизни он говорил как человек, имеющий авторитет. Он мог бы быть умен и афористичен, и этого, казалось бы, вполне достаточно, но все это, как говорят в народе, «шибко мудрено». Он говорил простым и мужественным языком, говорил о том, что было на уме у каждого честного человека, говорил так, что всех и каждого, кто был зале, слово его потрясло. Пресса цитировала его почти дословно, потому что у журналистов, засевших на галерее, был тонкий нюх на то, что нужно массовому читателю.

Эта речь обеспечила Джорджу место на политической карте. Премьер-министр говорил со мной о нем, и речь зашла о том, чтобы использовать его в миссии, что до той поры не была реализована. Однажды я встретил его на улице и поприве-

ствовал; помню, я был поражен новой силой, исходившей от его личности. Он убедил меня пойти к нему домой попить чаю, и говорить с ним было все равно что дышать озоном. Он задал мне пару вопросов, связанных с цифровыми показателями, а затем изложил свой взгляд на войну. В то время все считали, что решение не может быть принято до следующего лета, но Джордж настаивал на том, что если мы правильно разыграем наши карты, то победа обретет математическую определенность еще до Рождества. Он показал такое знание военного положения, какое сделало бы честь любому военнослужащему, и при этом смог выразить себя так, как смогли бы очень не многие из них. Его аргументы засели у меня в голове, и, думаю, я использовал их, работая в кабинете военного времени[160]. Я ушел от него с чувством великого уважения к тому, кого я списал со счета как неудачника.

Затем последовало последнее сражение на

[160] Примечания: 160

Кабинет военного времени — так в Великобритании называли коалиционное правительство 1940–1945 гг.

Марне[161], великое наступление Хейга[162] и все драмы и неразберихи осеннего времени. Я потерял Джорджа из виду, потому что был занят мирными предложениями, и, насколько помню, даже не слышал о нем до начала нового года… Но дневник рассказывает все о тех месяцах, и я излагаю лишь самое главное. Однако я не собираюсь сжигать дневник, потому что он слишком интимен для других глаз… Согласно дневнику, Реджи закончил войну блестящим героем. Подробный рассказ об этом сопровождается картами и диаграммами. К августу он стал командиром корпуса, а в октябре — главной боевой фигурой на британском фронте, проводником идей Фоша, потому что он мог практически осуществить то, что великому Фошу приходило в голову в качестве видения. Звучит дико, но Джордж описал это столь убедительно, что мне пришлось протереть глаза и заставить себя вспомнить, что Реджи лежит в безымянной могиле на Сомме, что его имя не стало нарицательным в двух полушариях нашей планеты… Джордж, согласно дневнику,

---

[161] Примечания: 161

Ма́рна — река, правый приток реки Сена (север Франции).

[162] Примечания: 162

Дуглас *Хейг* (1861–1928) — с декабря 1915 г. командующий английскими войсками во Франции. Британский фельдмаршал с 1917 г.

тоже разделил с ним славу, но я не понял как. Как бы там ни было, братья стояли на авансцене: Реджи, персона номер один, и Джордж, его гражданский советник и второй номер. Ныне я вижу, как Джордж обрел уверенность. Он уже не боролся за место под солнцем, он был состоявшимся человеком, и доказал миру, что мир нуждается в нем. Что бы он ни сказал и ни сделал, должно быть учтено, и поскольку он верил в это, то так оно и было.

Ламанча присвистнул — протяжно и низко.

— Но как мог работать его разум, если он жил среди сказок? — спросил он.

— Не жил он среди сказок, — возразил сэр Артур. — Он был глубоко погружен в реальный мир. Но у него все время был собственный заповедник воображения, в который не проникал его нормальный разум. Он обрел уверенность благодаря этому заповеднику и, обретя ее, смог также выйти с ней в реальный мир.

— Возможно, он был невыносимо тщеславен? — спросил кто-то.

— Нет, потому что великим человеком был Реджи, а он — лишь его спутником. Он был пророком Реджи, и в этой роли чувствовал себя достаточно уверенно, но личного высокомерия в

нем не было. Его мертвый брат стал, так сказать, его близким, интимным духом, его *демоном*. Дело в том, что в ту пору Джордж был менее эгоистичен, чем когда-либо прежде. Его тщеславие сгорело в страсти служения.

Я часто видел его в первой половине 19-го года и много раз с ним беседовал, Большинством голосов его вернули в парламент, но он не был на виду у общественности. Ему не нравилось то, как развивались события, но в то же время, как добропорядочный гражданин, он не хотел усложнять жизнь правительству. Дневник рассказывает, о чем он думал в то время. Он считал, что военные должны играть главную роль в обустройстве мира: Фош, Хейг, Гинденбург[163] и Реджи. Он считал, что военные сделали бы это чище и честнее, чем те, кто устроил цирк, собравшись в Версале. Возможно, он был прав, но я не могу быть категоричен на этот счет, потому что в том цирке я был одним из артистов.

Конечно, до поры до времени я этого не знал. Но перемена в Джордже Соулдерне скоро стала очевидной для всех. В ту пору возникло ирланд-

---

[163] Примечания: 163

Пауль фон *Гинденбург* (1847–1934) — командующий германскими войсками Восточного фронта с ноября 1914 г. С 1925 г. — президент Германии.

ское дело, а он меж тем отправился в худшие углы Юга и Запада, и, казалось, что он просто напрашивался на то, чтобы получить пулю в голову. Он, знаете ли, наполовину был ирландцем. Он писал и говорил совершенно откровенно, что ему совсем не важно, находится Ирландия внутри или вне Британской империи, что единственное и главное то, чтобы она обрела душу, и что ей предстоит пройти долгий путь, прежде чем она ее обретет. Обращаясь к Ирландии, он сказал ей, что в настоящее время она являет собой великий обман, странствующий по белому свету, и пока она не обретет хоть немного дисциплины и чувства реальности, она останется на уровне Гаити. Не могу понять, почему какой-нибудь бандит не выстрелил в него? Причина, полагаю, здесь может быть только одна: такая откровенность и такая смелость были тогда внове, и должны были уважаться… Затем он работал в комиссии по безработице. Вы помните отчет большинства ее членов: ханжеские обобщения и никчемные компромиссы. Отчет Джорджа, в корне противоречивший мнению большинства членов комиссии, на целый месяц сделал его самым оскорбляемым человеком в Британии, потому что он беспристрастно презирал все стороны.

Сегодня, я полагаю, очень и очень многие из нас согласятся с Джорджем, и я стал замечать, что его часто цитируют лейбористы[164].

В его отношении к стране меня поразило то, что это было отношением хорошего солдата. Он обладал той же способностью видеть простые факты и делать простые умозаключения, которые умствующий интеллектуал неизменно упускает. И еще была солдатская верность и чувство служения отечеству. При всем том корысть в Джордже, как говорится, даже не ночевала. Он обладал мужественным разумом и отстаивал свои взгляды, как генерал отстаивает свою стратегию, и при всем том он всегда сохранял удивительную личную скромность. Уверяю вас, тому, кто знавал его в былые времена, это казалось чудом и ничем иным.

Я воспринял это как стихийное бедствие и не стал искать дальнейших объяснений. Думаю, первое, что заставило меня усомниться в его нормальности, было то, как он себя повел, когда встал вопрос об установлении памятника Реджи. Семья хотела, чтобы камень был установлен на кладбище в Глостершире в том месте, где хоронили членов их семьи. Джордж был категорически

[164] Примечания: 164

Лейбористы — члены Лейбористской (рабочей) партии Великобритании. Год основания — 1900-й.

против. Можно было подумать, что братья были чужды друг другу, но все знали, что вели они себя как близнецы и писали друг другу письма каждый день.

Затем встал вопрос о написании воспоминаний о Реджи. Этого хотел полк, этого хотели те, кто учился в штабном колледже в ту пору, когда он еще был жив. Толлетт, вы помните его, он служил в штабе 3-й армии, вызвался написать их — конечно, с помощью Джорджа. Джордж отказался наотрез, сказав, что испытывает сильнейшее отвращение к этому предложению. Тогда Толлетт обратился с предложением ко мне, и я пригласил Джорджа на ланч, чтобы обсудить с ним это дело. Мне было очень трудно понять причины его отказа, потому что он был даже против того, чтобы собрать материал по истории полка. Он признал, что для такой работы Толлетт был лучшим человеком из всех, кого можно было найти, но при этом сказал, что от самой идеи у него с души воротит. Никто не мог понять Реджи, кроме него самого. Когда-нибудь, сказал Джордж, он попытается воздать должное брату, но не сейчас. Я выдвинул все аргументы, какие тогда пришли в голову, но Джордж остался непреклонен.

Возвращаясь домой, я все думал и думал об этом

деле. То не могла быть просто ревность писателя, который хотел приберечь хороший сюжет для себя, это было не в характере Джорджа, и у него не было литературного тщеславия. Кроме того, это не объясняет его отвращения к прозаическим полковым хроникам и тем более его нежелания устанавливать памятник на кладбище в Глостершире. Я подумал, не было ли в голове у Джорджа какого-либо выверта, странной одержимости в отношении брата. Мелькнула мысль, что он занимался спиритизмом и получил сообщение от Реджи, но тут же вспомнил, что неделю назад он с безудержным презрением отозвался о такой чепухе.

Я много думал об этом и предположил, что Джордж ведет двойную жизнь, что в его подсознании Реджи все еще жив. То была всего лишь моя догадка, но она была недалека от правды, и в прошлом году я услышал ее из его собственных уст.

Мы вместе охотились на уток в Крофтсмуре на большом болоте недалеко от его дома. То было любимое развлечение Реджи. Выслеживая дичь, он имел обыкновение уходить из дома в любое зимнее время — и на рассвете, и в сумерках. Джорджа это никогда не интересовало, как и любой другой вид полевого спорта. Он мог бы

занять свое место в искусстве скрытной стрельбы или охоте на тетеревов, он достаточно умело обращался с ружьем. Однако при всем том он был бы первым, кто отказался бы вести себя так, как положено всякому, кто носит звание спортсмена. Но теперь он был таким же энергичным и неутомимым, как Реджи. Восемь часов кряду в дождливый день он протаскал меня в окопных ботинках по грязи Глостершира!

Получилось у нас неплохо, и незадолго до захода солнца погода улучшилась. Ветер, что пришел с севера, обещал морозы. Мы сидели на старом каменном мосту с разбитой опорой, переброшенном через одну из дамб, ожидая, когда сюда из разных мест слетятся птицы. Небо на западе представляло собой одну широкую полосу бледно-золотого цвета. Мы оба порядком устали, и внезапная смена грозового дождя на холодную тишину и холодного тумана на цвет и свет произвели на меня странное действие. На душе стало спокойно и празднично. Он зажег трубку, но дал ей погаснуть, потому что все свое внимание устремил на запад к безбрежному океану, на фоне которого смутным силуэтом вырисовыва-

лись валлийские холмы[165]. Прозрачный воздух, дикие болотные ароматы и слабый запах табака пробудили во мне тысячу отчасти грустных и печальных воспоминаний.

Я ничего не смог с собой поделать… Помню, я что-то сказал о Реджи.

Джордж сидел на мосту, устремив глаза в небо. Я думал, он не слышит меня, но он вдруг повторил:

— Реджи… Да, старина Реджи…

— Здесь все то, что он любил, — сказал я.

— Он по-прежнему любит все это, — тихо, очень тихо ответил Джордж. А затем повторил, как бы про себя: — «Сражайтесь, продолжайте сражаться, сказал сэр Эндрю Бартон. — Я ранен, но не убит. Я лягу и какое-то время буду истекать кро-

[165] Примечания: 165

Валлийские, или уэльские, т. е. расположенные в Уэльсе, *холмы* располагаются в западной части Британии.

вью. А потом встану и снова буду сражаться»[166]. — С этими словами он повернул ко мне свое прекрасное лицо. — Вы думаете, Реджи мертв?

Я не знал, что сказать.

— Да, — пробормотал я, — мне кажется…

— А что вы подразумеваете под смертью? — Его голос был почти пронзительным. — Мы ничего об этом не знаем. Какое это имеет значение, если тело закопано в воронке от снаряда…

Внезапно он остановился, и я подумал, что так гаснет лампа, когда нажимаешь на выключатель. Мне показалось, что эти странные слова, произнесенные пронзительным голосом, исходили не от него, не от Джорджа, а от кого-то другого, кто присоединился к нам.

— Я верю, что дух бессмертен… — начал я.

---

[166] Примечания: 166

Сэр Эндрю *Бартон* (1466 — 2 августа 1511) — верховный адмирал Шотландии. Действовал от имени шотландской короны, имея каперскую грамоту, поэтому был капером, а не пиратом, как утверждают британские исторические хроники. Герой народных и литературных баллад. Интересно, что со слов, цитируемых Джорджем Соулдерном, начинается стихотворение «American Football Poem», посвященное американскому футболу. В стихотворении упоминается сэр Эндрю Бартон.

«Fight on, my men,» says Sir Andrew Barton,
«I am hurt, but I am not slain;
I'll lay me down and bleed a while,
And then I'll rise and fight again…»

— Дух… — снова раздался пронзительный безличный голос. — Говорю вам, человек, родной мне по крови, живет… Сейчас он ближе мне, чем когда бы то ни было… мы никогда не расстанемся…

Свет снова погас. Он, казалось, сглотнул, и когда заговорил, то был его естественный голос.

— Прошу прощения, — сказал он. — Вам, конечно, кажется, что я говорю глупости… Вы меня не понимаете. Вы бы поняли, если бы кто-то вообще смог меня понять, но я не могу объяснить… И все же… Когда-нибудь настанет день…

Главный егерь, загонщики и собаки вышли из тростниковых зарослей, и в то же время странное свечение на западе было окутано дымкой наступающей ночи. Когда мы двинулись, чтобы идти домой, было почти темно. И я был рад этому, потому что никто из нас не хотел смотреть в лицо другому.

Я чувствовал себя и смущенным, и просветленным. Мне дали мельком заглянуть в заоблачные обиталища, где пребывает душа человека, и тайна застала меня врасплох. Мой гость был прав. Реджи — в подсознании Джорджа — был по-прежнему жив, скажу больше, становился все живее и живее, словно никогда не исчезал в мартовской

битве. То был не вопрос о бестелесном духе, устанавливающем связь с живым человеком, то было дело, в котором никто ничего не понимал — ни я, ни Джордж. То был вопрос жизни, родственной жизни в особом мире, общении в некоем духовном четвертом измерении, и это общение давало Джорджу силы для поддержки его существования. Он узнал о прямоте и откровенности Реджи, о его счастливой простоте… Я был удивлен и потрясен. Есть история о государственном деятеле начального периода правления королевы Виктории[167], который в часы досуга играл в императора Византии. Старый виг строго разделял два способа своего бытия: в своей английской жизни был благочестивым гуманистом, а в другой — безжалостным завоевателем. Но в случае с Джорджем эти два способа смешивались. Он готов был исполнять свои ежедневные обязанности при помощи власти, полученной от его тайного мира. Этот тайный мир, где он совместно с Реджи стал господином, обеспечивал ему господство в нашей обычной жизни… Я не верил, что это продлится долго. Это противоречило природе, потому что человек паразитически продолжал

[167] Примечания: 167

Королева Виктория (1819–1901) правила с 1837 по 1901 г., т. е. речь идет о 30–40-х гг. XIX столетия.

жить за счет мертвого.

Свою историю я почти закончил. Два месяца спустя Джордж стал фигурой национального масштаба. Именно он разбил коалицию на собрании в Графтон-Хаус и этим, полагаю, спас свою партию. Его речь, как вы помните, прорываясь через намеки и словесные хитросплетения, не имеющие отношения к теме, сводилась к простому заявлению о том, что он не может работать над тем, к чему он не испытывает доверия, и до тех пор, пока положение не изменится, должен отойти от общественной деятельности. В той же манере витийствовал Реджи, и Джордж в тот момент вел себя точь-в-точь, как Реджи. Затем были всеобщие выборы нового правительства, и Джордж, к великому изумлению людей, отказался войти в состав кабинета министров. Причина, как он объяснил, заключалась в том, что он сыграл основную роль в том, что прежнее правительство было повержено и отправлено в отставку, и он считает, что не может позволить себе извлекать из этого личную выгоду. Мы считали его не в меру возвышенным и щепетильным донкихотом, но простым людям это нравилось, потому что им виделась за этим желанная перемена в старой шайке-лейке выскочек

и карьеристов. Но истинной причиной было совсем не это, и причину я обнаружил в дневнике.

Здесь сэр Артур прервал свой монолог, последовало молчание, и он в это время, казалось, подбирал нужные слова.

— Здесь мы идем по кромке великих тайн, — продолжил он. — Причиной, по которой он отказался от предложения премьер-министра, был Реджи… Каким-то образом жизненная сила его подсознательного мира убывала… Я не могу объяснить как, но Реджи отдалялся от того, что мы называем реальностью, и манил Джорджа последовать за ним… Речь в Графтон-Хаусе была последним публичным выступлением Джорджа. После нее видели его очень немногие, потому что он редко посещал парламент. Несколько раз я видел его в Глостершире… Был ли он счастлив? Да, полагаю, он был совершенно счастлив, но вел себя слишком отстраненно, слишком умиротворенно, словно покончил со всеми тревогами и заботами мира сего… Думаю, я догадался, что случилось, когда он сказал мне, что согласился на установление памятника на кладбище. Он также приложил немало усилий, чтобы выбрать надпись, которую его незамужние тетушки сочли нерелигиозной. То было «Tendebant manus ripae

ulterioris amore» Вергилия…[168] Он также снял возражения против мемуаров, и Толлетт приступил к работе, но Джордж не оказал ему никакой помощи, словно потерял интерес… Странное дело: я заранее ожидал новости, что появилась в газете на прошлой неделе[169].

— Вы, конечно, не имеете в виду, что он сам подстроил крушение автомобиля? — спросил Ламанча.

— О нет, — тихо промолвил сэр Артур. — Как я уже сказал, мы стоим на пороге великих тайн. Все было предопределено, предначертано и постановлено Великим Мастером, который построил этот мир… Я знаю, что так должно было быть. Если вы объедините свои усилия с теми, кого нет в живых, они перетащат вас через поток.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИСТОРИИ X КНИГИ ДЖОНА БАКЕНА «КЛУБ „НЕПОКОРНЫЕ“» «TENDEBANT MANUS»

Альфред Эдвард Хаусмен (1859–1936)

---

[168] Примечания: 168

«Они протянули руки к берегу для дальнейшей любви» (*лат.*).

[169] Примечания: 169

То есть сэр Артур Уорклифф ожидал новости о гибели Джорджа Соулдерна.

ЗАПАД

Неизбывна боль внутри.
— Друг, на запад не смотри! —
Солнцу смерть уже видна
Дня, допитого до дна.
Фронта линия ясна:
Одинокая сосна,
Где застыли на краю
Облака в немом строю.
Хмуры братья и мужья,
Хмуры женщин сыновья,
С думой вечною о том,
Где их родина и дом.
Мир широк, и в мире есть
И бесчестие, и честь.
В нем за тридевять земель
Есть компания и эль.
Но на запад молча сам
Я гляжу по вечерам,
И мой друг на сходе дня
Молча бродит вкруг меня.
Друг, на запад не гляди:

Сердце вырвешь из груди.
Не носи свою мечту
За предельную черту.
Там, где в чуждую страну
Нас призвали на войну,
Там за удочкой сейчас
Кто-то замер вместо нас.
Не вводи души в обман,
Не гони ее в туман,
Не оставь своих одежд
У несбывшихся надежд.
На реке, зовущей нас
Каждый день и каждый час,
Нами нынче ни одна
Не разбужена волна.
Пусть обширен белый свет,
О возврате речи нет,
Где ты есть и дальше будь,
О земле родной забудь.
Попадание и взрыв —
Вечен станет наш призыв.
Жив — судьбу благодари,

Но на запад не смотри![170]

[170] Примечания: 170

Перевод Евгения Фельдмана. Джон Бакен, помещая четверостишие Хаусмена в качестве эпиграфа к своей очередной истории, конечно же, прочел все стихотворение не один раз. У читателя появляется возможность пройти часть пути Бакена, следуя его дорогой. Поэзия Альфреда Эдварда Хаусмена (1859–1936), сопровождая прозу Джона Бакена (1875–1940), эмоционально поддерживает, подкрепляет, обогащает ее.

XI
ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
История Фрэнсиса Мартендейла

В этих политических расследованиях часто невозможно найти какое-либо соотношение между явной, очевидной силой любых нравственных мотивов, что мы можем установить, и их известным действием. Поэтому мы вынуждены отдать это действие на волю случая, или, рассуждая более благочестиво (возможно, более рационально), положиться на случайное вмешательство и неотразимую власть Великого Распорядителя.

Эдмунд Бёрк[171]

Как-то вечером за ужином зашел разговор о прессе. По мнению Ламанчи, выступления некоторых популярных газет в последние годы убили прежнюю силу анонимного печатного слова. Блефуя, эти газеты брали на себя слишком много, и их блеф был раскрыт. Весь бизнес, в коем они играли роль дельфийского оракула, ушел от них. Сегодня у нас нет того, что мы привыкли иметь, газет, припадая к которым, простой человек послушно впитывает все свои взгляды. Таких остались одна-две, не более.

Сэнди Арбетнот, который не любил журналистику так же сильно, как и журналистов, согласился с Ламанчей. Однако у других мнения на этот счет очень и очень разошлись. Паллисер-

---

[171] Примечания: 171

Эдмунд Бёрк (1729–1797) — британский государственный деятель родом из Ирландии. Поддерживал войну Англии против Франции, но выступал против политики Англии в отношении ее американских колоний. Является автором политического сочинения «Размышления о французской революции» (1790), в котором он рассматривал события во Франции с резко консервативных позиций.

В качестве эпиграфа к Истории XI «Клуба „Непокорные“» «Последний крестовый поход» взят отрывок из «Двух писем, адресованных члену нынешнего парламента, касательно предложений о мире с французской Директорией-цареубийцей, составленных достопочтенным Эдмундом Бёрком. Письмо I. Шаги в направлении к миру». Цитируется по 2-му изданию, что вышло в свет в Ривингтонсе в 1796 г. (Two Letters Addressed to A Member of the Present Parliament, on the Proposals for Peace with the Regicide Directory of France by the right honourable Edmund Burke.

[Second Edition. Rivingtons, 1796.] Letter I. On the Overtures of Peace). URL: См.: https://matiane.wordpress. com/2022/09/10/letters-on-a-regicide-peace-by-edmund-burke/ (дата обращения: 05.04.2024).

Интересный факт: Эдмунд Бёрк — автор выдающегося труда по эстетике «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757), который был переведен и издан еще в СССР (М.: Искусство, 1979).

Йейтс считал, что пресса имеет влияния более чем когда-либо, хотя, возможно, ее не очень любят; человек, по его словам, более не питает чувства верности к своей газете, какое он питает к своему клубу и своей особой марке сигар, но все же пресса оказывает на него сильное влияние. Он может читать ее только из-за новостей, но в отборе новостей газета обладает сверхъестественной силой.

Фрэнсис Мартендейл был среди нас единственным журналистом, и он слушал с полузакрытыми сонными глазами. Он был военным корреспондентом еще в те времена, когда шла война в Южной Африке, и с той поры своими глазами перевидал все серьезные конфликты, какие только произошли на земном шаре. Во Франции он дослужился до звания командира батальона территориальной обороны, и это, по-видимому, удовлетворило его военные интересы. Он был совладельцем нескольких провинциальных газет и каким-то образом был связан с крупным информационным агентством «Ладас». В драме жизни он являл собой сразу нескольких героев, которых он строго разделял между собой. Один был философом, потому что он перевел Анри

Пуанкаре[172] и опубликовал небольшое проницательное исследование Бергсона[173]; другой был яхтсменом и регулярно участвовал в гонках двенадцатиметровых яхт в Каусе[174]. Но то были всего лишь его развлечения, а пять дней в неделю он проводил в офисе в районе Флит-стрит[175]. Он был энтузиастом в своих увлечениях и циником в своей профессии, смесь довольно нередкая в жизни; поэтому мы были удивлены, когда он не согласился с Ламанчей и Сэнди и согласился с Паллисером-Йейтсом.

— Нет сомнения, сила автора передовиц ослабла, — сказал он. — Если газете не нравится политика правительства, то устрашить правительство она не сможет. Но исказить общественное сознание самым ужасным образом, организовав постоянный поток пристрастных и необъективных новостей, это она может.

---

[172] Примечания: 172

Жюль *Анри Пуанкаре́* (1854–1912) — французский философ, математик и физик.

[173] Примечания: 173

Анри *Бергсо́н* (1859–1941) — французский философ.

[174] Примечания: 174

Каус — город в северной части острова Уайт.

[175] Примечания: 175

Флит-стрит — улица, которая считается цитаделью британской прессы. Расположена в лондонском Сити. Протяженность — чуть менее полукилометра.

— То есть ее главное оружие — ложь? — спросил Сэнди.

— Не ложь, а обдуманно подобранная правда, полуправда, не привязанная к конкретной обстановке. Факты — всегда только факты. В наши дни пресса обязана придерживаться фактов. Но она может превращать факты в новости, а это уже совсем другой товар. Кроме того, пресса может толковать факты, не забывайте об этом. Она может сообщить, что Бурминстер заснул во время общественного ужина, а такое с ним было, но представить дело так, что все подумают, что он был пьян, хотя ничего подобного не было.

— Довольно грязная игра! — вставил кто-то.

— Иногда — да. Но время от времени это срабатывает в пользу праведников. Кто-нибудь из вас знает Ропера Уиллинка?

Последовало общее признание в невежестве.

— Жаль. Он вряд ли вписался бы в компанию тех, кто здесь собрался, но он великий человек, и сам составит хорошую компанию. Был один маленький фокус, который однажды проделал Уиллинк… или скорее помог проделать примерно с миллионом других людей, которые понятия не имели о том, что происходит. Вот в чем журналистская забава. Вы зажигаете спичку, и бросаете

ее; огонь распространяется по всему земному шару и сжигает город, что находится за десять тысяч миль от того места, где зажгли спичку. Если хотите, я расскажу вам об этом, потому что мой рассказ подтвердит мою точку зрения.

* * *

— Все началось, — сказал Мартендейл, — со старого пастора уэслианского толка[176] по фамилии Табб, который жил в местечке под названием Реностерспрут[177] в восточной части Карру[178]. Он был миссионером, и все туземцы постепенно стали христианами. Среди его прихожан были лавочники, один-два английских фермера, хозяйка гостиницы и рабочие с соседней плотины. Мистеру Таббу было за семьдесят, он был ревностным пастором, обладавшим даром красноречия, но умным его в целом не считали. Кроме того, он был холостяком. Как-то случилось, что он простудил-

[176] Примечания: 176

Все началось… со старого пастора уэслианского толка. — Пастор был последователем Чарльза Уэсли (1707–1788), основателя методизма и поэта (сочинил более шести тысяч религиозных гимнов).

[177] Примечания: 177

Реностерспрут — местечко в Северо-Западной провинции Южно-Африканской Республики.

[178] Примечания: 178

Карру́ — пустынные плато в Южной Африке.

ся и неделю пролежал в постели, но воскресным утром он встал и, как обычно, провел службу.

Примерно в то время русское правительство проявило себя во всей красе. На Пасху у них было грандиозное мероприятие, где руководство на себя взяли те, кто называл себя «Живой Церковью», что приняло форму богохульной пародии на христианские обряды и внешне вылилось в шествие воющих дервишей, провозгласивших, что Бог умер, а рай и ад свергнуты в тартарары. Также патриарх, в высшей степени уважаемый патриарх, был схвачен, предан суде за государственную измену и приговорен к смертной казни[179]. Правительство отложило казнь — отчасти для того, чтобы придать жестокости утонченный характер, и отчасти, я полагаю, чтобы посмотреть, как на это отреагирует мир, но, казалось, не было ни малейшей причины сомневаться в том, что правительство хотело напиться крови старого человека.

Все это вызвало великий общественный про-

[179] Примечания: 179

Движение обновленцев зародилось в 1922 году в рядах Русской православной церкви. Эти деятели выступали за «обновление церкви». С 1917 г. патриархом Московским и всея Руси был Тихон (Белавин Василий Иванович, 1865–1925). Интересно, что в своей истории Джон Бакен нигде не называет патриарха по имени. К смерти патриарх приговорен не был. Постановление об освобождении Тихона было принято 26 июня 1923 года.

тест, архиепископу Кентерберийскому и римскому папе было что сказать, правительства самых разных стран сделали официальные заявления, но большевики на все наплевали. Они чувствовали, что им нужно поиздеваться над другими просто для того, чтобы показать, что они крепкие парни. Все это было отражено в телеграммах из Риги, Варшавы и Гельсингфорса[180], а также попало в еженедельник «Кейп Таймс». Все это мистер Табб прочел, лежа в постели, больной, и поскольку никаких других забот у него не было, он ужасно разозлился. Для него была невыносима мысль о непристойных оргиях в Москве, а рассказ о патриархе привел в бешенство. Ему это показалось хуже, чем преследования, учиненные Нероном или Диоклетианом[181], а патриарх — более благородной фигурой, нежели любой мученик римского амфитеатра, причем все это время христианским народам были безразличны судьбы этих мучеников. Итак, в то воскресное утро мистер Табб встал с постели и, не имея вре-

[180] Примечания: 180

Гельсингфорс — так по-шведски именовался в то время г. Хельсинки.

[181] Примечания: 181

Нерон (37–68 гг. н. э.) — римский император; правил в 54–68 гг. *Диоклетиан* (ок, 240–316 гг.) — римский император; правил в 284–305 гг. Гонители христиан.

мени на подготовку проповеди, излил душу с кафедры, повествуя о большевиках и их делах. Он сказал, что нужен новый Крестовый поход, и призвал каждого христианина, мужчину и женщину, посвятить свои молитвы, отдать свои деньги и, если понадобится, отдать свою кровь ради этого высшего дела. Сколь ни был бы он стар, сказал он, он с радостью отправился бы в Москву немедля — и умер рядом с патриархом, и счел бы свою жизнь достойно отданной за утверждение веры.

Я уверен, что мистер Табб вложил душу в каждое сказанное им слово, но у него была черствая аудитория, безразличная ко всяким патриархам. Хозяйка гостиницы дремала, лавочники ерзали на своих местах, а девушки, как обычно, хихикали и перешептывались. Этим бы дело и кончилось, если бы не молодой журналист из Кейптауна, что проводил отпуск в Реностерспруте и по какому-то капризу присутствовал на службе. Парень он был честолюбивый, и на следующее утро отправил в свою газету блестящий репортаж о вызове мистера Табба. Он написал его в насмешливом духе и озаглавил «Питер-отшельник в Реностерспруте» с подзаголовком «Последний Крестовый поход». Редактор жестоко обкорнал его творение и удалил все сатирические выпады. Получилось нечто

бесцветное и грубое, но тем не менее молодой журналист получил около четверти газетной колонки.

На той же неделе представителю «Ладас» в Кейптауне не хватило материала, и, чтобы пополнить объем исходящих от него новостей, он написал короткое сообщение о том, что произошло в Реностерспруте. В нем говорилось: «В воскресенье Табб, уэслианский священник из Реностерспрута, призвал общину, именуемую христианской, освободить патриарха и объявил о намерении лично возглавить Крестовый поход на Москву». Это все, что осталось от яркой статьи молодого корреспондента. То, что корреспондент подразумевал в качестве фантазии и фарса, было настолько обобщено, что показалось голым фактом. В Лондоне сообщению «Ладас» не слишком обрадовались. Они не передали его в британскую прессу, и телеграфировали своим людям в Кейптауне, что они не против историй, представляющих «человеческий интерес», они подводят черту под такого рода материалом. Какое для мира может иметь значение, что уэслианский

пастор в Карру думал о Зиновьеве?[182] Им нужны новости, а не чепуха.

А теперь взгляните на таинственную работу Комического Духа. «Ладас», помимо общих услуг канадской прессе, оказал особые услуги нескольким канадским газетам. Одной из них была… Назовем ее «Страж Торонто». Сотрудник «Ладас», который занимался составлением пакета новостей для «Стража», часто оказывался в затруднительном положении, потому что он должен был посылать новости, не входившие в пакет общих услуг. В ту неделю ему было особенно тяжело, поэтому он просмотрел папки с сообщениями, которые поступили в последнее время и еще не были переданы в Канаду, и в новостном блоке, связанном с Кейптауном и территорией, что находилась под его управлением, он нашел то, что к тому времени накрутили-навертели вокруг события в Реностерспруте. Он с радостью ухватился за это событие, потому что не знал, сколь не по душе пришлось оно его шефу, и красиво преподнес его для Торонто. Он знал, что «Страж»

---

[182] Примечания: 182

Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. имя — Герш-Овсей Аронович Радомысльский, по матери — Апфельбаум) (1883–1936) — член Политбюро ЦК партии большевиков в 1921–1926 гг. Председатель Петроградского совета с декабря 1917 г. В 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна.

— семейная газета с сильными религиозными связями и эта новость станет для нее пищей и питьем. Поэтому он сделал историю еще более прозаичной. В его подаче мистер Табб воззвал к христианской церкви и сам был накануне того, чтобы выступить протий Троцкого, как Давид против Голиафа. Поставить подписи он предоставил возможность помощникам редактора в Торонто, но по своей инициативе он упомянул Джона Нокса[183]. Это, с удовольствием подумал он, закрывая дверь редакции и отправляясь играть в гольф, неизбежно привлечет внимание пресвитерианского «Стража».

Так оно и было. Редактор «Стража», приходской староста пресвитерианской церкви и член парламента от либеральной партии, очень беспокоился из-за того, что происходит в России. Ему было не очень понятно, кто такой патриарх, но он помнил, что самые разные англиканские священнослужители хотели присоединиться к английской и греческой церквям, поэтому он пришел к выводу, что патриарх — своего рода протестант. У него, как и у большинства народа, была сильная неприязнь к Москве и ее обычаям,

[183] Примечания: 183

Джон Нокс (1505 (1514?) — 1572) — основатель шотландской пресвитерианской церкви.

и он был глубоко потрясен пасхальным святотатством. Поэтому он широко распространил информацию через агентство «Ладас». Она была размещена на первой странице рядом со всеми новостями, что он сумел собрать о патриархе, и у него было не менее двух передовиц по этому вопросу. Первая, которую он написал сам, называлась «Слабые вещи мира и сильные». В ней говорилось, что зов горна мистера Табба, «голос простого человека Божьего, эхом разносящийся из пустынного вельда»[184], еще может оказаться поворотным моментом в истории, и процитировал слова Бёрка о ребенке и девушке в трактире, изменяющих судьбы целых наций. Это может — и должно — пробудить совесть христианского мира и открыть новый Крестовый поход, который выведет человечество из колеи материализма и откроет ему глаза на вечные истины. Христианству бросили вызов злодеи в России, и этот вызов должен быть принят. Не думаю, что у него было четкое представление о том, что он имел в виду, поскольку он был категорически против всего, что предполагало войну, но это был прекрасный

[184] Примечания: 184

Вельд — плато́ в Южной Африке, обширные и засушливые; расположены между реками Вааль и Лимпопо, а также окружает реку Оранжевая в ее верхнем течении.

шанс для «возвышенного» письма. Вторая передовица была озаглавлена «Глубокие обязательства империи». В ней он, бросив на мистера Табба взгляд со стороны, заявил, что если Британская империя не станет духовно-нравственным единством, о ней не стоит и говорить.

Остальная канадская пресса эту тему затрагивать не стала. Сообщения о Реностерспруте там не было, и поднимать тему не собирался никто. Но у «Стража» был большой тираж, и мистер Табб начал обретать высокую, хотя исключительно местную, репутацию. Несколько видных священнослужителей прочли проповеди, посвященные ему, а еженедельная газета напечатала стихотворение, где он сравнивался со Святой Терезой и Жанной д'Арк.

Все это забылось бы через пару недель, если бы здесь не решился приложить руку «Макгеркс». «Макгеркс», как вы, наверное, знаете, является крупнейшей газетной собственностью в мире, управляемой одной-единственной рукой. Он владеет более чем сотней газет и контрольным пакетом акций, возможно, тысячи. Тон его сугубо национальный, если не шовинистический; его молодые люди в Европе в то время все были стопроцентными американцами и вернули

Соединенным Штатам все сто двадцать, чтобы учесть разницу при обмене. «Макгеркс» не любит Англию, потому что его начало было основано на прочных ирландских связях, и он проделал хорошую работу, указав своей огромной публике на хищнический характер британского империализма и на зверства, которыми наполнено благословенное существование Индии и Египта. На самом же деле политика его не очень серьезна. Что ему нравится, так это история, которую можно подать под броским заголовком, чтобы даже самый глупый из свободнорожденных читателей, взглянув на первую страницу воскресной газеты, мог бы почерпнуть оттуда какую-никакую духовную пищу. Убийства, изнасилования, пожары и наводнения — его хлеб насущный, и он просто упивается подробностями, замерами и планами, именами и адресами свидетелей и прочим в подобном духе. «Макгеркс» весьма несправедливо называют сенсационным, потому что материал его скучен, как справочник.

В отношении России «Макгеркс» пошел извилистым курсом. Начал он с того, что в 1917 году выставил напоказ знамя свободы, потому что ненавидел все монархии в принципе. В 1919-м он пожелал, чтобы Америка признала русское

правительство и завладела русской торговлей. Но сообщения специальных корреспондентов изменили мнение «Макгеркс», и к 1922 году «Макгеркс» стал специализироваться на большевистских ужасах и в следующем году, казалось, просто сойдет с ума от антибольшевистской истерии. С 1923 года он взялся за спасение богорожденной страны от иностранных микробов и выдвинул целый ряд особых экспертов, которые взялись доказать, что Америке нужен санитарный кордон, чтобы защитить ее чистоту от больного мира. В то время, о котором я говорю, идея породила религиозный восторг, который охватил провинциальную публику. «Макгеркс» был прежде всего деловой организацией, и было решено, что преступность и набожность были теми лошадками, на которые следует делать основные ставки. Должен добавить, что, помимо своих газет, «Макгеркс» управлял информационным агентством П.Ю., которое расшифровывалось как «Пресс Юнион», но которое обычно ласково называли Панк.

«Макгеркс» ухватился за историю из «Стража Торонто», как за дар богов, и заголовки пошли — пальчики оближешь. На всей территории Соединенных Штатов, во всех улочках и закоул-

ках народ читал: «Престарелый святой бросает вызов бесноватым — говорит, что во имя Бога он сдвинет горы», «Месть из вельда», «Первый трубный глас»[185], «Кто на стороне Господа — КТО?» Возьму на себя смелость предположить, что на Востоке и за Скалистыми горами к событию проявили лишь умеренный интерес, меж тем как на Среднем Западе и на Юге новость оказалась заразительной, как корь. Все эти фокусы-покусы «Макгеркс» не бросил на произвол судьбы без дальнейшей подпитки. Как только он увидел, что публика заинтересована, он начал организовывать этот интерес. Он начал посылать каждого священника на обширные территории, устраивать митинги протеста и солидарности, открывал подписные листы, и хотя воздерживался от ука-

---

[185] Примечания: 185

«Первый трубный глас» — смысл этого броского заголовка в том, что, согласно Библии, последний трубный глас будет услышан на Страшном суде, т. е. «Первый трубный глас» — это предупреждение о начале конца. Но Джон Бакен, при всей его феноменальной талантливости, автором выражения не является, он — явно! — сам позаимствовал его из политического трактата Джона Нокса (о нем см. примеч.183.) «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин» («The First Blast of the Trumpet Against the Monstruous Regiment of Women»), опубликованного в 1558 году. Джон Нокс выступал против того, чтобы королевский трон занимали женщины.

(Материал о политическом трактате Джона Нокса переводчику и комментатору книги Джона Бакена «Клуб „Непокорные“» Евгению Фельдману помогла найти его давний друг Евгения Чепурнова, за что ей от него великая благодарность!)

зания правительству, что оно должно делать, он ясно дал понять, что хочет разбудить в народе такие чувства, что правительству волей-неволей придется встряхнуться и что-то предпринять. Родные города вспыхнули от возмущения, Библейский пояс встряхнуло до основания[186], каждый методистский служитель сплотился со своим единоверцем из Реностерспрута, воскресные школы возвысили свой голос, и даже члены местных деловых клубов, настоящие мужчины, начали действовать. «Скиния[187] святости саркофага» в штате Небраска подготовила два десятка добровольцев, готовых присоединиться к мистеру Таббу в Москве, и женщины начали вязать для них носки, как они это делали во время мировой войны. Церковь первого освящения из Джампер-свилля, штат Теннесси, последовала примеру «Скинии», максимально использовав возможности каждой своей часовни в каждом даже самом крохотном поселке. Агентство «Пресс Юнион», П. Ю., по прозвищу Панк, тоже не осталось без дела

[186] Примечания: 186

Библейский пояс — территории Юга и Среднего Запада США, а также западной части Канады, где широко распространен протестантский фундаментализм.

[187] Примечания: 187

Скиния — походный храм у иудеев.

и через телеграф вовсю распространяло чудесные истории о новом Крестовом походе по всей земле. Старые газеты, как правило, печатали у себя не весь блок панковских новостей, а только часть, но и это способствовало нагнетанию общей атмосферы.

Вскоре внимание на это обратил «Конкорд». Это, как вы знаете, выдающееся американское агентство печати — мы зовем его КэКэ, — и с Панком оно имело дел не больше, чем евреи с самаритянами[188]. «Конкорд» тесно сотрудничал с «Ладас», поэтому с раздражением телеграфировал своему союзнику, желая узнать, почему он, «Конкорд», не получил информацию из Реностерспрута. «Ладас» ответил, что счел историю слишком абсурдной, чтобы тратить на нее время и деньги, но поскольку КэКэ в настоящее время только и пишет, что о новом Крестовом походе, «Ладас» счел себя обязанным телеграфировать в Кейптаун, чтобы прояснить, что там происходит на самом деле. Панк уже приступил к этой работе и начал спрашивать у своих корреспондентов фотографии Реностерспрута, интервью с препо-

[188] Примечания: 188

Самаритяне — религиозная община, которая в VI в. до н. э. отпала от иудейской общины, т. е. автор говорит о разобщенности двух информационных агентств.

добным Таббом, подробности о том, что он носил, ел и пил, сообщения о его матери и его детстве, а также о его предчувствиях будущего величия. Полдюжины озабоченных журналистов собрались в Реностерспруте.

Но собрались они слишком поздно: мистер Табб умер, подавившись куриной косточкой во время своего последнего воскресного обеда. Успели они только к похоронам — на маленьком, пыльном, выжженном солнцем кладбище! Очень мало удалось им узнать от прихожан, которые, как я уже сказал, во время знаменитой проповеди в основном спали. Впрочем, лавочник вспомнил, что священник в тот день был не совсем похож на себя и что он, лавочник то есть, по глазам мистера Табба понял, что тот все еще слишком простужен. Вокруг новостей, что удалось с грехом пополам добыть, «Макгеркс» устроил большой шум. Смерть мистера Табба была подана публике, как кончина президента или кинозвезды, подана так, что народ увидел, словно в кинофильме, старого человека, сознающего, что конец его близок (куриная косточка при этом никогда не упоминалась), собирающего свои угасающие силы ради одного высшего призыва. «Его глаза, — возвестил „Макгеркс“, — ныне влажные от слез, пролитых

из-за греховности мира земного, ныне же светятся, отражая сияние Лучшей Страны».

Я полагаю, что все это могло бы внезапно утихнуть, потому что предстояла большая борьба за лидерство на рынке новостей, из коих читатель мог узнать о риске оправдания негра, который зарезал бутлегера из Чикаго[189], и о том, что у королевы по борьбе с сексуальными извращениями вот-вот должна состояться помолвка с королем средств по уходу за зубами, и все это в ближайшем будущем. Но смерть мистера Табба повысила накал страстей, потому что в действие ввели тяжелую артиллерию фундаменталистов. Этим господам казалось, что старик не умер, а чудесным образом преобразовался и перевоплотился, подобно пророку Илие[190] или Уильяму Джен-

[189] Примечания: 189

Бутлегер — торговец и контрабандист спиртными напитками; тот, кто производит крепкие спиртные напитки подпольно. От *англ.* bootleg — «голенище».

[190] Примечания: 190

Пророк Илия́ — один из самых почитаемых святых в Ветхом Завете. Жил в 9 в. до н. э. Почитаем в христианстве, исламе и иудаизме.

нингсу Брайану[191] после суда в Дейтоне[192]. Для них то, что произошло с мистером Таббом, было знамением свыше, и они сочли себя обязанными понять, что оно значит.

Это было намного громче того, что могли выдать верные «Скиния святости саркофага» и Джамперсвилль. Теперь агитация обрела значимость общенациональной и вошла в фазу «нормальности», той «нормальности», что свойственна американской ораторской кампании. Созывались съезды, где выступали богословы, имена которых были известны даже в Нью-Йорке. За дело взялись сенаторы и конгрессмены, и Дж. Константин Баттрик, серебряный рупор Висконсина, подал голос и был принят несколькими миллионами всяких беспроводных штуковин. Статьи на эту тему появились даже в еженедельных изданиях, рассчитанных на читателей-интеллектуалов. Конгресс, к счастью, не заседал, но Вашингтон начал беспокоиться,

---

[191] Примечания: 191

Уильям Дженнингс Брайан (1860–1925) — американский государственный деятель и политик; трижды (1896, 1900 и 1908 гг.) выдвигался в качестве кандидата в президенты США.

[192] Примечания: 192

Дейтон — город в штате Теннесси, где Уильям Дженнингс Брайан скончался 26 июля 1925 г. через пять дней после завершения так называемого «Обезьяньего процесса», где выступил обвинителем. Резко критиковал эволюционное учение Чарльза Дарвина.

потому что списки добровольных участников Крестового похода быстро пополнялись. Агентство КэКэ вынуждено был выдавать длинные корреспонденции, а «Ладас» — переправлять в английскую прессу, которая обычно перепечатывала их в медвежьих углах, всячески перевирая фамилии. Англия всегда равнодушно относится к американским новостям, и к тому же в Англии в то время была большая забастовка. Те из нас, кто получает газетные вырезки из американской прессы, понимали, что началась настоящая кампания, направленная на то, чтобы заставить Москву уважать религию, но мы полагали, что кампания будет прекращена до того, как появится возможность предпринять какие-либо серьезные действия. Между тем Зиновьев и Троцкий вели себя, как обычно, и мы ожидали, что со дня на день узнаем, что патриарха расстреляли и похоронили на тюремном дворе.

Внезапно судьба послала Ропера Уиллинка послоняться по моему кабинету. Полагаю, из наших великих людей Уиллинк наименее известен, потому что вы, друзья мои, никогда не слышали его имени. Но он — на свой странный лад — человек великий, и я уверен, что его голос разносится дальше, чем голос любого из ныне здравствую-

щих журналистов, хотя большинство людей не знают, кто с ними говорит. Здесь он мало пишет для прессы, только изредка печатает статьи в тяжелых многостраничных ежемесячниках, но он король специальных корреспондентов, и его «Письма из Лондона» печатаются на всех известных языках от Окленда до Сиэтла[193] Кажется, он нашел общий знаменатель стиля, рассчитанный на то, чтобы заинтересовать весь человеческий род. На континенте он единственный английский журналист, чье имя известно рядовому читателю, как имя Максимилиана Гардена до войны[194]. В Америке его считают кем-то вроде римского папы, и его статьи публикуют во всех местных газетах. Его пылкая душа порождает забавную мешанину, где Лига наций соседству-

[193] Примечания: 193

Окленд — порт и город на западе США, *Сиэтл* — город, расположенный на северо-западе США.

[194] Примечания: 194

Максимилиан Гарден (Максимилиан Феликс Эрнст Гарден, настоящее имя Феликс Эрнст Витковски, 1861–1927) — политический журналист, рупор крайнего германского национализма перед и во время Первой мировой войны и радикальный социалист после поражения Германии. Основатель и редактор еженедельной газеты *Die Zukunft* («Будущее»). Войну называл «бодрящим образовательным опытом». В 1906 г. выступил с обвинениями против нескольких авторитетных политиков, приближенных к особе германского императора Вильгельма II, обвинив их в гомосексуализме и утверждая, что они несут ответственность за «слабость» императора на международной арене. Был привлечен к суду за клевету (1907–1909). Во время Первой мировой

войны выступал за неограниченную подводную войну.

ет с Британской империей, а расовая чистота — с сентиментальным социализмом, но он благочестивый католик, и Россия стала для него совершенно непереносимой. Вот почему я подумал, что его заинтересует фокус «Макгеркса», о котором он почти ничего не слышал. Он сел в кресло и, выкурив пять сигарет, именуемых «капральскими», потому что на их изготовление идет крепкий, грубый, темный табак, изучил мои вырезки.

Никогда в жизни не видел я человека столь возбужденным.

— Я вижу свет! — воскликнул он, сдвигая двойные очки на лоб. — Мартендейл, это — откровение! Из уст младенцев и грудных детей… Мастер Ридли, мастер Ридли, сегодня мы зажжем огонь, который никогда не погасят…

— Ерунда! — сказал я. — Пошумят и затихнут. Дело закончится торжественным протестом из Вашингтона в адрес Москвы, которым старый Троцкий разожжет свою трубку[195]. Оно попало в руки высоколобых трепачей, которые заболтают его, пустив в ход жаргон государственного депар-

---

[195] Примечания: 195

В 1922 году, когда зародилось движение обновленцев, Льву Давидовичу Троцкому (Лейбе Бронштейну, 1879–1940) было 43 года. Говорить о *«старом Троцком»* было еще рановато.

тамента, и уже через неделю народ в городах и деревнях будет удивляться тому, что это дело его как-то задело.

— Мы должны вернуть, спасти и восстановить это дело, — мягко сказал Ропер Уиллинк. — Вернуть деревенской зелени и молитвенному собранию. Помните, что именно молитвенное собрание привело Америку к войне.

— Но как? «Макгеркс» сделал все, Чтобы довести дело до последнего издыхания…

— «Макгеркс»! — с презрением воскликнул он. — Хватит пускать слюни, сын мой, их время прошло. Клянусь костями Аввакума[196], кто хочет чего-то пророческого, апокалипсического, получит то, что хочет! Я собираюсь придать торжественность этому делу в самых отдаленных уголках великой республики, а затем, — здесь он безмятежно улыбнулся, — я растолкую смысл этой торжественности всему миру. Сначала факт, потом мораль — такова общая схема действий.

Он сунул мои вырезки в карман и удалился, и в его глазах было нечто такое, что предвещало беду. Когда у Уиллинка был такой вид, кому-то должно было сильно не поздоровиться. Я надеялся, что

---

[196] Примечания: 196

Аввакум — имеется в виду древнееврейский пророк, живший в VII в. до н. э. Составил книгу Ветхого Завета.

на этот раз не поздоровится Москве, но времени оставалось ужасно мало. В любой день могло прийти известие о том, что патриарха настигло возмездие его ненавистников.

Несколько недель ничего не было слышно, а потом Панк внезапно стал активным и выдал необычную продукцию. В основном это были выдержки из респектабельных газет Среднего Запада и Юга, репортажи о встречах, от которых исходила сплошная истерия, и слухи о тайных сборищах молодых людей наводили на мысль о ку-клукс-клане[197]. У Москвы было собственное агентство в Лондоне, и оно начало беспокоить «Ладас» новыми американскими известиями. «Ладас», в свою очередь, начал беспокоить КэКэ, но КэКэ повело себя сдержанно. Нам сказали, что существует Движение, но правительство держит его в руках, и мы можем не обращать внимания на пугающие новости, что рассылает Панк, а все, что важно и надежно, должно сослужить свою службу. Мне подумалось, что где-то за кулисами событий я обнаружил Уиллинка, и попытался связаться с ним, но узнал, что его нет в городе.

---

[197] Примечания: 197

Ку-клукс-клан — расистская террористическая организация США. Создана в 1865 г. после окончания Гражданской войны, официально распущена в 1944 г.

Однако однажды днем он зашел ко мне, и я заметил, что его продолговатое лицо стало худее, чем когда-либо, но его впалые глаза светились от счастья.

— «Хорошая работа хитроумно продолжается», — сказал он, процитировав кого-то из великих — он имел привычку всегда цитировать кого-нибудь из них — и с этими словами швырнул мне пачку свежих газетных вырезок…

Это были его собственные статьи в американской прессе, главным образом в воскресных изданиях, и я заметил, что он выбрал действительно влиятельные местные газеты, одну из Теннесси, одну в Кентукки и несколько из кукурузных штатов[198].

Я был ошеломлен силой его материала; насколько мне известно, прежде Уиллинк так никогда не писал. Он не разводил бред о большевистских преступлениях — людям это надоело — он не бил в религиозный барабан, не стучал по фисгармонии. «Макгеркс» поработал здесь

---

[198] Примечания: 198

Теннесси — штат на юге США, относится к группе штатов Юго-Восточного Центра. *Кентукки* — штат на юге США, также относится к группе Юго-Восточного Центра. *Кукурузные штаты* — Средний Запад Соединенных Штатов; включает штаты Айова, Иллинойс, Индиана, Мичиган, восточные регионы Небраски и Канзаса, Миннесоту и северную часть штата Миссури.

так, что дальше было некуда. Уиллинк спокойно считал, что Крестовый поход уже начался и что простые люди по всей земле, которые не ищут лишних неприятностей на свои головы, считают, тем не менее, своей обязанностью выступить против гнусности и бесчестья и уничтожить их или никогда больше не спать спокойно в своих постелях. Он полагал, что сейчас изо всех уголков христианского мира на Москву двинется армия вторжения, что никакие правительства не смогут ее сдержать, что восстание народа непреодолимо, как смена времен года. Полагая так, он говорил своим читателям, что это как раз то, что им еще предстоит увидеть.

Я не смогу в полной мере отдать должное Уиллинку, просто описывая эти статьи, нужно, чтобы они были здесь, передо мной, чтобы я мог прочитать их вам. Они были написаны на благородном английском языке и были просты, как псалмы… Он описал состав этой армии, каждый ее язык, и диалект, и класс, с той же дисциплиной, что армия Нового образца Оливера Кромвеля, где

каждый солдат — Железнобокий[199], как солдат Кромвеля, рациональный, умеренный фанатик, что делало его в высшей степени опасным на поле боя. Это было подобно «Потерянному раю»[200], где Михаил[201] выступил против падшего ангела Белиала...[202] А затем — описание России: широкий серый мир, наполненный бледными красками и водянистыми огнями, разбитыми деревнями и обшарпанными городишками, которыми правят несколько негодяев с ружьями, железнодорожными путями, красными от ржавчины, разрушенными огромными дворцами, обклеенными непристойными плакатами, голодающим безнадежным народом и детьми со старыми порочными лицами... Бог знает, откуда он это взял, главным образом, конечно же, из сво-

---

[199] Примечания: 199

Армия Нового образца — армия, основанная Оливером Кромвелем (о нем см. ниже), в борьбе против королевской армии. *Оливер Кромвель* (1599–1658) — вождь Английской революции, выдающийся государственный деятель и полководец. *Железнобокие* — прозвище солдат Оливера Кромвеля.

[200] Примечания: 200

«Потерянный рай» — произведение великого английского поэта Джона Мильтона (1608–1674), эпическая поэма.

[201] Примечания: 201

Михаил — один из семи архангелов, выступивший против сил ада, предводитель небесного воинства.

[202] Примечания: 202

Белиал — падший ангел, на иврите имя означает «не имеющий

жалости».

его жуткого воображения, но, осмелюсь сказать, в подробностях было много правды, потому что у него были свои способы приобретения знаний.

Но финал статьи был шедевром. Уиллинк утверждал в нем, что истинными правителями являются не те, чьи имена печатаются в газетах, а один-два тайных безумца, что прячутся за ширмами и плетут свои кровавые сети. Он описал крестоносцев, пробивающих раковину за раковиной, подобно одному из тех китайских ящиков, которые вы открываете только для того, чтобы найти другой внутри первого до тех пор, пока не доберетесь до самого последнего ящика, крошечного, как горошина. Там были пласты чиновников, выходцев из еврейских местечек, латышей-наемников и журналистов-переверты-шей, и всякий раз, когда читающий углублялся в текст, все становилось все более бесчеловечным, а воздух все более зловонным. В конце перед вами возникал сумасшедший монгол — это был удачный штрих для Среднего Запада — воплощение загробного мира Востока. Уиллинк лишь намекал на существование этой дичайшей камарильи, сборища интриганов, но его намеки были ужасны. Одному из них он дал имя Уриэль — архангела Бездны, изъеденного червями, —

но худшего он назвал Глубет. Должно быть, он позаимствовал это имечко из отрывка Катулла, которого не изучают в школах, и превратил это существо в нечто пугающее, в человека-жабу, пахнущего протухлым мясом и живущего среди полумрака и крови, ловкого и бессонного, как грех, в человека-жабу, что время от времени разражается идиотским смехом.

Можете себе представить, как это овладело умами тех, кто проживает в Библейском поясе. Я так и не разобрался, что именно произошло, но не сомневаюсь, что то были зачатки одного из тех массовых движений, перед которым бессильны правительства и газеты, союзы и агентства печати, Уолл-стрит и Ломбард-стрит. Вы могли судить об этом по сообщениям, что рассылал КэКэ, по его взволнованным служебным телеграммам, что он посылал своим корреспондентам. Московское издательство сидело у нас на пороге и блеяло, требуя новостей еще и еще, а Панк все это время заливал горячительные напитки в каждую газету, что брала их.

— Вот и все факты, — спокойно сказал Уиллинк. — А сейчас я приступаю к изложению морали в надлежащих местах!

Если он был мастер разжигать огонь, то никто

лучше него не смог бы объяснить, насколько огонь горяч и как быстро он распространяется. Я уже говорил вам, что он был едва ли не единственным английским журналистом с континентальной репутацией. Что ж, он начал использовать эту репутацию в избранных газетах, которые, он это знал точно, пересекут русскую границу. Он сотрудничал с финской, латвийской и литовской прессой, появлялся в главной польской ежедневной газете, а в Германии его материалы печатали в большой берлинской газете, и, что довольно любопытно, все это объединяла цельная финансовая цепь. Уиллинк знал, как и куда нанести удар. Линия, что он избрал, была очень простой. Он спокойно объяснял, что происходит в Америке и британских доминионах, что в простом народе проснулась возмущенная совесть христианского мира, что ничто на свете не сможет сдержать ее порыва. Это был пуританский крестовый поход, самый смертоносный. Верующие, проживающие в каждом уголке земного шара, были готовы собраться и пожертвовать собой ради искоренения подлости и бесчестья. То были дела не ваших деникиных, колчаков, не приверженцев царя, сбежавших за границу, то была мировая христианская демократия, демократия дела, биз-

неса. Никакого размахивания флагами, никаких криков, только холодная и твердая решимость выполнить работу, имея достаточно денег и людей и не скупясь на растрачивание того и другого. Осторожные правительства могут попытаться воспрепятствовать этому, но народ заставит их следовать этой линии. То была боевая Лига наций с Библией в одной руке и новейшим оружием — в другой.

В те дни у нас в агентстве «Ладас» царила лихорадка. Британская пресса была слишком занята забастовкой, чтобы уделять крестовому походу все свое внимание, но пресса всех других стран была в замешательстве: то, что так или иначе могло быть связано с пресловутым походом, стало происходить. Выдержки из «Правды» и «Известий», что мы получали из Риги и Варшавы, с каждым днем становились все более похожими на вой волков в приступе эпилепсии. Затем пришла новость: в Москве вышел указ о существенном пополнении рядов Красной Армии. Я позвонил Уиллинку и передал ему эту новость, и он зашел ко мне.

— Ветер усиливается, — сказал он. — «Страх Господень нисходит на племена, и то, что мы

знаем, есть начало мудрости»[203].

— Ветер, конечно, усиливает Москва, — заметил я ему, — но не могу понять почему. Не хотите ли вы сказать, что заставили их поверить в ваш драгоценный Крестовый поход?

Он весело кивнул:

— Почему бы и нет? Мой дорогой Мартендейл, вы не изучали склад ума этих господ так, как его изучил я. Укладывается ли у вас в голове тот факт, что любимым чтением русского крестьянина был Мильтон? До войны вы могли купить перевод «Потерянного рая» в каждом книжном киоске, на каждой деревенской ярмарке[204]. Эти безродные интеллектуалы[205] отвергли все, что могли, но в глубине души каждого из них осталось крестьянское суеверие. Духа, который, по их

---

[203] Примечания: 203

«Страх Господень нисходит на племена, и то, что мы знаем, есть начало мудрости». — Неточная цитата из Прит. 9:10, где сказано: «Начало мудрости — страх Господень, и познание Святаго — разум».

[204] Примечания: 204

В середине — конце XVIII века в России были созданы четыре перевода поэмы «Потерянный рай» — А. Строганова (1745), В. Петрова (1777), А. Серебренникова (1780) и Ф. Загорского (1795). Все переводы — прозаические. В XIX веке — прозаический перевод А. З. Зиновьева (1861), стихотворный — О. Н. Чюминой (1899), в XX веке — Е. Кудашевой (1910), Н. А. Холодковского (1911), а в 1976 г. в серии «Библиотека всемирной литературы» был издан образцовый перевод Аркадия Штейнберга. Иными словами, творчеству Мильтона у нас в России всегда уделялось большое и пристальное внимание. Пользуясь случаем, хочу упомянуть блистательный перевод его поэмы «Рай обретенный», сделанный

моим дорогим другом Сергеем Александровским, опубликованный в издательстве «Время» в 2001 г. (серия «Триумфы»), а также Российской академией наук в серии «Литературные памятники» в 2006 г. Но о том, что Мильтон был «любимым чтением русского крестьянина», переводчик и комментатор книги «Клуб „Непокорные“» узнает впервые и берет на себя ответственность утверждать, что здесь явное преувеличение и фантазия Джона Бакена.

[205] Примечания: 205

Эти безродные интеллектуалы… — устами своего героя Фрэнсиса Мартендейла Джон Бакен говорит о русских интеллигентах-разночинцах.

мнению, содержится в пуританстве, они боятся до мозга костей. Вот почему вся эта история, затеянная американцами, их так беспокоит. Они думают, что по уровню величия и значимости могут составить компанию Древнему Риму, и не возражали бы, если б заваруху начали Рыцари Колумба или иные деятели того же сорта[206]. Но они думают, что все исходит из молитвенного дома, и это пугает их так, что кровь стынет в жилах и от холода зуб на зуб не попадает.

— Черт возьми, — воскликнул я, — но должны же они знать, что современное пуританство мягкое: сплошь слащавые гимны и реклама — для воодушевления.

— К счастью, они этого не знают. И я не уверен, что их невежество не мудрее вашего знания, мой эмансипированный друг. Однако я склонен полагать, что из библейского христианина еще может получиться нечто такое, что, удивит мир… Но не в этот раз. Мне кажется, дело сделано. Прошу, дайте мне знать, как только что-нибудь услышите.

И он двинулся дальше, с довольным видом что-то насвистывая сквозь зубы.

---

[206] Примечания: 206

Рыцари Колумба — католическое движение, ставящее перед собой цель — продолжение дела Христофора Колумба, который принес христианство в Новый Свет.

* * *

Он был прав. Через три дня мы получили известие из Варшавы, и московское агентство подтвердило его. Патриарха освободили и отправили за границу, и теперь его всячески баловали и обласкивали в Польше[207]. Я позвонил Уиллинку, и услышал по телефону его скромное: «Все понял. Nunc dimittis[208]».

Он сказал, что собирается взять отпуск и уехать в деревню, чтобы отоспаться. Он наставительно указал мне на то, что слабые мира сего, имея в виду и его самого, все же могут посрамить сильных, и в свете этого удивительного чуда посоветовал мне пересмотреть основы моей веры.

* * *

На этом моя история заканчивается. Мы боль-

---

[207] Примечания: 207

Патриарха освободили и отправили за границу, и теперь его всячески баловали и обласкивали в Польше. — Патриарх Тихон был арестован в 1922 году и выпущен из тюрьмы в 1923-м. После этого находился под домашним арестом. В источниках, доступных переводчику и комментатору Истории XI «Последний Крестовый поход» книги Джона Бакена «Клуб „Непокорные“», версия о высылке патриарха за границу не подтверждается.

[208] Примечания: 208

Теперь отпустите (*лат.*).

ше ничего не слышали о Крестовом походе в Америке, за исключением того, что фундаменталисты получили от него второе дыхание и начали широкомасштабную охоту на ересь. Несколько английских епископов заявили, что освобождение патриарха было ответом на молитву. Наша пресса указала на то, что, если цивилизация говорит в один голос, она может быть услышана даже в России, а лейбористские газеты, воспользовавшись поводом, не однажды указали на принципиальное благоразумие и учтивость московского правительства. Лично я считаю, что, подводя черту, Уиллинк вывел правильную мораль. Но на самом деле главная заслуга принадлежала тому, кто был слабее, чем он, престарелому Таббу, спящему ныне под расписным чугунным надгробием среди небольших вихрей над выжженной землей, видимых как столбы пыли и мусора, и сурикатов[209] Реностерспрута.

[209] Примечания: 209

Сурикат — млекопитающее из семейства мангустовых. Водится преимущественно в Южной Африке.

XII
ПОЛНЫЙ КРУГ
История Мартина Пекуэдера

Маленький каменный домик в
краю обнаружил я нашем,
Каменный домик чудесный в
краю обнаружил я нашем,
Каменный домик чудесный —
меж Колном и Виндрашем.

Пекуэдер, историк — его очередь выступить со своей историей пришлась на последний обед перед летним перерывом, — принес извинения за то, что свой рассказ он будет читать с листа. Историк объяснил это тем, что не силен в изложении темы устно, экспромтом. Также он поздравил себя с отсутствием господина Литена.

— Он участник того, о чем пойдет речь, — сказал Пекуэдер, — и мне было бы до крайности неудобно рассказывать о нем, глядя ему в лицо. Но он прочел мою рукопись и одобрил ее, так что у вас, друзья мои, есть два надежных свидетеля этой необычной истории.

И четким академическим тоном он прочел

следующее.

* * *

Вечерело. Октябрьский день уже догорал, когда мы с Литеном поднялись на холм, что возвышался по-над ручьем, и увидели дом. Все утро дымка с перламутровым блеском лежала на складках низменности, прекрасный вид далеких горизонтов, составляющий славу Котсвольда[210], был затуманен, и потому каждая долина казалась обособленной и замкнутой. Но сейчас в воздухе появилось некое свечение, румянец, и на краткое мгновение лужайки обрели оттенки лета. Золото солнечного света отдало траве свое тепло, и лишь буйство красок на опушках полей и стройных лесов говорило об уходящем годе.

Мы вглядывались в зеленую чащу, образованную замкнутым кругом холмов, и видели, что вся она представляет собой цветущий сад. Местечко было ограничено склонами, придававшими ему изящество без единого намека на преграду, так что у жителя этих мест, обзор которого в любую сторону составлял не более

[210] Примечания: 210

Котсвольд — цепь холмов, что тянется от города Бат, который находится на юге Англии, на северо-восток почти на 80 км.

полумили, было ощущение, что он живет на возвышенности и повелевает остальным миром. По верхнему краю тянулась древняя каменная стена, за которой вплоть до горизонта пылал октябрьский папоротник. Внутри мы увидели складки старинного пастбища, кое-где поросшего терновником, переходившим в розарий, и по одну сторону — в гладкую лужайку террасы над крошечным озером. В центре этого великолепия стоял дом, похожий на хорошо оправленный драгоценный камень. Ни дать ни взять миниатюра, сработанная рукой великого мастера. Дом был построен в стиле конца семнадцатого века, когда приятная классическая условность открылась солнечному свету и внесла отраду и утешение в мрачное великолепие эпохи Тюдоров. Усадьба была просторной, как и положено усадьбе, устроенной вокруг огромного особняка, и каждая ее деталь была отделана с отменной тщательностью. И только когда глаз соизмерял пропорции особняка с соседним лесом и склоном холма, ум отдавал себе отчет в том, что это было всего лишь небольшое жилище. Камень Котсвольда необычным образом меняет свой цвет в зависимости от погоды. Под грозовыми тучами он становится темным, как базальт; в серый день он становится

серым, как вулканическая лава, а на солнце он жадно вбирает в себя солнечный свет. В ту минуту маленький дом был бледно-золотым, как мед.

Литен перекинул длинную ногу через перекладину.

— Очень даже неплохо, не правда ли? — сказал он. — Такое чувство, словно все это возвел не кто иной, как сэр Кристофер Рен![211] Да и название под стать этой красоте. Место называется Полный Круг.

Он рассказал мне историю этого места. Оно было обустроено после Реставрации семейством Картерон[212], чьи обширные владения примыкали к этим холмам. В те времена лорд Картерон был другом Веселого Монарха[213], но дом он построил не в качестве убежища для оргий. Возможно, он устал от мрачного великолепия кафедрального собора Картерон и захотел обрести собственный дом, а не тот, что выбрали для него его предки. У него был изысканный литературный вкус. Об

---

[211] Примечания: 211

Кристофер Рен (1632–1723) — английский архитектор; после «Великого пожара» 1666 г. перестроил центр Лондона.

[212] Примечания: 212

Эпоха *Реставрации* в Англии — 1660–1688 гг.

[213] Примечания: 213

Веселый Монарх — имеется в виду Карл II (1680–1685).

этом свидетельствуют его изящные подражания Марциалу, его приятным «Буколикам» и его более чем достойным гекзаметрам «Ars Vivendi»[214]. Будучи дворянином самой высокой пробы, он обладал лучшими навыками своего времени, необходимыми для того, чтобы отстроить свой отшельнический дом, и здесь на целые месяцы он уединялся с друзьями-единомышленниками в мире книг и садов. Похоже, у него не было недоброжелателей, современные мемуары отзываются о нем снисходительно, и Драйден[215] оказал ему внимание, уделив четыре хвалебные строки.

— Старый себялюбивый пес, — сказал Литен. — У него хватило ума не лезть в политику и наслаждаться жизнью. Его душа — в этом маленьком домике. На своем жизненном пути он сделал только один опрометчивый шаг: стал папистом, опередив на несколько лет короля, своего господина!

— Что же было после? — спросил я.

— После? Когда он умер, поместье перешло младшей ветви Картеронов. Они покинули его

---

[214] Примечания: 214

«Искусство жизни» (*лат.*).

[215] Примечания: 215

Джон *Драйден* (1631–1700) — великий английский поэт, баснописец, критик.

в восемнадцатом столетии, и семейство Апплби забрало поместье себе. То была веселая компания сквайров-охотников, библиотеку, собранную прежним хозяином, они послали, извиняюсь, к чертям собачьим. Старый полковник Борроуби был еще жив, когда я приехал в Борроуби. Когда ему было почти семьдесят, что-то внутри у него пошло не так, и врачи запретили ему принимать спиртное. Не сказать, чтобы он слишком много пил, но вел он себя вполне прилично. Однако докторские запреты добили бедного старика. Он признался мне в том, что ему открылась удивительная истина: в течение долгой и, как он надеялся, общественно полезной жизни он ни разу не был вполне трезв. Он был добрым человеком, и я долго скучал по нему, когда его не стало… Дом перешел к дальнему родственнику, которого звали Гиффен.

С этими словами Литен устремил взгляд вдаль, и, похоже, он был чем-то озадачен.

— Джулиан и Урсула Гиффен… Полагаю, вам известны эти имена. Они всегда охотятся парой и пишут книги по социологии, а также самой современной этике и психологии, и названия у них всегда типа «Новое это или то» или «В направлении к чему-то такому или к чему-то другому». Вы

знаете этот сорт людей. Они погрязают во всех лженауках. Вроде бы приличные люди, но тип всегда можно угадать. Я столкнулся с ними в деле, которое вел в Олд Бейли[216], я тогда защищал хулигана, обвиненного в убийстве. Он заслужил повешение по двадцати пунктам обвинения, в этом я не сомневался, но для виселицы не было достаточно улик. Доддридж, судья, был плох как никогда, это было как перед тем, как его вынудили уйти в отставку, и его обращение к присяжным стало своего рода шедевром неправильного напутствия заседателям. Получилось то, что, как говорят в народе, не разбери-поймешь. Вспыхнул скандал, который поднял на ноги всех пресловутых гуманистов, и, разбирая завалы, устроенные старым Доддриджем, об убийце почти забыли. Вам должно быть памятно это дело: оно неделями не сходило с газетных полос. Именно в связи с этим делом я сошелся с Гиффенами. При всех их заскоках они мне скорее понравились, и я стал бывать у них в доме в Хэмпстеде. Боже, что это был за дом! Ни единого стула, чтобы присесть, а цвета кругом такие, что хотелось плакать. Никогда не встречал людей, у которых бы головы были

[216] Примечания: 216

Олд Бейли — центральный уголовный суд; расположен в центре Лондона.

набиты опилками так, как у Гиффенов!

Здесь я пробормотал что-то насчет того, что он и впрямь попал в довольно странную для него обстановку.

— Да нет, что вы! — возразил он. — Я люблю людей — всех званий, рас и сословий. Моя профессия как раз в том и состоит, чтобы изучать их, потому что без этого юридическая практика была бы скучным и пустым занятием. Существует великое множество людей, подобных Гиффенам, но только не таких добрых, потому что сердца у них действительно золотые. В нынешнем мире это безродные существа, бунтующие против чего бы и кого бы то ни было, что имеет хоть какие-то корни и происхождение. Тут своего рода невинное самодовольство — желание быть людьми, с которых мудрость начинается и на которых заканчивается. Обычно они чувствительны и мягкосердечны, но изматывают себя в извечном разладе с действительностью. Они, видите ли, не умеют строить, потому что им не по душе никакие инструменты, однако к придирчивому критиканству они готовы всегда. Они презирают христианство в любой его форме, но готовы пешком одолеть несчитаные мили, чтобы оказать покровительство какой-нибудь жалкой секте,

обладающей тем единственным достоинством, что совершенно новая — в том смысле, что такой не было прежде. Они называют себя пионерами, эти смешные голые человечки, которые без карт отваживаются уйти в холодную пустыню. Как-то Гиффен описал мне себя и своих друзей как смотрящих вперед, но они-то как раз такими не являются. Чтобы схватиться за будущее, нужно крепко удержать прошлое, а прошлое для них всегда — лишь предмет нездорового любопытства. Все они — по шею в грязи современности… Но они худо-бедно добры и невинны — невинны просто до тошноты. Судьба насмешничала, когда обременила их этим противным домишком!

«Противный»? Слово показалось мне не совсем подходящим. Домик медового цвета, окруженный садами, напоминал кроткого голубя. На дороге позади нас раздался звук велосипеда; мы обернулись. Литен двинулся навстречу велосипедисту, покидавшему седло.

Это был довольно высокий мужчина лет, наверное, сорока, обладатель одной из тех пушистых светлых бород, которые никогда не брили. На нем были очки, и, конечно же, он был близорук. Бриджи и чулки светло-коричневого цвета облекали его худощавые конечности.

Литен представил меня.

— Мы направляемся в Борроуби, — пояснил он, — и остановились, чтобы полюбоваться вашим домом. Не позволите ли войди в него и взглянуть хотя бы одним глазком? Я хочу, чтобы Пекуэдер увидел лестницу.

Мистер Гиффен был само гостеприимство.

— Я ездил в Клайстон, чтобы отправить телеграмму. На выходные к нам приедут друзья, которые могут представлять для вас интерес. Не останетесь ли на чай?

В его манерах чувствовалась мягкая формальная вежливость, а в его голосе звучали легкомысленные интонации человека, любящего поговорить. Он провел нас через маленькую калитку, и по стриженой зеленой дорожке, окруженной папоротниками по обеим сторонам, мы двинулись к задней двери, что вела в сад. Несмотря на то что дело было в октябре, здесь все еще ярко цвели розы, и струйка воды, вытекавшая из свинцового купидона, бесшумно текла среди опавших цветочных лепестков. В конце пути мы остановились перед дверью, над которой старый Картерон начертал строку из Горация[217].

---

[217] Примечания: 217

Квинт *Гораций* Флакк (65–8 гг. до н. э.) — великий римский поэт.

Ничего похожего на этот маленький зал я прежде никогда не видел! Залов на самом деле было два, потому что помещение разделяла лестница из дерева, похожего на оливковое. Оба зала были вымощены черным и белым мрамором, а внутреннее пространство имело овальную форму с галереей, поддерживаемой тонкими колоннами из орехового дерева. Все было исполнено в миниатюре, но от всего веяло таким простором, какого не могли дать никакие размеры. Также зал был словно, бы пронизан экстрактом, душой и основой солнечного света. Он внушал чувство давно устоявшегося, надежного и спокойного счастья.

На террасе, пристроенной к залу, раздались голоса. Гиффен провел нас в комнату, что была слева.

— Вы, Литен, помните, как выглядел дом во времена полковника Апплби. Здесь была устроена часовня. Здесь всегда была часовня. Вы видите, какие мы внесли изменения… Прошу прощения, мистер Пекуэдер, вы случайно не католик?

Комната была покрыта белыми панелями, с двух сторон были устроены глубокие окна. На одном конце комнаты был воздвигнут прекрасный итальянский храм, пол был мозаичным, синим и белым, с причудливым узором в византийском

стиле. Здесь царила все та же солнечная жизнерадостность, что и в остальном доме. Все было ясно, понятно, открыто, и никакая тайна не могла бы найти здесь себе пристанище. Вполне возможно, что часовня действительно просуществовала здесь три столетия, но от места исходил явный дух язычества. Гиффены, произведя свои изменения, не осквернили комнату. Большую часть площади пола занимал стол, покрытый зеленым сукном, что походил на место, где проводятся всякого рода совещания.

— Это наша рабочая комната, — объяснил Гиффен, — здесь мы проводим наши воскресные собрания. Урсула считает, что выходные дни прошли впустую, если не были посвящены настоящей работе. Часто именно здесь организуется какой-нибудь весьма ценный комитет. Мы стараемся дать приют в нашем доме занятым работникам, где они будут не бездельничать, а работать в хороших условиях.

— «Колледж расположен в более чистой атмосфере», — процитировал Литен.

На это Гиффен не ответил ничем, кроме улыбки: возможно, он никогда не слышал о лорде

Фолкленде[218].

В комнату вошла женщина, — женщина, которая, если бы хоть немного постаралась, могла бы даже быть хорошенькой. Ее рыжеватые волосы, туго стянутые назад, были завязаны в плотный узел, а одежда ее была ужасно неуместна для особняка, возведенного в столь отдаленном углу. У нее были яркие пытливые глаза, какие бывают у птиц, руки ее нервно подрагивали. Она тепло поприветствовала Литена.

— Мы чудесно устроились! — сказала она Литену. — Мы с Джулианом настолько прочно обосновались, что чувствуем себя так, словно жили здесь всегда. Мои дома для матерей в деревне скоро будут готовы, а клуб откроется на следующей неделе. В первую зиму мы с Джулианом продолжим занятия собственными силами. В следующем году мы надеемся, что у нас в самом деле будет хорошая программа… И потом, знаете ли, так приятно иметь возможность развлечь своих друзей… Не хотите ли остаться на чай? У нас тут и доктор Своуп, и Мэри Эллистон, и мистер Перси Блейкер… вы знаете, он член парламента. Вы торопитесь? Ужасно жаль… А как вам наша

[218] Примечания: 218

Лорд Фолкленд — первый лорд Адмиралтейства Энтони Кэри, 5-й виконт Фолклендский (1656–1694).

мастерская? Когда мы в первый раз пришли сюда, здесь было просто ужасно: какая-то обветшалая часовня, похожая на увядшую туберозу. Мы сделали так, чтобы мелодия неба наполнила ее.

— Никогда до этого не видел я дома, столь наполненного простором и светом! — сказал я в ответ милой женщине.

— А, так вы это уже заметили? Место для жизни удивительное, необычайное! Время от времени я чувствую себя здесь такой беззаботной, что становится как-то даже страшновато. Но себя мы считаем только попечителями, теми, кому доверяют люди. И это доверие мы должны направить на общее благо. Понимаете, это дом, на который можно наложить собственный отпечаток. Я могу представить себе дома, что господствуют над теми, кто в них обитает, но Полный Круг пластичен, и мы можем сделать его своим, таким, словно это мы спланировали и построили его. Этот дом — наша главная удача в нашей доброй судьбе!

Здесь мы распростились, потому что у нас совсем не было желания разделить компанию с доктором Своупом или мистером Перси Блейкером. Когда мы дошли до шоссе, мы оглянулись, чтобы еще раз полюбоваться маленькой жемчужиной здешних мест. Лучи заходящего солнца

упали на камень, и цвет меда стал ярко-золотым. Тонкие витки аметистового дыма поднимались в безмятежное пространство. Я подумал о благонамеренной супружеской паре, о двух беспокойных людях, поселившихся за этими стенами, и мне вдруг показалось, что они не совмещаются с картиной, представшей передо мной, что их присутствие здесь не имеет никакого значения. Значимым здесь был только дом, ибо никогда я не встречал в неодушевленном камне такой нежной властности. У дома был собственный характер, ясный, определенный и надежный, как у высокородной пожилой дамы, находящейся среди торговок. И это на нем миссис Гиффен, по ее словам, собралась оставить свой отпечаток!

В тот вечер в библиотеке Борроуби Литен ораторствовал на тему, посвященную временам Реставрации. Борроуби, в которое он вложил огромные усилия и средства, создав цивилизованное жилище, представляет собой усадьбу эпохи Тюдоров типа Котсвольда с островерхими узкими крышами и высокими каменными дымовыми трубами, вертикально возвышающимися над окрестными лугами, напоминая своей

массивностью крепость Пограничья[219]. Литен кивнул в сторону панелей, обшитых льняной тканью, и большой резной полки над камином.

— В таком доме, как у вас, витает тайна старой Англии. Как там сказал Рэли?[220] «Высокие мысли и пророческие размышления». Люди, построившие такой дом, жили совсем рядом с иным миром, и о смерти думали без страха. И не важно, кто они были, крестоносцы, елизаветинцы или пуритане, всю поэзию они несли в себе, в себе же несли они свое героическое и великое неземное начало. В них жил чудесный дух, в них жили премногие радости и победы. Однако и они переживали часы черного мрака. Их жизни были сродни нашей погоде, где есть место и буре, и солнцу. Чего они никогда не боялись, так это смерти. Все их земные дни она ходила совсем близко, и была для них слишком привычной, чтобы стать пугалом.

Но Реставрация резко поломала все. Она принесла в Англию язычество — язычество и ис-

---

[219] Примечания: 219

Пограничье — граница между Шотландией и Англией, территория протяженностью 154 км — от залива Солуэй Ферт на западе и до залива Маршалл Медоуз на востоке.

[220] Примечания: 220

Сэр Уолтер *Рэли* (ок. 1552–1618) — английский мореплаватель и политический деятель.

кусство жизни. Никто и никогда прежде не знал лучше секрета простого и безыскусного счастья. Посмотрите на Полный Круг. В нем нет ни одного темного угла. Человек, который строил его, знал все, что нужно знать о том, как жить… Беда в том, что эти люди не знали, как умирать. И это было, так сказать, единственной тенью на стекле. И тогда они предприняли меры по-язычески: они прибегли к магии. Они так и не стали истинными католиками, всегда и до самого конца они были язычниками, а священника протащили в свою жизнь тайно. Для них он был своего рода страховкой от нежелательной тайны.

* * *

С Гиффенами я снова встретился лишь около двух лет спустя. Майский сезон почти закончился, и я, вырвав день для отдыха, решил провести его на одной из прозрачных рек Котсвольда. Недалеко от того места, где я устроился, я заметил другого человека, который ловил рыбу на противоположном берегу. Я не без тревоги наблюдал за ним, потому что, как мне показалось, этот болван мог испортить мне день. Однако я вздохнул с облегчением, когда узнал в нем Гиффена. С ним было легко договориться, и вскоре мы с ним опре-

делили наши, так сказать, сферы влияния.

Мы встретились за вторым завтраком, и я стоял, наблюдая за тем, как ловко он подвел снасть, а затем резко поднял ее вверх и поймал форель. Я с некоторым смущением должен был признаться, что, во-первых, Гиффен и должен был быть рыбаком — а это не соответствовало моему прежнему представлению о нем, и, во-вторых, то, с каким искусством он забрасывал леску. Во время совместного завтрака я заметил некоторые изменения. Он сбрил свою пушистую бороду, лицо его, это сразу бросилось в глаза, стало не таким худым, как прежде, и обрело явный ровный загар сельского жителя. Одежда на нем также была другой. Она была сшита весьма искусно и выглядела так, словно принадлежала именно ему, на нем уже не было неудобных бриджей воскресного игрока в гольф.

— Увлекся я этим делом так, что дальше некуда, — сказал он. — Нынче у меня всего лишь второй майский сезон, а в прошлом году я был всего лишь новичком. Жаль, что я так долго не знал, что такое добрая веселая рыбалка! Место просто благословенное, не правда ли?

С этими словами он взглянул на июньское небо сквозь кроны цветущих каштанов.

— Я рад, что вы занялись спортом, — сказал я. — Даже если вы приезжаете сюда только на выходные, спорт открывает вам секреты сельской жизни.

— В Лондоне мы теперь бываем не часто, — сказал он в ответ. — Мы продали наш дом в Хэмпстеде год назад. Не понимаю, как я вообще мог вытерпеть это место! Урсула того же мнения… Сейчас я бы не уехал из Оксфордшира даже за тысячу фунтов. Какой чудесный запах! Чувствуете? Это боярышник. На прошлой неделе этот луг благоухал, как рай! А вы знаете, что Литен — довольно странная личность?

— Почему вы так решили? — спросил я.

— Как-то он заявил мне, что эта деревня в июне месяце навевает на него печаль. Он сказал, что загородная жизнь слишком совершенна для падшего человечества. А я считаю, у него с головой что-то не в порядке. Вы-то видите в его печали хоть какой-то смысл?

Я знал, что имел в виду Литен, но понял также и то, что понадобится слишком много времени, что втолковать это собеседнику.

— Мне здесь тепло и хорошо, здесь я счастлив! — продолжил он. — Раньше я часто говорил о жизни рядом с природой! Болван! Разве я знал,

что такое природа? А теперь… — Он замолчал, чтобы перевести дух. — Господи, да ведь это зимородок! — воскликнул он. — В нынешнем году я вижу его всего лишь во второй раз. К сожалению, в наших краях они становятся редкостью.

«В наших краях» — мне понравился эта фраза. Значит, Гиффен все больше и больше становился сельским жителем.

День мы провели хорошо, не сказать, чтобы сверх удачно, но удовлетворительно. Гиффен уговорил меня поехать с ним в Полный Круг на ночь, заверив в том, что утром на узловой станции я смогу сесть на ранний поезд. После этого мы выкатили из зарослей сирени маленькую двухместную машину, и он провез меня четыре мили в благоухающих сумерках, где в каждой заросли пели соловьи. Когда мы доехали до дома, я переоделся в фланелевый костюм Гиффена в спальне, выходящей окнами на озерцо, где плескалась форель, и я помню, что на душе стало так легко и весело, что я даже засвистел какую-то мелодию. В прелестном доме мне показалось, что все еще дышу воздухом весенних лугов.

Первым большим сюрпризом для меня стал обед. Он был восхитителен, — приготовлен просто, но прекрасно, с тем превосходным качеством

продуктов, его составлявших, которое является честью и славой любого загородного дома. Также подали вино, которое, я уверен, было свежим. Гиффен поставил передо мной бутылку крепкого кларета, а затем бутылку более чем приличного портвейна. Вторым сюрпризом стала хозяйка дома. Ее одежда, как и одежда супруга, по идее, также должна была претерпеть изменения. Однако я не был в этом уверен, потому что не заметил, во что она была одета, и я отметил это весьма ясно, когда мы виделись в последний раз. Более значительны были изменения, что коснулись ее лица. Я впервые понял, что она красива. Контуры лица смягчились и округлились, в глазах ее царил чарующий покой, совсем не похожий на прежнее беспокойство. Она выглядела довольной — бесконечно довольной.

Я спросил ее о домах для матерей. Она весело рассмеялась:

— Год я провозилась с ними и отказалась! И матери, и персонал не ладили с сельскими жителями. Сегодня я готова признать свою ошибку, признать, что благотворительность была неправильной. Жительницам Лондона они не пришлись по нраву, потому что они, эти женщины, чувствовали себя одинокими, а сельские

женщины пугались их и старались обойти стороной: боялись подхватить от них заразные болезни. Мы с Джулианом решили, что наше дело — заботиться о наших родных и близких, заботиться о наших слугах.

Быть может, не без некоторого ехидства я что-то сказал насчет замечательной программы сельского образования.

— Еще один пережиток, свойственный жителям города! — смеясь, ответила леди.

Сам Гиффен был несколько смущен.

— Я отказался от программы, — сказал он, — как только почувствовал, что она ничего не стоит. У жизни есть своя совершенно здоровая программа, зачем портить ее, внося излишние сложности? Медицина не нужна, пока человек не болен, а эти люди не болеют. Образование — единственное лекарство от некоторых болезней, что порождает современный мир. Но лекарство будет излишним, если вы не установите болезнь. Короче говоря, у меня не хватило отваги продолжить это дело. Учиться мне хотелось больше, чем учить. Вокруг меня целый мир, о котором я знаю совсем немного, и первое, что я должен сделать, это понять мир. И здесь любой деревенский браконьер может научить меня большему, чем

я должен был бы рассказать ему, если бы начал давать ему уроки.

— Кроме того, у нас так много дел! — добавила миссис Гиффен. — И дом, и сад, и домашняя ферма, и поместье. Поместье невелико, но за ним нужен глаз да глаз!

Столовая была длинной, с низким потолком и рельефными белыми панелями. Через окна проникали запахи сада и слышалось слабое журчание воды. Сумерки сгущались, и гравюры в рамах из розового дерева становились тусклыми, но оставалось еще достаточно света, чтобы разглядеть картину над камином. На ней был изображен мужчина средних лет, одетый по моде эпохи поздних Каролингов[221]. Пухлые тонкие пальцы одной руки сжимали книгу, другая была спрятана в складках жилета, украшенного цветочным узором. Длинный парик с многочисленными локонами обрамлял тонкое лицо, в котором сохранились остатки прежней юношеской грации. Насмешливые морщинки окружали его рот, в глазах сверкала приятная, но очень-очень мудрая улыбка. То было лицо человека, с которым мне бы хотелось поужинать. Этот

---

[221] Примечания: 221

Каролинги — правители Франкского государства в 687–987 гг.

человек, похоже, всегда был душой компании.

— Кто это? — спросил я.

— Лорд Картерон, который построил этот дом, — сказал Гиффен, отвечая на мой вопрос. — Нет, не родственник. Члены нашей фамилии — Апплби, они пришли в эти края в 1753 году. Мы с супругой так полюбили Полный Круг, что захотели увидеть человека, который задумал все это. Портрет достался мне не без трудностей при распродаже имущества кафедрального собора в Картероне. Мне пришлось заплатить перекупщику вдвое больше того, что он сам заплатил на торгах. Но зато как теперь весело жить рядом с этим портретом!

Что и говорить, портрет был на редкость обаятелен! Я разглядывал его до тех пор, пока сумерки не скрыли черты лица того, кто был на нем изображен. То было лицо человека, который чувствовал себя как дома в том мире, где ценились учтивость и вежливость. Хорошим другом, подумалось мне, был старый лорд, хорошим другом и превосходным собеседником. Я мог представить себе, как с его губ — твердо и без запинки — слетает изящная строка из Горация. В лице этого человека чувствовалась если не сила, то некая властность. От портрета джентльмена, которого

давно уже не было на свете, по-прежнему исходил дух жизни. Гиффен поднял бокал портвейна, направив его в сторону портрета, и мы поднялись из-за стола, как бы приветствуя сотоварища.

Мы перешли в комнату напротив, что некогда была рабочей комнатой Гиффенов, где зарождались важные комитеты и составлялись важные докладные записки. И здесь меня ждал третий сюрприз. Стол, покрытый сукном, и полки из грубо обработанного дерева исчезли. Ныне это место представляло собой наполовину курительную комнату, наполовину библиотеку. По стенам было развешано прекрасное собрание цветных гравюр на охотничьи темы, а под ними, выстроившись в ряд, стояли низкие книжные шкафы фирмы Хепплуайта. Свет лампы отражался от стен цвета слоновой кости, и комната, как и все в этом доме, сияла. Над каминной доской висела голова оленя.

— Я добыл его в прошлом году в Махрае. Мой первый олень, — сказал Гиффен, гордо кивнув в сторону головы.

На маленьком столике лежало множество журналов и еженедельных газет. Полагаю, мое лицо выразило явное удовольствие, потому что в тот момент, когда мое внимание привлекли

беззаботные спортивные журналы, хозяин дома виновато рассмеялся:

— Пожалуйста, не подумайте, что все это мы с Урсулой берем для себя. Мы берем это для развлечения наших гостей.

В знак согласия я кивнул головой, но про себя подумал, что среди этих гостей уже наверняка не было доктора Своупа и мистера Перси Блейкера.

Одна из моих многочисленных слабостей заключается в том, что как только я вхожу в комнату с книгами, я не могу удержаться от того, чтобы не просмотреть названиях этих книг. Собрание Гиффена вызвало у меня искреннее одобрение. Там были несколько романистов, с которыми я был уже знаком: мисс Остин и сэр Вальтер, а также восхитительный Марриет[222]. Там была полка с мемуарами и множество сборников поэзии семнадцатого и восемнадцатого столетий, а также серия классиков в прекрасных изданиях Бодони и Баскервиллей и других издательских домов того же уровня. Было много книг по истории графства, а также несколько

[222] Примечания: 222

Мисс Остин — выдающаяся английская писательница Джейн Остин (1775–1817).

Сэр Вальтер Скотт (1771–1832) — великий английский писатель.

Фредерик *Марриет* (1792–1848) — английский писатель, автор многочисленных «морских» романов.

старинных справочников лекарственных трав и несколько путеводителей. Я был уверен, что двумя годами ранее Гиффену не нужна была бы никакая литература, кроме грязных русских «отрывков из обрывков», и, я точно знаю, он бы никогда не узнал имени Сёртиза[223]. И все же там стояли высокие тома, изданные ин октаво[224], описывающие малоприятные карьеры мистера Джоррокса, мистера Фейси Ромфорда и мистера Мыльной Губки.

Я почувствовал, что несколько сбит с толку, когда вытянул ноги, устроившись в очень глубоком кресле. Внезапно у меня возникло сильное чувство, словно я просматриваю какую-то пьесу. Мои хозяева показались мне автоматами, которые покорно исполняют приказы искусного режиссера, не понимая того, что они подневольны. И пока я смотрел на них, они исчезли со сцены, и осталась единственная личность — этот дом, безмятежный и прочный, глядящий с пренебрежением на

---

[223] Примечания: 223

Роберт Смит *Сёртиз* (1803–1864) — писатель-романист, автор многочисленных историй на охотничьи темы, создатель простодушного, грубоватого персонажа, мистера Джоррокса, одного из великих комических героев английской литературы.

[224] Примечания: 224

Ин октаво — книга, в которой страница составляет 1/8 газетного листа.

наши нынешние ужимки и гримасы и одновременно плетущий суровый заговор вокруг своих обожателей. На секунду я почувствовал гнет, подавленность, нечто такое, чему следует сопротивляться. Но нет. Не было никакого гнета: дом был слишком благовоспитанным и высокомерным, чтобы стремиться к захвату и покорению. Лишь тот, кто был влюблен в него, мог познать его совершенство, потому что всякая любовь требует свою цену. Меня окружало большее, чем нечто сооруженное из камня и извести, — то был символ веры, искусство, затея и замысел жизни, — старше любого Картерона, старше самой Англии. Когда-то в далеком прошлом — в Риме, в Аттике или на одном из островов Эгейского моря — такие места называли храмами, и боги обитали в них…

Голос Гиффена, обсуждавшего свои книги, перебил ход моих мыслей.

— Я снова перебрал свою классику, — проговорил Гиффен. — Странное дело, с той поры, как я окончил Кембридж, у меня не было настроения заниматься ими. В английской литературе я разбираюсь на редкость плохо. Хотелось бы, чтобы у меня было больше времени для чтения: для меня это много значит.

— Вся неразбериха от богатства, — сказала миссис Гиффен. — Дни слишком коротки, чтобы сделать все, что нужно. Даже если в доме никто не останавливается, у меня занят каждый час. Приятно заниматься тем, что тебе по душе!

— Все равно читать хотелось бы побольше, — сказал Гиффен. — Никогда прежде так не хотелось, как теперь!

— Но ты приходишь с охоты совсем уставший и крепко спишь до самого обеда, — сказала миссис Гиффен, ласково кладя ему руку на плечо.

Они были счастливыми людьми, а я люблю счастье. Быть может, они были слишком заняты собой, но при обычном ходе вещей я предпочитаю эгоизм. Большинство из нас жуткие себялюбцы, и альтруизм доставляет нам неудобства. Однако где-то в своем сознании я почувствовал некоторое беспокойство, потому что я был свидетелем преображения, слишком быстрого и бурного, чтобы быть естественной от начала до конца. Годы, вне сомнения, обращают наш взор внутрь себя и умеряют наш героизм, но — не два-три года. Здесь действовала сила, какая-то другая сила, более могущественная, чем ход времени. Меня это заворожило и отчасти напугало. Ибо Гиффены, хотя я едва осмелился признаться себе

в этом, испортились, встали на путь вырождения. Передо мной были люди гораздо более приятные, чем прежде. Они мне нравились несравненно больше. Я снова испытал надежду видеться с ними чаще. Я ненавидел тип людей, что они собой представляли, я избегал его, как чуму. Ныне они были мудрыми, мягкими и в высшей степени приятными человеческими существами. Но некая добродетель покинула их. Добродетель, вне сомнения, неудобная, но все же добродетель, нечто щедрое и безрассудно смелое. Прежде их лица светились какой-то задумчивой добротой, а ныне в них царила сердечность, а это не одно и то же.

Какова же была причина этого чуда? Причиной было все, что окружало меня: панели цвета слоновой кости, лестница из оливкового дерева и прекрасный зал с колоннами. Я встал, чтобы отправиться спать, и почувствовал в душе трепет и страх. Когда миссис Гиффен зажгла мою свечу, она увидела, что глаза мои блуждают среди добрых и благодатных теней.

— Разве не чудесно, — сказала она, — обрести дом, что подходит нам, как руке перчатка! Нет, еще ближе: дом подходит нам, как медвежья шкура медведю. Он снял с нас отпечаток, как воск!

И тут я подумал, что если отпечаток и был снят, то не с Гиффенов.

* * *

Ноябрьским днем мы с Литеном бежали домой разминочным темпом после пробега с членами «Хитропа»[225]. День был ужасный. Дважды мы сбивались с пути, дважды находили его, а затем ударил сильнейший ливень, затопивший целое поле. Я сходу плюхнулся в болото и вымок так, что дальше некуда, но ливень не прекращался, и вскоре всех, кто попал под него, привел в одинаковое состояние. Когда мы свернули в направлении на Борроуби, дождь прекратился, и ледяной ветер, подув с востока, частично высушил нашу промокшую одежду. Вся благодать исчезла из долин Котсвольда. Ручьи превратились в бурые потоки, луга в лагуны, а небо, усеянное бегущими облаками, стало отбрасывать на землю свинцовые тени. До Борроуби оставалось миль десять, мы давно опустошили наши фляжки, и мне хотелось чего-нибудь горячего, чтобы избавиться от холода, что пронизывал меня до костей.

---

[225] Примечания: 225

«Хитроп» — известное охотничье общество в городе Чиппинг-Нортон в графстве Оксфордшир.

— А не заглянуть ли нам в Полный Круг? — обратился ко мне Литен, когда мы выбрались из грязной тропы на шоссе. — Заставим Гиффенов напоить нас чаем. Между прочим, вы обнаружите там кое-какие перемены.

— Какие перемены? — спросил я, но он лишь усмехнулся и попросил меня чуть подождать, заверив, что я все увижу собственными глазами.

Пока мы шли по дороге к дому, ум мой терялся в самых разных предположениях. Я подумал о пьянстве и наркотиках, но тут же отбросил эту мысль. Полный Круг прежде всего был местом благопристойным и воплощал здоровье и безопасность. Литен не мог иметь в виду перемены в образе жизни Гиффенов, которые произвели на меня огромное впечатление год назад, потому что мы с ним уже давно обсудили это. Я по-прежнему ломал голову над его словами, когда мы очутились во внутреннем зале и Гиффены гостеприимно засуетились вокруг нас.

Жилище стало восхитительнее прежнего. За окном стоял темный ноябрьский день, но домик, казалось, был залит солнечным светом. Не знаю, в чем состояло искусство его строителей давно

ушедших времен, но воздушные пилястры[226], безупречные линии потолка, мягкая окраска дерева, казалось, открывали дом ясному, чистому небу. Дрова ярко горели на массивных стальных каминных подставках, а их аромат и тонкий голубой дым усиливали иллюзию, ложное чувство того, что за окном по-прежнему продолжается лето.

Миссис Гиффен предложила нам переодеться в сухое, сняв нашу промокшую одежду, но Литен отказался, сославшись на то, что нас ждут на обед в Борроуби. Мы вдвоем встали у камина и принялись пить чай, и облако пара, вытянутое теплом из нашей одежды, смешалось с древесным дымом. Гиффен развалился в кресле, а его супруга уселась за чайный столик. Я стал осматриваться в поисках изменений, о которых сказал Литен.

В Гиффене я их не обнаружил. Он был почти таким же, каким я запомнил его той июньской ночью, когда я спал здесь, разве что с той поры он чуть пополнел лицом, а его рот и глаза стали еще чуть более безмятежными. Он выглядел человеком вполне довольным жизнью. Улыбался он легко, а смеялся непринужденно. Показалось ли

[226] Примечания: 226

Пилястры — вертикальные плоские выступы, служащие для членения плоскости стены.

мне или, быть может, он и в самом деле заимствовал взгляд того, чей портрет висел в столовой? Мне очень захотелось пойти в столовую и взглянуть на картину. Мне показалось, что у Гиффена в складках его рта ныне появилось некое изысканное самодовольство. Лели нашел бы в нем вполне подходящего для себя натурщика[227], хотя его худые руки могли бы сбить художника с толку.

Но его жена! Изменения, что произошли в ней, не вызывали никаких сомнений. Ныне она была скорее милой, чем хорошенькой, и очертания ее лица стали тяжелее. Рвение и пыл исчезли из ее глаз, оставив лишь покой и доброе настроение, а также легкое подозрение, что дело не обошлось без румян и пудры… На ней была нить хорошего жемчуга — и я впервые увидел ее носящей драгоценности. Рука ее, которой она разливала чай, была пухлой, приятной формы и ухоженной. Я видел в ней самую подходящую хозяйку загородного дома, лучше которой трудно было себе представить, которая заботилась о том, чтобы в этом доме не было недостатка ни в чем.

Теперь она говорила больше и смеялась чаще. В голосе ее звучала та воздушная легкость, что сде-

---

[227] Примечания: 227
Питер *Лели* (1618–1680) — английский живописец.

лала бы очаровательным самый глупый лепет.

— Мы хотим наполнить наш дом молодежью и устроить бал на Рождество, — объявила она. — Этот зал просто требует, чтобы в нем танцевали! Вы оба должны прийти! Обещайте мне! И, мистер Литен, с вашей стороны будет весьма любезно, если вы приведете людей из Борроуби. Юношей, пожалуйста. Девушек у нас на наших вечеринках более чем достаточно. Мы должны что-то сделать, чтобы зимой в деревне было весело.

Я заметил ей, что никакое время года не сделает Полный Круг веселее, чем сам Полный Круг.

— Как мило с вашей стороны! — воскликнула миссис Гиффен. — Хвалить дом — значит хвалить его хозяев, потому что жилище — это то, что делают из него его обитатели. Иным словами, мистер Литен, Борроуби — это вы, а Полный Круг — мы.

— Может, поменяемся? — спросил Литен.

Леди скорчила гримаску:

— Борроуби, живи я в нем, просто сокрушил и раздавил бы меня, он подходит лишь такому пережитку готического прошлого, как вы. Вы полагаете, что здесь вы были бы счастливы?

— Счастлив? — задумчиво промолвил Литен. — Счастлив? Да, несомненно. Но это, быть может, было бы пагубно для моей души… Сейчас самое

время покурить, Гиффен, а затем мы должны идти.

Я набивал себе трубку, когда мы пересекали внешний зал, и собрался уже было войти в курительную комнату, что так хорошо мне запомнилась, как вдруг Гиффен положил мне руку на плечо.

— Теперь мы там не курим, — торопливо сказал он.

Мы отворили дверь, и я заглянул внутрь… Место претерпело третью метаморфозу. Мраморный храм, что запомнился мне в мой первый визит, вернули на прежнее место, а голубой мозаичный пол и стены цвета слоновой кости остались ничем не прикрытыми. В восточной части стоял небольшой алтарь, а над ним висела копия «Мадонны» Корреджо[228].

Воздух был наполнен слабым ароматом ладана и оранжерейных цветов. Передо мной была часовня, но, клянусь, в теперешнем ее виде она стала более языческим местом, чем тогда, когда была мастерская или курительная комната.

Гиффен осторожно закрыл за собой дверь.

— Быть может, вы не знали, — сказал он, — но

---

[228] Примечания: 228

Антонио *Корреджо* (ок. 1489–1534) — итальянский живописец.

несколько месяцев назад моя жена приняла католичество. Полагаю, для женщин это благой поступок: ритуал придает упорядоченность их жизни. Поэтому мы восстановили часовню. Она всегда была здесь — и во времена Картеронов, и во времена Апплби.

— А вы? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Я не слишком беспокоюсь о таких вещах и намерен следовать примеру моих предшественников. Это доставит удовольствие Урсуле и не обидит никого.

* * *

Мы остановились на вершине холма и, оглянувшись, взглянули на цветущую долину. Литен засмеялся, но в его смехе было больше благоговения, чем веселья.

— Чудесный маленький домик! Я собираюсь разыскать все записки о старом Томе Картероне, какие только удастся найти. Все говорит за то, что он был на редкость умным человеком. Он все еще живет в этих местах и заставляет людей делать то, что сам делал когда-то… Из такого места можно и священника удалить, и место убрать-подмести, и заново его украсить, но прежний хозяин всегда

возвращается!

Развалины поднимались, противостоя ветру, и на серые стены падал луч бледного вечернего солнца. Мне показалось, что в эти минуты маленький дом был преисполнен кроткого торжества.

Впервые на русском языке — важнейший сборник рассказов выдающегося шотландского политика, историка и писателя, «отца шпионского триллера» Джона Бакена. Этот автор известен прежде всего романом «Тридцать девять ступеней» и его шикарной экранизацией, сотворенной Хичкоком. Однако в истории литературы Бакен считается еще и непревзойденным мастером новеллы о путешественниках по миру и охотниках за приключениями — приключениями, порой чреватыми сущим кошмаром...

«РАССКАЗЫ МИСТЕРА БАКЕНА НА РЕДКОСТЬ ЯРКИЕ И УБЕДИТЕЛЬНЫЕ. ОСОБЕННО В ОПИСАНИИ ПОТУСТОРОННЕГО. „ЗЕЛЕНАЯ АНТИЛОПА ГНУ" — РАССКАЗ ОБ АФРИКАНСКОМ КОЛДОВСТВЕ. „ВЕТЕР В ГАЛЕРЕЕ" ОБРАЩАЕТСЯ К СТРАХАМ ДРЕВНЕРИМСКОЙ ПОРЫ, НО ОСОБЕННО ХОРОШ „СКУЛЕ СКЕРРИ" — ОБ АРКТИЧЕСКОМ УЖАСЕ».

ГОВАРД ЛАВКРАФТ

«БАКЕНА НАЗЫВАЛИ „ПОСЛЕДНИМ ВИКТОРИАНЦЕМ": ЭПОХА, КОТОРАЯ МОГЛА ПОРОДИТЬ ПОДОБНУЮ ЛИЧНОСТЬ, ДАВНО КАНУЛА В ЛЕТУ... СОЗДАТЕЛЬ РИЧАРДА ХАННЕЯ, СЭНДИ АРБЕТНОТА И ДРУГИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ГЕРОЕВ БЫЛ ВЕЛИКИМ И ВЛИЯТЕЛЬНЫМ АПОЛОГЕТОМ ЦИВИЛИЗАЦИИ».

THE NEW CRITERION